

Даже слабая магия может натворить дел

ОЛЬГА
ПАШНИНА

ИГРЫ ОГНЯ.
ИСКРА

Annotation

Возвращаясь из отпуска, я и не подозревала, что вместо привычного дождливого Петербурга увижу... город, полный магии. А вместо политехнического университета – школу Огня, любезно согласившуюся принять меня в ряды адептов.

И это не единственная проблема!

Во-первых, магия огня, которой я обладаю, самая слабая и ненавистная в мире. А ведь близятся Игры Стихий – состязание между магическими школами, выжить в котором у мага огня почти нет шансов.

Во-вторых, мой главный кошмар и противник – Аспер Дашков, маг воды. Вместо сердца у него кусок льда, а для забавы – чужие жизни.

В-третьих, вместе с новым миром из ниоткуда возник Михаил Светлов – сосед по коммуналке, якобы давно в меня влюбленный. Вот только я его совсем не помню, словно в моем мире его и не существовало.

Сначала я думала, что сделаю все, чтобы разрушить магическую реальность и вернуться в свой мир. Но так ли он нужен мне на самом деле?

Новинка от топового автора романтического фэнтези Ольги Пашниной, начало новой трилогии.

Сильная героиня, попавшая из привычного нам мира в параллельный Санкт-Петербург и намеренная во что бы то ни стало вернуться домой.

Друг детства, защищающий героиню даже во вред себе, и парень-социопат из высшего общества, играющий с чувствами героини.

Альтернативный Санкт-Петербург, в котором сохранилась монархия, а магия вытеснила технологии.

Соревнования между магическими школами, из которых не все выйдут живыми.

-
- [Ольга Пашнина](#)

- [Предупреждение](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
-

Ольга Пашнина

Игры огня. Искра

Иллюстрация *Е. Князевой*

© Пашнина О. О., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Предупреждение

Все, что вы найдете в этой истории, выдумано и не соответствует действительности. Все реальные личности, события (в том числе исторические) и места убраны и переработаны намеренно.

Глава первая

– Если бы в нашем мире существовала магия, какой бы она была?

Вопрос застал меня врасплох. От соседа в самолете ожидаешь услышать что угодно, но не рассуждения о магии. Надеюсь, это не сектант какой-нибудь. Лететь оставалось больше двух часов, и я не была уверена, что готова слушать проповеди или агитацию. Хотелось дослушать книгу и посмотреть на город из иллюминатора.

Так уж вышло, что до восемнадцати лет я ни разу не летала на самолете. И эта путевка на Кубу стала полной неожиданностью: родители копили несколько лет, чтобы сделать мне незабываемый подарок на окончание школы. Папа сказал, они копили на платное отделение в вузе, но раз я справилась и поступила на бюджет, то заслужила путевку к океану.

И это были незабываемые десять дней. Я просто лежала на берегу, слушая шум волн, и наслаждалась жизнью, отдыхала от напряженных недель перед экзаменами. Перечитала, кажется, сотню книг и...

Тут меня осенила догадка.

– Вы книгу пишете? – спросила я.

Незнакомец рядом сидел с ноутбуком и все время что-то печатал. Место между нами осталось пустым, так что я не могла заглянуть в его экран.

– Да, типа того, – улыбнулся он. – Пишу книгу. Так что скажете?

– Ну... наверное, была бы магия воды, земли, воздуха и огня.

– Логично, – улыбнулся он. – А как именно она бы работала?

– При помощи волшебной палочки? – Я ляпнула первое, что пришло на ум.

– Как в «Гарри Поттере».

– Ага. Вау, бдыщь, красиво – и все такое.

После этих слов мой сосед рассмеялся. И я вдруг поняла, что он довольно симпатичный. Шатен лет тридцати, с длинными волосами, собранными в тугую косу. Нетипичная для мужчины двадцать первого века прическа его совсем не портила, даже придавала его облику легкий флер фэнтезийности – словно в мире и правда существовала магия. А еще он красиво улыбался. Мне всегда нравились люди, у

которых красивая улыбка. Не выдрессированная перед зеркалом, а искренняя и заразительная. Когда сосед улыбался, на его щеках появлялись милые ямочки.

Но вот серые глаза были грустными.

– Летали в отпуск? – спросил он.

– Да. Подарок на окончание школы от родителей. А вы по путевке или сами?

– Я живу на Кубе. Лечу в Петербург на похороны брата.

– Соболезную.

– Спасибо. Жаль возвращаться в любимый город при таких обстоятельствах. Вот пытаюсь отвлечься. Всегда мечтал написать свою историю. Продолжим?

– Буду рада побыть немного музой. Уверена, будет бестселлер.

Мужчина хмыкнул.

– Это точно. Тогда такой вопрос: придумайте магический транспорт.

– Драконы! – тут же выпалила я. – Вместо самолетов.

– А вместо автобусов и машин?

С этим оказалось сложнее.

– Драконы поменьше?

– Сойдет. Даже логично. Наземный транспорт – змеевидные драконы. Водный – водные. Воздушный – летающие. Еще идеи есть?

– Обязательно должны быть какие-то крутые маги с крутыми прозвищами. Типа Князь Ветра или Королева Искр. И состязания. Как Олимпийские игры, только магические. И... наверное, должны быть какие-то монстры. Или антагонист. Злобное зло, в общем, которое иногда будет нападать на героев.

Сосед что-то быстро печатал в своем файле. Мне было жутко любопытно, но попросить почитать я не решилась. Сама ненавижу, когда лезут под руку и заглядывают в книгу. Вроде бы ничего такого: ну хочется человеку в метро узнать, что там читает молоденькая девчонка на соседнем сиденье, но я не могу с собой справиться и каждый раз злюсь. Как будто кто-то пытается отобрать принадлежащую мне историю.

– Что ж, вот и все. – Мужчина закрыл ноутбук. – Идея почти готова. Осталось...

И вдруг погас свет.

От неожиданности я вздрогнула. Кто-то удивленно спросил, что случилось, кто-то пощелкал выключателем над головой.

Самолет затрясло. По пути мы не раз попадали в турбулентность, но еще никогда нас так не трясло. Ремень больно впился в живот, через два ряда впереди посыпались плохо закрепленные на багажной полке вещи. Те пассажиры, что оказались не пристегнуты, сдавленно охнули, очутившись на полу.

Дикая тряска, от которой замирало сердце и останавливалось дыхание, продлилась несколько мучительно долгих минут. Все это время мой сосед оставался поразительно спокойным.

– Бывает, – пожал он плечами, поймав мой ошарашенный взгляд.

Нет, не бывает!

Взглянув в окно, я увидела густую черную тучу, в самую гущу которой мы и влетели. Где-то совсем рядом сверкнула молния. Забегали стюардессы, помогая пристегнуться застигнутым бурей врасплох пассажирам.

– Дамы и господа, наш самолет попал в грозу. Просим вас сохранять спокойствие, пристегнуть ремни, поднять шторы иллюминаторов, убедиться, что столик убран, а кресло приведено в вертикальное положение. Временно мы приостанавливаем обслуживание и возобновим, как только будет возможно. Для беспокойства нет причин, ситуация штатная, наш самолет рассчитан на гораздо большие нагрузки, в том числе на удары молний.

Если до сих пор народ в основном беспокоился и ругался, то после обращения пилота откровенно запаниковал.

И только мой сосед оставался совершенно спокойным.

А еще казалось, кроме меня, никто и не заметил одну маленькую странность. За несколько секунд до попадания в грозу за бортом было абсолютно чистое бескрайнее небо.

Все успокоилось довольно скоро. Сначала вокруг перестало сверкать, потом почти прекратилась тряска. Табло «застегните ремни» горело еще некоторое время, а затем погасло. Но никто из пассажиров больше не спешил встать, чтобы прогуляться по салону или постоять в очереди в туалет. Зато все с удовольствием и изрядной долей облегчения согласилось выпить.

Сосед не произнес ни слова и вообще потерял ко мне интерес, словно мы и не болтали совсем недавно о его книге.

«Ну и ладно, – обиженно подумала я, – зуб даю, ты ее не напишешь».

Пришлось признаться себе, что он меня зацепил. И попроси он номер телефона или страничку в сети – дала бы не задумываясь, даже несмотря на разницу в возрасте. Но он наверняка видел во мне вчерашнюю школьницу, возвращавшуюся с каникул. И это было обидно. Я, между прочим, без пяти минут студентка технического вуза культурной столицы России.

И конкретно сейчас еще и девица с уязвленной гордостью. Но не пристанешь же к соседу с вопросом: «Неужели я вам совсем не понравилась и вы не хотите взять мой номер?»

Может, у него есть девушка. Наверняка есть. Какая-нибудь шикарная кубинка. У такого парня просто обязана быть девушка или даже жена.

Наконец шасси коснулись земли. Еще немного нас потрясло, и я невольно представила, как дракон с кабиной, полной пассажиров, на спине по инерции бежит по земле во время посадки.

Потом все стихло, и народ принялся доставать ручную кладь с полка. Я вставать не спешила: никакой ручной клади, кроме клатча, при мне не было, а чемодан я сдала в багаж. Сосед также остался в кресле и, лишь когда салон почти опустел, поднялся. Но вместо того, чтобы направиться к трапу, повернулся ко мне.

– Меня зовут Дмитрий.

– Ярина, – представилась я, от неожиданности растеряв всю уверенность.

– Очень приятно, Ярина. Хорошего вам года и спасибо за полет.

– Всего доброго, – пробормотала я.

Дмитрий вскоре скрылся среди выходящих пассажиров, и следом опомнилась я. Волшебное путешествие подошло к концу. Хороший год мне не помешает.

Я вышла к трапу одной из последних. В лицо ударил прохладный ветер, присущий концу лета, и приятный запах дождя, уже ставший визитной карточкой любимого Питера. Хотя, если честно, стереотипы такие стереотипы: у нас, конечно, не идеальная погода, но и хороших деньков хватает. Хотя лично для меня этот город прекрасен в любую погоду. Даже если ветер ласково колышет арматуру.

К слову, о ветре. Очередной порыв едва не сбил меня с ног. Площадку накрыла огромная тень. Испугавшись, я подняла голову и обомлела.

Над нашими головами пролетел дракон.

* * *

Сначала я решила, что попала на какое-то авиашоу. Наверняка это был воздушный змей или новый истребитель, выделяющий кульбиты в честь какого-нибудь праздника. Но затем обернулась и поняла, что схожу с ума.

Вместо обычного «боинга» на небольшой платформе с лапы на лапу переминался огромный светло-серый дракон. С шипами вдоль туловища и хвоста, с двумя витыми рогами и жуткой, полной острых зубов, пастью.

Прежде я видела драконов только в сериалах, но на экране! И никогда не думала, что увижу вот так, вблизи, живую.

– Драконов не существует, – сказала я себе.

Но он стоял здесь, можно было пройти несколько метров и коснуться блестящей шкуры.

– Ярина! – услышала я голос отца.

Бросилась к нему, как утопающий к спасательному кругу, но остановилась, будто налетев на невидимую стену.

Почему родителей пустили к посадке? А как же граница, таможня, багаж? Где автобус, который должен увезти пассажиров в здание аэропорта, где наземные службы?

– Слава богам, детка! Вы задержались на целый час, мама чуть с ума не сошла. Где твоя сумка? Ты что, забыла ее в драконе? – нахмурился папа. – Все в порядке? Говорят, была жуткая гроза как раз на пути вашего дракона.

– Д-дракона...

Что он несет?!

– Подожди, я принесу сумку.

С этими словами он направился к серому монстру, ловко взобрался по приставленной к шкуре лестнице в кабину на спине

дракона и уже через несколько минут появился, держа в руках небольшой кожаный саквояж. Который мне не принадлежал.

– Ну вот и все. Идем? Мама приготовила обед. Мы ужасно соскучились!

– Пап... – От волнения голос мне не повиновался. – А что происходит?

– В каком смысле? Что-то случилось? Тебя кто-то обидел?

– Я имею в виду это! – Я ткнула пальцем в дракона. – Откуда это взялось? Я летела на самолете, а не на драконе! Их вообще не существует!

– Что такое самолет? Искорка, ты не заболела?

Что ж, кое-что осталось неизменным: папа все еще называл меня Искоркой. Может, я не сошла с ума, а оказалась в параллельном мире? Я читала истории о том, как целые самолеты с пассажирами оказывались в прошлом. Или в будущем – как в одном сериале. А наш вот залетел в соседнюю вселенную.

Хотя самолет как раз не залетел. Я оказалась в драконе вместо «боинга», судя по остальным пассажирам, вопросов наш транспорт больше ни у кого не вызвал. И что происходит?

– Так... – Папа отчаялся получить хоть какое-то вменяемое объяснение. – Что бы ни случилось, маме об этом знать не стоит. По крайней мере, до инициации. Она и так на нервах. Поехали домой, еще нужно подготовить документы на завтра.

– А завтра у нас...

– Инициация. Детка, ты не заболела? Завтра ты получишь свою магию. И нужно быть отдохнувшей.

– Магию... – эхом откликнулась я. – Пап... мне надо тебе кое в чем признаться.

И тут в толпе я увидела Дмитрия. На миг наши взгляды встретились, и мне показалось – лишь на миг, – что он, в отличие от остальных, прекрасно понял причину моего волнения.

Я бросилась за ним, но толпа, хлынувшая из очередного приземлившегося дракона, меня оттеснила. А когда я пробилась к выходу, никого, похожего на случайного соседа-писателя, уже не было видно.

Зато стало видно город.

С парящими над ним драконами. С висящими над головами прохожих огнями, служившими источниками света в типичный питерский пасмурный день. С причудливо и немного вычурно одетыми в роскошные платья женщинами и в расшитые серебром камзолы мужчинами.

Я смотрела на знакомые улицы и узнавала лишь очертания: они превратились в место проявления самых разнообразных форм магии. Лениво лежали на набережной кошки, сотканые из тьмы и тумана. Порхали по веткам деревьев покрытые инеем птицы. Пестрели огоньками, вспышками и волшебством витрины лавочек и кондитерских.

Я словно оказалась посреди декораций к фэнтези-фильму. Но ни камер, ни режиссера в специально подписанном кресле видно не было.

Рядом со мной остановился растерянный папа. Кажется, он думал о том же – что я сошла с ума. Но я при всем желании не смогла бы ничего ему внятно сейчас объяснить. Я лишь пыталась поверить собственным глазам и осознать: что бы ни произошло, сошла ли я с ума или всю жизнь провела в фантазиях, а теперь прозрела, мир вокруг стал совершенно другим.

– Да что они с Питером сделали, сволочи?! – вырвалось у меня.

Хотя кто такие «они», я не имела ни малейшего понятия.

– Ярина? – Следом за мной вышел папа. – Ты в порядке? Что-то ты мне не нравишься. Надеюсь, ты не заболела? Плохая была идея – отправлять тебя к бабушке перед самой инициацией. Я надеялся, ты отвлечешься от дурных мыслей и страхов. Но, похоже, только сделал хуже.

– К бабушке? У нас на Кубе живет бабушка?

Я бы не забыла кубинских родственников. Да я бы летала к ним на каждые каникулы, будь это так!

– Понятия не имею, что такое Куба, – ответил отец. – Но чувствую, что назрела необходимость поговорить. Может, пройдемся до дома пешком? А сэкономленные деньги тайком от мамы потратим на штрудель с мороженым?

Что ж, папа все еще сладкоежка – и это пока единственный оплот стабильности в жизни.

– Пешком в Кудрово? – хмыкнула я.

Понятия не имею, как аэропорт оказался на том месте, где раньше был вокзал, я вообще перестала что-либо понимать, но знаю, что до дома нам идти пешком из центра дня три, не меньше.

Но папа снова повторяет:

– Понятия не имею, что такое Кудрово. Идем, расскажешь, что тебя беспокоит.

Если бы я только знала! И была уверена, что отцу не стоит такое рассказывать. Вдруг он решит, что я сошла с ума и запрет меня в психушке? Или скажет: «Ярина, ты что, забыла? На недавнем референдуме мы все проголосовали за внесение магии в конституцию. Физика – это прошлый век!»

А еще интуиция подсказывала: что бы ни происходило, тот Дмитрий из самолета был замешан.

Драконы, магия – все идет по его плану! Только это не книга, а реальная жизнь.

Или я попала в книгу?

Или спала, а теперь проснулась?

Или весь мир изменился, а заметила только я?

Нет, это невозможно переживать в одиночку. Все это время папа терпеливо ждал, когда я буду готова общаться.

– Что, если мне кажется, будто мир изменился? – спросила я. – И еще вчера он был совсем другой. Как будто... как будто я – это не я, а я из параллельного мира, понимаешь?

– Пока нет. Что значит «изменился»? Что не так?

– Все! – Я распростерла руки.

Мы как раз вышли на Невский, и в глазах зарябило от обилия магических спецэффектов. Вместо кафешек, бутиков и магазинов были салоны, рестораны и лавочки. В витринах порхали искрящиеся всеми цветами птицы и бабочки, сияли сотканые из светящихся нитей панорамы Петербурга, беззвучно двигались рисунки на плакатах и постерах. От всего многообразия рябило в глазах.

– Никакой магии еще вчера не существовало! Вместо драконов были самолеты – гигантские железные машины с двигателями. Вместо «Лавки магических сокровищ» – «Санлайт», а вместо «Лучшее кофе василеостровских магов» – «Кофейня номер один». Только дурацкий средний род у кофе остался прежним.

– А какой, по-твоему, род у слова «кофе»? Мужской, что ли?

– Вот! Мир сошел с ума окончательно! Я садилась в самолет, а вышла из дракона. Улетала из Петербурга двадцать первого века, а оказалась в выдуманном! И никто не бегаёт и не кричит: «О боже, в нашем мире появились драконы!» Скажи, пап, я схожу с ума?

– Не уверен... Я, честно сказать, ожидал чего угодно, но не этого. Может, это какой-то новый грипп? Или чья-то вышедшая из-под контроля магия? А может, ты действительно попала в параллельный мир? Очень похожий на наш, только не магический. Я о таком не слышал, но... Кто знает этих магов-исследователей?

– И что, где-то в мире айфонов и метро магическая Ярина плачет при виде валидатора?

– Метро у нас вообще-то есть.

– Прямо с поездами?

– С вагонетками. Магия земли – могущественная сила.

– Круто. Так и что мне делать?

Судя по направлению движения, мы шли к Петроградскому району. Вряд ли папа решил бы гулять дольше двух часов, значит, в этой реальности мы жили почти в центре. Пока я не поняла, плюс это или нет, но заинтересовалась.

– Если предположить, что ты не сошла с ума, то первое – никому об этом не рассказывать, потому что я, Искорка, поддержу тебя в любом безумии, а вот остальные...

Резонно. Наверняка в мире магии и драконов медицина не на высшем уровне, и лечение от сумасшествия мне не понравится.

Я прочитала столько книг и посмотрела столько сериалов о том, как реальность героев вдруг изменилась, что теперь, оказавшись в одном из них, невольно вспоминала все сюжеты и пыталась найти в них хоть какой-нибудь план действий.

– Давай сверим наши миры? – предложил отец.

На Дворцовой площади, как и всегда, было шумно и многолюдно, даже несмотря на будний день. Работала городская ярмарка. Звучала музыка, отовсюду раздавался счастливый смех. Папа купил нам по штруделю с яблоком и мороженым, и мы сели на одну из скамеек поодаль от павильонов. Я так засмотрелась на факира, высекающего пламя прямо из рук, что вся обляпалась мороженым.

Блин, это ведь магия! Самая настоящая!

– Ты – Ярина Огнева, и тебе восемнадцать лет. Недавно ты окончила школу и улетела на каникулы к бабушке.

– На Кубу, – поправила я. – Это жаркая страна на другом конце планеты. Там красивый океан.

– Ого! – Папа удивленно присвистнул. – В твоём мире мы богаты, раз можем позволить такие перелеты?

– Нет, но в моём мире на такие перелеты можно накопить. Это был ваш подарок. Вы с мамой откладывали мне на учебу, но я поступила на бюджет, и на сэкономленные деньги вы купили мне путевку.

– В твоём мире обучение платное?

– А в этом нет?

– Нет. Дети оканчивают бесплатные общие классы. Те, у кого способностей к магии нет, отправляются на работу. А способные продолжают обучение в школах. Воды, Воздуха, Земли и Огня. Но прежде проходят инициацию магии. Самые сильные стихии – Вода и Ветер. Самая слабая – Огонь. Годится вон, – папа кивнул на факира, – только для ярмарок.

Я рассмеялась:

– Огонь – слабая стихия? Да это кошмар! В моём мире ты пожарный. Спасаясь из огня людей. Ты столько ужасов мне рассказывал! Например, о том, как за четыре минуты полностью выгорает целая комната!

– Ну, в нашем мире огонь – это просто баловство. Его без труда гасит любая магия. Можно потушить пожар водой, погасить ветром, засыпать землей – это программа первого месяца обучения любого мага. А я никакой не пожарный, а кожевник.

– Кожевник, – повторила я. – А мама?

Надеюсь, у меня нет десятка братьев и сестер.

– Мама у нас горничная в доме Дашковых. И скоро рассчитывает занять место экономки.

– Не знаю, кто такие Дашковы, но звучит так себе. В моём мире мама – врач. С точки зрения зарплаты не вау, но довольно уважаемо.

– Ярина, – строго произнес отец, – в работе горничной нет ничего постыдного.

Я слегка покраснела.

– Извини. Я не это имела в виду. Просто... в моем мире вы обожают свои профессии.

– А в этом мы обожаем друг друга. И не такие уж наши профессии плохие. Только посмотри на это великолепие.

Папа кивнул на Эрмитаж.

– Даже возможность бывать внутри в роли горничной – бесценна.

Я подавилась штруделем и еле-еле откашлялась.

– Погоди... Мама что, работает в Зимнем дворце?

– Где?

– В Эрмитаже?!

– Что?!

– В этом, – я ткнула пальцем, – здании?

– А, в резиденции Дашковых? Да, это она. Великолепный образец архитектуры магического рассвета Петербурга.

– О! Мы хотя бы все еще называемся Петербургом. Уже хорошо. Значит, мой отец, Амир Огнев – кожевник, а мать, Петра Огнева – горничная. Ну а я пока непонятно кто, но лучше бы не маг огня, потому что мало того, что способность не перспективная, так еще и фамилия звучит глупо, так?

– Да. Все верно.

– Мне нужно это как-то осмыслить.

– Знаешь, мне тоже. Я даже не могу понять, верю ли тебе, детка. Но обещаю: мы во всем разберемся. Если ты больна, я никогда тебя не оставлю наедине с бедой. А если наши миры и впрямь смешались... мы найдем выход.

Тиски, сжимавшие сердце, немного разжались. Папа найдет выход. Всегда находит. И он вернет мне мой мир и мою реальность, а пока я... Буду наслаждаться этой?

Отдохнув, мы продолжили путь. Пересекли Неву, прогулялись по набережной и, наконец, петляя по любимым и почти знакомым улочкам, оказались на крыльце небольшого четырехэтажного дома. Вместе с отцом я поднялась на второй этаж.

Он коснулся видавшей виды деревянной двери, и она со скрипом открылась. В нос ударил странный запах сырости и выпечки одновременно. А еще на меня обрушились звуки.

Гул голосов. Шкворчание масла на кухне. Шум воды. И шаги.

Очень. Много. Шагов.

Я повернулась к отцу:

– Только не говори, что мы живем в коммуналке!

Глава вторая

Да, мы живем в коммуналке. Оказывается, все, у кого нет магии, в них живут, и наша – еще не самый плохой вариант. У нас есть отдельная комната, а у меня даже свой угол: письменный стол с небольшим стеллажом и кровать на втором ярусе.

В целом обстановку можно было описать как «бедно, но чисто». Родительская кровать, выдавший виды стол, заваленный обрезками кожи, свертками ткани и фурнитурой, и большой, слегка покосившийся, книжный шкаф.

Из окна виднелась маленькая питерская улочка. Самая обычная, ничем не примечательная. При взгляде на нее казалось, что мир совсем не изменился. И стоит выйти на улицу, все вернется на круги своя. Эрмитаж будет Эрмитажем, а не резиденцией какой-то знатной семейки, драконы останутся персонажами фэнтези, а папа рассмеется и скажет, что меня просто-напросто разыграли. Мы поедем в наш милый сердцу человеконик, где у меня отдельная комната, а у мамы есть гардеробная, и будем счастливо жить без всякой магии.

Но пока никто не спешил выбегать из-за угла с камерой, букетом и криками: «Это пранк!» В шкафу я обнаружила кучу непонятной одежды, совсем непохожей на любимые кеды и джинсы. Конечно, было много кожи и замши, новая профессия папы не прошла даром. Я нашла несколько курток, милое вишневое пальто с сапожками в тон. Пару шелковых блузок, несколько брюк и одно-единственное нарядное светло-серое платье, тщательно отутюженное и закрытое со всех сторон тонкой пергаментной бумагой на манер чехла. Наверняка платье предназначалось для какого-то торжественного выхода.

«Инициации», – пришло мне в голову.

Сумку разбирать не стала. Переделалась в рубашку, широкие штаны, похожие на домашние, собрала волосы в хвост и пошла исследовать жилище на предмет ванной комнаты. И заодно молиться, чтобы она была приличная.

Но вместо ванной длинный коридор привел меня к кухне. Проходя мимо гостиной, я невольно залюбовалась эркером, через окна

которого проникал дневной свет. Очарование петербургских гостиных не исчезло даже в этом безумном мире.

У дверей в кухню я остановилась и прислушалась. Не хотелось ввалиться к соседям во время обеда. Ну а узнав голоса родителей, и вовсе перестала дышать, чтобы не пропустить ни единого слова. Ведь говорили обо мне.

– Думаешь, это магия так влияет? Но я не слышала, чтобы способности просыпались до инициации.

– Думаю, она нервничает. Мы перегнули палку.

– Ты хочешь сказать, я перегнула палку, – раздраженно отозвалась мама.

– Ничего такого я не говорю. Мы все волнуемся. И Ярина сильнее всех. Думаешь, они между собой ничего не обсуждают? И не боятся получить огонь? Она знает, что ее способности к магии – чудо. И боится, что чуда не хватит на хорошие способности.

– Да, но выдумывать другой мир? Где не существует магии? Амир, это тревожный знак!

– Не думаю, что она больна. Но завтра попробую договориться с целителем. Пусть убедится, что все в порядке. Уверен, это просто защитная реакция на страх.

Входить резко перехотелось. Я прошмыгнула по коридору в прихожую, обулась и выскользнула на лестничную клетку. Поднялась на чердак, а оттуда – на крышу. Отработанная схема, которая почти не давала сбоев даже в моем родном мире.

Крыши всегда меня успокаивали.

Мне было обидно. Папа не поверил. Имел на это право.

Поверила бы я, если бы он вдруг заявил, что мир стал другим? Что он всю жизнь провел среди магов и драконов, а технологии и бетонные джунгли его пугают?

Не знаю. Это звучит слишком безумно, чтобы поверить.

И все же... я думала, папа готов. Он всегда был мне лучшим другом. Знал обо всех бедах и мечтах. Всегда знал, что сказать. Умел одним взглядом заставить улыбнуться.

И сейчас мне очень не хватало этой его суперспособности.

– Я поставил сотку на то, что у девицы с фамилией Огнева будет магия огня. Хочешь сделать ставочку и подзаработать, чтобы отец смог купить волшебную палочку?

Сердце снова пропустило удар – я вспомнила диалог в самолете.

– Ну... наверное, была бы магия воды, земли, воздуха и огня.

– Логично, – улыбнулся он. – А как именно она бы работала?

– При помощи волшебной палочки? – Я ляпнула первое, что пришло на ум.

Обернувшись, я увидела парня. На вид – моего ровесника, с короткими русыми волосами, одетого в мешковатую и потертую кожанку. Через крошечное чердачное окно он вылез ко мне на крышу и устроился рядом, на краю, свесив ноги вниз.

Я понятия не имела, кто он такой. Но, несмотря на язвительное замечание о деньгах, не почувствовала в нем враждебности.

– Волнуешься? – спросил он.

Я пожалала плечами. Знать бы о чем!

– Мама сходит с ума, – дипломатично ответила я. – Волнуюсь за ее здоровье.

– Она у вас любит драму, – усмехнулся парень. – А как по мне, то любая магия – благо. Пусть и огненная. Лучше быть ярмарочным магом-шутком, чем драить чужие туалеты.

Приходилось по крупицам собирать информацию о мире, в котором я оказалась. Незвестный (какой по счету?) вполне подходил на роль источника. И не выглядел тем, кто вызовет бригаду психиатров.

– Почему получить магию огня – это так страшно? Ну слабая стихия, и что? Зависит ведь от того, как пользоваться.

– Ты серьезно? Ты не заболела, подруга?

Подруга... Значит, мы давно знакомы и общаемся. Я на сто процентов уверена, что в прошлой жизни не знала этого парня. Кем же он был в этом мире?

– Представь, что я потеряла память и мало что знаю о нашем мире.

– Ты потеряла память?!

– Не совсем. Но ты представь и расскажи мне все, что следует знать о магии, инициации и всем таком.

Парень усмехнулся, достал из кармана какой-то сверток и протянул мне. Внутри я нашла кусок шоколада. Небольшой, немного побелевший от холода.

– Приберег для тебя.

Кажется, у нас довольно теплые отношения. Но не могу понять насколько. Вряд ли романтические, скорее дружеские или... соседские?

Я ненавидела шоколад. Из всех сладостей, что существуют в мире, шоколад стал бы последней, на которую я бы посмотрела. Но обижать милого парня не хотелось, и я отломилась небольшой кусочек, а остатки вернула. Судя по реакции – что-то сделала не так. Парень удивленно поднял брови.

– Ты в порядке, Огонек?

Еще одно милое прозвище.

– Укачало в сам... драконе. Все еще подташнивает. Так что с памятью? Дай мне лекцию по мироустройству!

К счастью, новый-старый знакомый мгновенно включился в игру и – о счастье! – шутливо представился:

– Приятно познакомиться, таинственная незнакомка! Мое имя – Михаил Светлов!

– Ярина Огнева. – Я с удовольствием пожала его руку. – Вы здесь живете, Михаил?

– Имею честь вот уже десять лет быть вашим соседом. И более того, я трижды... или даже четырежды делал вам, моя принцесса, предложение руки, сердца и моей просторной комнаты, где так не хватает женского тепла. А вы все отказываетесь и отказываетесь...

Я слегка покраснела. Было непонятно, говорит он всерьез, или это те самые особые шутки, понятные лишь лучшим друзьям.

– Что хочешь узнать, беспмятная?

– Что такое инициация и что будет завтра?

– Ничего особенного, если честно. Все абитуриенты соберутся в большом зале. Выступит какая-нибудь шишка типа Дашкова, толкнет речь о том, что вы – будущее Российской империи.

Я открыла было рот, но поняла, что не готова к новой мировой истории, и промолчала.

– Потом вы передадите свое имя Ветру Перемен и получите свитки с приговором... ой, простите, решением.

– Что за ветер?

Михаил пожал плечами:

– Не знаю. И никто не знает. Могущественная энергия, питающая магией наш мир. Церемония каждый раз разная, но смысл один: ты обращаешься к Ветру, а он выбирает для тебя судьбу.

Ладно, почти как факультеты в Хогвартсе. Звучит не так уж страшно.

– Есть четыре вида магии: вода, воздух, земля и огонь. Вода – самая сильная и мощная, наш мир во власти воды. Затем воздух – это наша жизнь. Потом земля. И огонь. Считается, что огонь – чуждая нашему миру сила. Ну и очень слабая. Большинству магов огня не хватает сил даже использовать магию без усилителя.

– Волшебной палочки, – догадалась я.

– Ага. Чаще всего усилители так и называют.

– Ну ладно, допустим, быть магом огня – позорище. Всю жизнь будешь хрен без соли доедать. И в чем трагедия? Пойду, как мама, горничной. Или к папе в мастерскую.

– Не так все просто, Огонек. Мага не могут взять на немагическую работу. Принцип справедливости: наделенные силой люди не имеют права отбирать хлеб у тех, кто этой силы лишен. Поэтому с магами огня у нас беда: они никому не нужны на магической работе, а на немагическую их не берут.

– О, мне так папа про социологов говорил, когда уговаривал поступать в политех, – буркнула я.

Стало чуть понятнее. Получу магию огня – буду сидеть на шее у родителей вечность.

– Беда не в этом, Огонек. А в том, что быть магом огня опасно. Для девушки – особенно. Там, где любой другой играючи справится, маг огня погибнет. Там, где потребуется помощь, маг огня будет беспомощно смотреть. А еще сильные мира сего очень любят девушек с магией огня. Они обычно красивее тех, кто магией не обладает, недостаточно сильны, чтобы работать наравне с другими и соглашаются на любую работу, даже на унижительную.

Я присвистнула и подумала, что шоколад – не такая уж плохая идея. Мне жизненно необходима доза гормона счастья, потому что мир вокруг оказался каким-то безрадостным.

– Так что соберись, Огонек. И не соглашайся на магию огня. Ты справишься, я верю. А иначе придется-таки выйти за меня замуж...

* * *

Я вернулась в комнату далеко за полночь, когда родители уже спали. На цыпочках прокралась к постели и неуклюже забралась наверх. Оставшись наедине с мыслями, я вдруг едва не разревелась. Было страшно и непонятно. Все вокруг казалось чужим и неправильным. Я словно оказалась в каком-то страшном сне и не могла проснуться.

А если и впрямь придется здесь жить? Если пути назад, в мою жизнь, нет? И вот это – угол в комнате коммуналки, работа горничной и редкие поездки к бабушке на драконе – все, что может предложить судьба?

Почувствовав, как в груди разливается тревога, я уткнулась в подушку и шмыгнула носом.

– Искорка... – услышала я папин шепот. – Не бойся. Все будет хорошо. Помнишь, что я тебе говорил? Магия не определяет твою судьбу. Из маленькой искры порой разгорается пламя.

Эту фразу папа говорил часто. И как предостережение: малейшая оплошность может привести к ужасающим последствиям. И как ободрение: любой успех начинается с малого.

Так я и уснула, размышляя, какое пламя разгорится от моей искры и разгорится ли вообще.

А утром начались сборы.

Мама нарядила меня в несуразное, но «приличествующее случаю» светло-серое платье. Собрала волосы в пучок и заставила слегка припудрить бледные щеки. Она с утра в панике металась по комнате, так что я решила не драконить ее еще больше, и послушно выполнила все указания.

Папа тоже собирался на инициацию. В отличие от мамы, он не пытался делать все и сразу, но хмурился – и это выдавало его волнение.

Даже привычная питерская сырость сегодня осталась без внимания, хотя поругать погоду – излюбленный утренний ритуал всех,

кто куда-то спешит. Но мы молча и тревожно прошли к метро – и оно хоть немного отвлекло от царящей атмосферы мрачного предчувствия.

– Мы что, будем спускаться по лестнице пешком? – ужаснулась я, увидев уходящие вниз ступеньки.

И сколько займет путь? Дня три?

Зато меня поразили станции. По ним явно потопталась история этого мира. Та, на которой мы спускались, была посвящена драконам, и здесь они были везде. Парили под потолком – исполины на фоне голубого витража. Обнимали колонны, устремляя острые морды вверх. Сидели вдоль стен, величественно и холодно рассматривая спешащих куда-то пассажиров. Десятки мраморных драконов, созданных искусным мастером.

Удивительно красиво.

Спустившись, мы уселись в вагонетку. И я едва сдержала смех: по сравнению с настоящим метро маленький полузакрытый вагончик едва катился по рельсам во тьме. И это они называют метро? Да здесь впору брать припасы и двухдневный запас воды, если хочешь пресечь на метро город!

Но я оставила мысли при себе, уже догадываясь, что наземный дракон наверняка слишком дорог. И напоминание о нашей бедности причинит отцу боль.

Когда дребезжащая вагонетка остановилась, а мы оказались на станции, напоминающей библиотеку, я восхищенно ахнула.

Книги. Тысячи книг. Уходящие к купольному потолку стеллажи. Свитки и шкатулки. Настоящие, не каменные. Над нашими головами порхали бумажные самолетики, а вдоль стен при помощи лестниц на колесиках туда-сюда сновали увлеченные книгами люди – наверное, библиотекари.

– Станция-хранилище, – пояснил папа. – Очень красивая, да?

– Очень, – согласилась я.

Наконец мы очутились на улице, и только тогда я поняла, куда именно мы приехали. Огромное светлое здание с раскинувшимся перед ним парком – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. По иронии судьбы – именно то место, где я мечтала учиться. Что-то подсказывало, что сейчас здесь точно не универ. Или не тот, который был в моем мире.

Внутри все оказалось белым. Настолько, что даже немного слепило. Через огромные окна в холл с лестницей проникал дневной свет. Я была внутри всего пару раз, так что определить, изменилось ли что-то в этой реальности, не смогла. По широкой лестнице мы поднялись наверх, туда, куда направлялись все остальные. Будущие студенты в сопровождении родителей.

Неудивительно – учитывая слепящую белизну, – что никто не выбрал яркие цвета для образа. В большинстве своем абитуриенты предпочли серый или бежевый цвета, а их родители – черный и белый.

Большинство пребывало в приятном возбуждении. Хотя встречались и находящиеся на грани нервного срыва ребята. Но я не знала, волнуются они из-за вероятности получить магию огня, или просто потому что церемония, определяющая магию, сама по себе довольно волнительное событие.

В центре располагалась большая каменная чаша. Пустая – я первым делом заглянула внутрь в надежде увидеть магию, но разочарованно вздохнула. Интересно, зачем она здесь? Вряд ли мы будем тянуть листочки с названием магии, как жребий из шляпы.

Вокруг установили трибуны. Мест почти не осталось, мы прибыли всего за несколько минут до начала.

– Сядем здесь, – предложил папа.

У самого края на втором ряду как раз остались три места подряд. Там мы и устроились.

Мама нервно теребила подол платья. Я старалась на нее не смотреть, чтобы сохранить хоть капельку спокойствия. Угомонись, Ярина. Это даже не твой мир и не твоя судьба. Где-то там твоя параллельномировая двойняшка в ужасе пытается разобраться с заказом такси и наверняка точно так же мечтает вернуться в свой мир. Ты найдешь способ это сделать.

У противоположного входа стояли мужчины в темно-синих одеяниях, примечательных камзолами, расшитыми серебром и увенчанными эполетами. Наверняка высокопоставленные маги, приглашенные толкать речь. Их было трое. Двое совсем пожилых, и один шатен. Когда он обернулся, я едва не вскрикнула: это был Дмитрий! Незнакомец из самолета!

– Ярина! – прошепела мать. – Прекрати пялиться на его светлость! Хочешь, чтобы меня уволили?

– Ты о чем? – нахмурилась я.

– Хватит рассматривать Дмитрия Дашкова! Веди себя прилично!

– Петра... – Одернул ее папа. – Она ничего такого не делает. На него все пялятся, ты посмотри.

Это была чистая правда: Дмитрий Дашков определенно привлекал внимание. Но вот что странно: что человек, живущий в Зимнем дворце магического Петербурга, делал в одном самолете... драконе то есть с нищей девочкой, навещавшей бабулю?

В присутствии на инициации Дмитрия был один плюс: я отвлеклась от переживаний и пыталась выстроить все странности в одну стройную теорию. Получалось плохо: мозг кипел, и вскоре заболела голова. Меж тем народ расселся на трибунах и притих. Свет стал тусклее, лишь чаша и небольшая площадка перед ней хорошо освещались. К чаше вышли несколько человек, в том числе Дмитрий. Когда он обводил взглядом зал, мне показалось, его лицо дрогнуло при виде меня, но в следующую секунду Дмитрий откашлялся, готовый говорить.

Возможно, мне показалось. Возможно, я надумала то, что Дмитрий меня узнал. И он точно так же, как и все, не видит в этом мире никакого безумства.

Но интуиция подсказывала, почти кричала: он знает!

– Дорогие абитуриенты...

Его голос разнесся по залу, и кожа у меня покрылась мурашками. Мужчина не держал микрофон, и я решила, что его голос усиливала магия. Удобно: любые непонятные странности объясняем магией.

– Я рад приветствовать вас на ежегодной церемонии инициации магии. Не будет преувеличением сказать, что этот день – один из самых важных в вашей жизни, ведь сегодня решается ваша судьба. Вода, воздух, земля... огонь, – он споткнулся, словно пришлось сделать над собой усилие, чтобы произнести последнюю стихию, – четыре энергии нашего мира. Четыре величайшие силы. И каждый из вас вскоре научится обладать и повелевать одной из них. Я горжусь тем, что вижу перед собой вас – будущих величайших людей поколения. И, прежде чем Ветер Перемен откроет вам главную тайну вашей жизни, хочу сказать: вне зависимости от того, какая стихия окажется в вашем свитке, главный дар – это ваше сердце. Слушайте его и оберегайте.

Раздались бурные аплодисменты. Особенно со стороны девушек – Дмитрий был хорош собой, богат и обаятелен. К счастью, на фоне их неприкрытого обожания мой пристальный интерес не выделялся, и даже мама расслабилась, поняв, что никто не собирается немедленно увольнять ее за неуважение.

Потом князь Дашков взмахнул рукой – и Ветер Перемен обрел облик.

В центре чаши закружились потоки воздуха. Они взмыли ввысь, к потолку, превратившись в маленький локальный смерч. Один за другим внутри его вспыхивали огоньки, превращаясь в маленькие свитки. Абитуриенты и их сопровождающие завороченно смотрели на это невероятное воплощение магии, и я вместе с ними. Мир вокруг все еще казался мне чуждым и неправильным, но боже, каким же красивым!

Магический Петербург с его невероятной эстетикой, драконы, светящийся вихрь посреди роскошного старинного университета... Невероятный мир.

По очереди абитуриентов вызывали к чаше и просили достать из вихря свиток. Сначала я мысленно фыркнула: так это же случайность! И какой смысл в пафосных речах о предназначении?

Но, понаблюдав, поменяла мнение. Свитки получали далеко не случайным образом. Когда к вихрю подходил очередной абитуриент, потоки замедлялись. Но как бы кто ни старался ухватить свиток побыстрее, они словно уворачивались от цепких лап нетерпеливой молодежи. Иные ждали по несколько минут, прежде чем Ветер Перемен определял их судьбу.

Затем счастливый и взволнованный обладатель магии зачитывал приговор – и отправлялся обратно на скамью, ожидать конца церемонии.

Больше всего было магов воды и земли, воздуха – заметно меньше, а уж огня... Я насчитала пятерых, и одна из них – худенькая рыжая девчонка – в слезах выбежала из зала.

Наконец я услышала свое имя:

– Огнева Ярина!

И на негнущихся ногах вышла к чаше.

На лице Дмитрия не дрогнул ни один мускул. Если он и узнал меня, то не подал виду.

– Прошу, – мужчина, стоявший рядом с ним, пропустил меня к чаше, – достаньте свиток. Не пытайтесь его поймать, просто ждите, когда Ветер Перемен считает вашу силу.

«Почему эта магия так называется?» – подумала я, пальцами касаясь потоков воздуха перед собой.

И вдруг случилось нечто странное. Что не случилось ни с кем из коснувшихся Ветра Перемен до меня...

Ледяной ветер пронзил насквозь. Я задохнулась от холода и вздрогнула, когда перед глазами, в самом сердце вихря, пронеслись картины из хорошо знакомой жизни.

Я видела, как вместе с рассветом Петербург накрывает волна света. Как меняется город, растворяются в утренней дымке машины, светящиеся билборды, высотки. Как улицы заполняют драконы, как люди обретают магию. Она вспыхивает то тут, то там, проникает в сердца и души.

Меняется облик города, меняется реальность. Словно кто-то одним движением руки превращает Санкт-Петербург двадцать первого века в декорации к безумной истории о магии стихий.

И, наконец, финальным аккордом волна света накрывает маленький самолет. Меняет его очертания, превращая в дракона.

А внутри небольшой кабины сидит девушка.

– Очень приятно, Ярина... – слышу я знакомый голос.

Все кончилось так же неожиданно, как началось. Видение исчезло, оставив меня наедине с растерянной аудиторией и очевидной истиной, о которой я почему-то старалась не думать.

Я не в параллельном мире. Мой мир теперь такой. Он изменился.

И Дмитрий – ключ ко всему. Первопричина и источник. Ветер Перемен и вправду принес перемены.

– Кхм... Госпожа Огнева, достаньте свиток, – напомнил мужчина, стоявший рядом. – Не бойтесь, магия не причинит вам вреда.

Очевидно, он решил, я испугалась касаться Ветра, и попытался подбодрить. А вот Дмитрий смотрел задумчиво и мрачно, словно что-

то подозревал. Я не стала привлекать его внимание раньше времени.

– Извините. Я просто... нервничаю.

– Понимаю. Но поторопитесь.

Один из свитков пулей вылетел из вихря и врезался мне прямо в лоб. Раздался взрыв смеха, и пришлось тоже вымученно улыбнуться. Я поймала свиток и развернула, затаив дыхание. Видение, подкинутое Ветром Перемен, подарило надежду, что в приговоре я увижу стихию воздуха – именно поэтому мне открылась правда. Но...

– Магия огня, – прочитала я.

Народ вяло зааплодировал. Мама спрятала лицо в ладонях, а папа ободряюще мне подмигнул. В целом никто не спешил жечь меня на костре или закидывать тухлыми яйцами. Магия как магия. Слабая – так что теперь, рыдать?

Но вот что странно.

Дмитрию словно не понравился ответ Ветра. Поджав губы, он развернулся на каблуках и под удивленными взглядами присутствующих буквально вылетел из зала.

Кажется, есть еще одна причина, по которой магия огня находится в опале.

* * *

До конца инициации я старалась не смотреть по сторонам: на меня то и дело кидали заинтересованные взгляды. Мама выглядела так, словно меня только что приговорили к повешению, и это уже начало раздражать.

В моем мире таких, как мама, называли Drama Queen (Королева драмы). Отчасти папа за это ее и любил: такие женщины притягивали взгляд. Не знаю, почему мужчины так любят взбалмошных и роковых, вечно драматизирующих красоток, но я уродилась совершенно не такая. Вся в папу – тихая, невзрачная, вечно витающая в собственных мыслях. От мамы у меня только длинные иссиня-черные волосы и большие глаза – сомнительное достоинство, конечно, но что есть. Ни роскошных форм, ни высоких скул, присущих Петре Огневой, мне не досталось.

С другой стороны, меня вполне могли звать Эсма – мама обожала турецкую культуру и сериалы и даже с отцом познакомилась, когда была волонтером в Турции, где наши ребята помогали тушить лесные пожары. Влюбилась в отца с первого взгляда, бросила всех богатых поклонников и стала женой эмчээсника. Красивая история любви, которой можно простить излишний пафос.

В общем, Ярина – еще не самый плохой вариант имени. В моем классе была девочка по имени Калифорния. Родители думали, что имя подарит ей судьбу великой актрисы, а в итоге ее просто дразнили Роллом.

После долгой занудной речи распорядителей магии, – так они себя называли, – мы вышли из здания и выдохнули: свежий воздух, волнение позади, впереди взрослая жизнь. Через два дня мы должны будем явиться в школы магии и начать долгий путь освоения непростой науки. А до этого – купить учебники и прочие принадлежности юных последователей мистера Поттера. Список был зажат у меня в руке.

– Яриш, дай нам с мамой пару минут, – попросил папа. – Отправлю ее домой и уговорю отдохнуть. А мы с тобой купим все сами.

Я выдохнула. Не уверена, что переживу шопинг с мамой и не сорвусь. Ее упаднические настроения дурно на меня влияют.

Ну магия огня, и что? Да, слабая. Не найду работу по душе и с хорошей зарплатой – так что теперь разводить трагедии? Все уже случилось, и повлиять на это мы не можем. Будем учиться жить.

А может, я найду способ, как вернуть мой мир на место. Пока не знаю, как именно, но найду. Стану инженером, буду проектировать какие-нибудь машины, а в свободное время заниматься фотографией. Или рисовать.

Но пока надо поискать какую-то подработку. Я мельком глянула на список покупок и присвистнула: книги, какие-то непонятные штуки, усилитель магии огня – видимо, волшебная палочка. Я была почти готова увидеть в списке метлу и сову, но обошлось. Летать будем на драконах, а переписываться... Интересно, какая почта здесь в ходу?

Но в любом случае папе будет непросто все это купить. Должны быть подработки для студентов.

Наконец папа вернулся.

– Готова? Ты как, Искорка?

– В норме. Странно было бы, если бы у девушки с фамилией Огнева была бы магия воды.

– Вот и умница. Мама отойдет. Думаю, на нее влияет работа в доме Дашковых.

– А что там такого влиятельного?

– Дашковы ненавидят магов огня. Несколько лет назад они пытались протолкнуть закон о принудительном лишении магии огневиков, но совет не пришел к единому мнению. Мама просто боится, что однажды закон примут, вот и все.

И еще одна монетка в копилочку понимания этого мира.

Итак, имеем мы следующее.

Некто Дмитрий Дашков пишет книгу и пристает к незнакомке в самолете с расспросами.

Приземлившись, она понимает, что мир изменился точь-в-точь как они с Дмитрием обсуждали.

А магия огня, самая слабая и унылая в мире – вот совпадение! – ненавидима именно Дмитрием Дашковым.

Только мне кажется, что здесь есть какая-то связь?

Но, помня подслушанный разговор, я оставила эти мысли при себе.

Следуя стереотипам о магическом мире, я ожидала, что папа приведет меня на магическую торговую улочку. А может (я не рассматривала пристально), колдовские лавочки с нужными для учебы принадлежностями располагались прямоком на Невском проспекте.

Но мы вновь спустились в метро, чтобы выйти на станции «Площадь Восстания» – хоть она сохранила свое название. Сверкающая бриллиантами – символами стихии воздуха, сапфирами – воды и изумрудами – земли, станция символизировала дружбу магов.

– А у огня какой камень? – спросила я.

– Янтарь.

– Логично. Хотя и немного обидно. Рубина пожалели?

Оказавшись на улице, мы тут же свернули в переулок и вскоре остановились перед ничем не примечательным домом. Таких в каждом районе наберется по несколько сотен. зуб даю, внутри – типичные коммуналки. И зачем мы здесь?

– Доверься Гарпуну. Несмотря на то что приходится покупать тебе усилитель магии здесь, Гарпун – лучший в своем деле, – сказал папа и потянул дверь, впуская меня в парадную.

И что это оказалась за парадная!

Это был не просто дом, а настоящая ярмарка магических штучек! На дверях квартир висели таблички.

«Зельеварочная», «Амулеты и обереги», «Таро и другие артефакты прорицаний», «Проклятийная», «Закляточная» – и другие волшебные слова. Возле «Целительской» висел колокольчик в виде мухомора, а дверь «Мечтательского зала» украшали движущиеся бабочки.

– Это все для магии?

– Ага. И немного для души. Здесь каждый может найти вещичку для себя. Здесь я покупал кольцо для твоей мамы.

Так странно было слушать истории о прошлом мира, которого никогда не существовало. Еще позавчера ни магии, ни таких вот волшебных местечек не существовало. А сегодня они вплетены в историю, рождают чувства, эмоции, воспоминания. Как вернуть все назад, если у этих людей вокруг есть право жить так, как они привыкли? С другой стороны, и у нас оно было, но кто-то решил, что ему подвластно все...

Гарпун и его барахолка расположились прямо посреди парадной, на втором этаже. Через высокие окна на хлипкие столы, заваленные всякой всячиной, лился свет. Лепнина на потолке местами осыпалась, но все еще напоминала о былом великолепии.

– Амир, мой друг!

Я икнула, увидев перед собой того, кого папа называл Гарпуном.

Грифон. Самый настоящий грифон, словно сошедший с моста через канал Грибоедова! С острыми когтями, крыльями и львиной головой.

От неожиданности я попятилась и врезалась в перила. Только тогда грифон меня заметил.

– Здравствуйте... – пролепетала я.

– О, ты привел дочурку? Какая очаровашка! Помню тебя совсем малышкой. Быстро растут чужие дети... Так за чем пожаловали?

– Ярине нужен усилитель магии огня. Хороший и не слишком дорогой.

– Усилитель... огня... есть у меня парочка. Ну-ка!

Проворно (для мифического существа) Гарпун нырнул под стол и извлек оттуда с десятков свертков.

– Итак, Ярина, дочь моего друга Амира, вот что тебе нужно знать об усилителях магии огня. Выбирай только чистый янтарь, он лучше слушается мага. С проводником сложнее, но я бы голосовал за что-нибудь остренькое. Может, перец? Или нет... перец – слишком просто. Порох! Хотя нет, это банально. Как насчет вулканического пепла? Да! Красиво и хорошие свойства. Огонь – пепел. Вот, посмотри на эти!

Он разложил передо мной четыре свертка. В каждом – по одинаковой тонкой палочке из янтаря. Внешне они действительно напоминали волшебные палочки из фильмов и мультиков, но я понятия не имела, что надо делать.

– Ну же, Ярина, – папа меня подтолкнул, – выбери. У меня есть деньги на это, клянусь.

Он, видимо, подумал, что я нервничаю из-за цены. А я, к собственному стыду, даже не подумала об этом.

– А что мне нужно сделать? Просто взять? Она как-то даст знать, что именно я ее хозяйка? Будет свет, бум-бах и все такое?

Гарпун как-то странно на меня посмотрел. Так, словно разгадал мой секрет.

– Усилитель – лишь артефакт, увеличивающий вашу мощь. Сам по себе он свойствами не обладает. Просто выберите понравившийся.

Пожав плечами, я схватилась за первую попавшуюся палочку и тут же отдернула руку: на ощупь янтарь оказался ледяным.

Потом изо рта вырвалась струйка пара.

А потом ледяные узоры дотянулись до каждой поверхности вокруг: инеем покрылись пол, стены, стол грифона.

Папа тихо хмыкнул.

– Интересно, ты когда-нибудь расскажешь, что между вами произошло? – спросил он, обращаясь явно ко мне.

Я понятия не имела, о чем он, поэтому проследила за его взглядом и увидела парня.

Он стоял этажом выше, на верхней ступеньке, с таким видом, словно находился не в питерском подъезде, а как минимум в Букингемском дворце. Высокий, светловолосый, со странными,

напоминающими лунный камень глазами. Одетый в светло-серый камзол, застегнутый на все пуговицы.

С надменной мор... кхм... лицом.

От места, где парень стоял, и распространился холод. В считанные секунды все вокруг покрылось инеем, и меня начало потряхивать. А парень спустился к нам и задумчиво меня оглядел.

– Слышал, ты получила магию огня.

Он явно меня знал. И папа его тоже – потому как они с грифоном почтительно склонили головы.

– Угу, – буркнула я в качестве компромисса с собой.

Вроде бы и ответила старому знакомому, а вроде и разговор не поддержала. Если он спросит что-то, что я должна знать, а я не отвечу... даже не знаю, что будет: решит, что я ненормальная? Так мне не привыкать.

– Там тебе и место. Советую уже сейчас выбирать себе покровителя. На что-то другое ты вряд ли сгодишься. Хочешь, поговорю с ребятами, вдруг кому-то нужна грелочка в постель? Или вы, наверное, эту магию курсе на третьем проходите?

Ага. Что бы между нами ни произошло, я угадаю причину с трех нот.

Он с усмешкой окинул палочки.

– Выбираешь усилитель? Бери потолще, будешь им, если что, как дубинкой пользоваться. Или как-нибудь еще применишь...

Парень потянулся к одной из палочек и вдруг выругался, отдернув руку, – она зашипела и заискрила.

Я фыркнула. Слишком громко, чтобы надменный козел оставил это незамеченным. Не знаю, чем бы кончилась наша перепалка, если бы не вмешался папа:

– Ваша светлость, нам бы хотелось избежать конфликта. Позвольте, мы просто уйдем.

– Об этом твоей дочери надо было думать раньше, – отрезала светлость.

Но он все же счел выше своего достоинства дальше оставаться в компании ненавистного мага огня и его родни, поэтому направился к лестнице, ведущей вниз. Мы дружно проводили его взглядом.

– Беру эту! – Едва он скрылся, я ткнула пальцем в защитившую меня палочку.

Папа тревожно покачал головой, но ничего не сказал.

Когда мы вышли из дома, груженные свертками и корзинками со всякой школьной всячиной, я спросила:

– И что это за блондинчик, с которым я, по славной книжной традиции, поругалась в магазине?

– Ты серьезно?

– Да, я серьезно. Можешь сколько угодно обсуждать мой билет в дурдом, но я правда понятия не имею, кто это.

Папа слегка покраснел, поняв, что я слышала их с мамой разговор.

– Искорка, прости. Но ты говоришь невероятные вещи. И я волнуюсь.

– Понимаю. Но между приступами волнения представь, что веришь мне. И расскажи, что за важный птиц только что облил меня помоями.

– Аспер Дашков. Брат Дмитрия Дашкова, маг воды. Обладает уникальной способностью – охлаждать воду. Поэтому практически всемогущ. Вода – основа всего живого. Оканчивает школу Воды.

– И он меня знает, кажется.

– В детстве вы дружили. Мама брала тебя с собой на работу во дворец Дашковых. Вы с Аспером играли. Поначалу мы с мамой были против, хотели запретить, но вы оба устроили такой рев, что пришлось сдаться. А потом, когда тебе было тринадцать, вы вдруг поссорились. И с тех пор не общались. Я надеялся, однажды ты расскажешь, что между вами произошло и почему Аспер, который в детстве клялся, что женится на тебе, чем приводил в ужас матушку, вдруг не упускает случая поиздеваться.

– Хотела бы знать, – вздохнула я. – Но не помню. Может, мы просто стали слишком разными? Он – аристократ, всемогущий маг воды. А я – дочь горничной. Аспер не выглядит приятным парнем. Может, он просто стал меняться и я решила, что нам не по пути?

Мне бы хотелось, чтобы так было. Так я в своих глазах выгляжу крутой и принципиальной. А не девчонкой, разругавшейся с другом до такой степени, что его при виде ее корежит.

– Может быть, – ответил отец таким голосом, что сразу стало ясно: в мою крутость и принципиальность он не слишком-то верил.

Глава третья

На следующий день стало ясно, что в этом мире придется как-то жить. По крайней мере, какое-то время.

Открывая глаза утром, вслушиваясь в звуки коммуналки, я надеялась, что это всего лишь шоу на «Ютубе», которое отец обычно смотрит за завтраком. И я встану и отправлюсь в институт, учиться быть инженером.

А не магом огня в безумном магическом мире.

Но чуда не случилось.

Зато случилась очередь в ванную. Определенно новый жизненный опыт.

Стоявший впереди Михаил любезно пропустил меня на свое место, а сам отправился в конец очереди, и только благодаря ему я не опоздала. И чуть не получила сердечный приступ: тепленькая водичка вдруг превратилась в ледяную. Что, на коммунальные услуги нам тоже не хватает?

– А где мама? – спросила я, войдя в кухню.

Совершенно незнакомые люди суетились, варили, жарили, резали. Дети торопливо запихивали в себя бутерброды, а их матери пытались одновременно накраситься и не упустить побулькивающие каши и супчики.

– На работе, – откликнулся отец. – Прислуга должна быть на местах до рассвета. Хозяин встает очень рано.

– Надеюсь, он и ложится до заката, а то какие-то условия труда... рабские получаются, – пробормотала я, тыкая в плиту.

Она совсем не нагревалась, но чай вскипал за считанные секунды. Индукционная, что ли? Хотя вряд ли в мире магии изобрели индукцию, они вон даже с метро не справились.

– Волнуешься перед первым днем? – спросил папа.

– Наверное. Пока не поняла. Слушай, а как мы стираем?

Папа оторвался от чашки и посмотрел так, что я даже слегка покраснела.

– Стираем?

– Ну да. Вещи, белье постельное, всякие там штуки...

- Берем и стираем. На следующей неделе, кстати, твоя очередь.
- То есть руками? В холодной воде?
- Да, если не хватает на горячую.
- Дедушка Мороз, когда я вырасту, то хочу стать стиральной машинкой «Бош», – вздохнула я.
- Иди учиться, Бош, – фыркнул папа. – Опоздаешь.

Хорошо, что на инициации выдали карту, иначе я блуждала бы по городу в поисках школы Огня ближайšie четыре года, которые и должна была потратить на образование.

С учетом отношения к магии огня я ожидала, что школа будет где-нибудь на отшибе, куда придется добираться через ветра и бурьяны по несколько часов. Но, к моему удивлению, небольшой особняк насыщенного кирпичного цвета притаился недалеко от площади Восстания.

Я пожалела, что так плохо знала историю и архитектуру Петербурга. В детстве рассказы бабушки о том, чем знаменито то или иное здание, воспринимались как нудный треп. А сейчас я постоянно задавалась вопросом: «А что здесь было в моей реальности?»

На входе угрюмый старик в видавшем виды костюме бегло проверил у меня документы и впустил в святая святых огненной магии. Увы, но на меня не обрушилось волшебство прямо с порога. Никто не жонглировал файерболами и не прикуривал от щелчка пальцев. Студентов вообще оказалось не так уж много, и я без труда прошла к доске с объявлениями, на которой красовались большие красивые буквы «РАБОТА».

Работа мне не мешает. Даже, я бы сказала, без работы будет очень сложно. Родители не должны отдавать последнее, чтобы я могла учиться и ни о чем не думать. Итак, что же предлагают юным магам огня?

В основном предлагали уборку. Горничные, посудомойки, прачки – вариантов было немного. И это еще хорошо, потому что мы пока не считались магами и правило магической работы на нас не действовало, – могли отнимать хлеб у обычных людей.

Только как совмещать работу горничной с учебной, я не поняла. Ночами, что ли, драить полы? Расписание, что висело на соседней доске, оказалось довольно плотным.

И тут мой взгляд привлекло одно красочное объявление.

«Игры стихий ждут!

Команда школы Огня приглашает адептов к участию в ежегодном магическом турнире между школами Петербурга! Четыре этапа, четыре испытания – одна команда-победитель!

Главный приз: пожизненная стипендия от его императорского величества для каждого участника команды-победителя.

К участию допускаются адепты всех курсов.

На время Игр школа Огня готова предложить еженедельное достойное вознаграждение».

И рядом – урна для заявок.

Я еще раз внимательно изучила доску с объявлениями, но не нашла ничего подходящего. Зато грозное объявление «Напоминаем адептам, что незаконные незарегистрированные заработки караются отчислением и штрафом» намекало: никаких подработок на стороне я не найду.

Пришлось покопаться в сумке, достать ручку и быстро заполнить заявку на собеседование участника Игр Стихий. Правда, в то, что меня возьмут куда-то, где платят стипендию за соревнования, я не особо верила. Грызня за места наверняка страшная. Хотя соревнования я люблю. Не до фанатизма, конечно, но мне нравится прилив энергии от победы или здоровая злость от поражения. Может, спорт в этом новом мире мне понравится.

На всякий случай я еще переписала в тетрадь несколько объявлений о найме горничных и посудомоек. Вот только беда в том, что я – дитя благополучного века технологий. Когда я родилась, у родителей уже были стиральная машинка, посудомоечная, духовка, микроволновка с десятком режимов, а лет семь назад появился робот-пылесос. Не то чтобы я совсем не умею работать по дому руками, но вряд ли работать посудомойкой это то же самое, что сполоснуть чашку после утреннего кофе.

Если я подойду к маме и попрошу научить меня быть горничной, она точно сдаст меня в дурдом.

Первым занятием у группы первого курса (она здесь была всего одна) значилась «Общая магическая теория», и проходила она в лектории. К нему вели указатели, щедро разбросанные по школе, и я без труда нашла нужный зал.

Правда, по пути к нему у меня не закрывался рот от удивления.

Роскошные лестницы, залы и коридоры в лучших традициях петербургских интерьеров музеев, высоченные окна, заливающие светом все пространство. Много позолоты, свечей и... книг. Шкафы от пола до потолка, метра по четыре, не меньше, заставленные книгами. Они были в залах, в коридорах, тупиках и нишах. И, судя по всему, студенты могли свободно пользоваться литературой из этих шкафов.

Я впервые очутилась в таком красивом особняке и, поднимаясь к лекторию, чувствовала себя по меньшей мере дворянкой, а то и настоящей принцессой.

В лектории было темно. Большие окна закрыли плотными шторами. Мягко мерцали свечи, но, к собственному удивлению, я поняла, что в них нет пламени – только теплый тусклый свет. Полукругом напротив небольшой сцены располагались разноуровневые каменные скамьи, частично занятые студентами. Судя по всему, лекция не предполагала конспектов: их просто негде было писать.

Я устроилась с краю, позади какой-то рыжеволосой девчонки. Она тут же обернулась и немного взволнованно расплылась в улыбке.

– Привет!

– Привет, – откликнулась я.

Мы неловко замолчали. Что принято говорить в таких случаях? Представиться? Задавать какие-то дежурно вежливые вопросы вроде: «Волнуешься перед началом занятий?»

Однокурсница первая нарушила паузу:

– Видела тебя на инициации. Сразу захотела познакомиться.

– Даже не знаю, что сказать... – Я растерялась.

Рыженькую огневичку я совсем не помнила – было не до того. Я вообще мало кого запомнила, слишком внезапно, как снег на голову, свалился новый мир. Дмитрий с его подозрительной книгой, магия, Аспер Дашков, с которым мы когда-то дружили, а теперь ненавидим друг друга, и я даже не знаю почему!

– Элена, – представилась она. – Элена Орлова, маг огня.

– Ярина Огнева. М-м-м... тоже маг огня.

– Крутая у тебя фамилия.

– Ага, говорящая.

– Что это значит?

– Ну... это такая фамилия, которая отражает какую-то яркую черту персонажа. Человека, я имею в виду. Слышишь фамилию Огнева и сразу представляешь, что она – маг огня.

– Никогда не слышала, но звучит забавно. Ты не местная? Откуда-то приехала?

– Да... жила с бабушкой в деревне, пока родители зарабатывали на волшебную палочку... то есть усилитель магии.

Сообразив, что «неместностью» можно воспользоваться, чтобы заполнить пробелы в знаниях, я спросила:

– А что такое Игры Стихий? Я видела там объявление.

Элена помрачнела. Когда она нервничала, то грызла рыжую прядь, сама того не осознавая. Поняв, что жует свои волосы, девушка спохватилась и выпрямилась.

– Соревнования между школами. От каждой школы выставляют команду: капитан и четверо участников. Всего четыре тура, в них разные испытания. На командную работу, на мышление, на силу и скорость, и так далее. Победившая команда приносит своей школе славу, почет, кубок и хорошие призовые.

– А почему за участие в Играх платят стипендию, раз победа такая престижная?

– Мы же маги огня. – Элена пожалала плечами. – Слабые, ни на что не годящиеся. Никто не хочет участвовать в Играх Стихий, вот директор и заманивает стипендиями.

Я хмыкнула. Финансовый стимул – лучший из возможных. Директор не дурак, похоже.

Соседка отвернулась, рассматривая роспись на потолке. Но потом вдруг вздрогнула и снова уставилась на меня.

– Только не говори, что ты подала заявку!

– Э-э-э... я заполнила анкету для собеседования. А что такого? Мне нужны деньги, а на Играх платят стипендию. И я люблю разные квесты, соревнования и все такое.

– Деньги?! Разве что на похороны! Ты сумасшедшая! В нас еле теплится магия, тебя убьют на первом же испытании!

Я рассмеялась, решив, что она шутит. Не могут же школьные соревнования и впрямь закончиться смертью.

Но Элена продолжала смотреть с абсолютной серьезностью, и смех застрял где-то в горле.

– Ты же шутишь? – спросила я. – Как школьные соревнования могут закончиться смертью?

– В какой деревне ты жила, что не знаешь об Играх? Их не каждый видел, но уж правила и... последствия знают все.

Я знала только об одних играх: голодных. В моем мире это была популярная книга. Этот-то факт и напрягал: если Дашков сплагатил антиутопию, дело принимает неприятный оборот.

– Просто никогда не интересовалась. Игры и игры, – как можно равнодушнее произнесла я. – Расскажи, что в них такого опасного. Выживает только победитель?

– Нет, конечно, умышленные убийства запрещены. Но от несчастных случаев никто не застрахован. Соглашаясь участвовать, ты отказываешься от претензий. Можешь покалечиться и погибнуть – никто не обещает безопасность. Других участников накажут только за прямое намерение убить. Но если не докажут, что ты хотел именно убить, то ничего не будет. Несчастный случай на Играх – бывает. В целом команды стараются формировать так, чтобы участники были равны по потенциалу и не могли причинить друг другу серьезный ущерб. Но... есть мы.

– Слабые маги огня, – догадалась я.

Элена кивнула.

– Да. Мы не можем тягаться с адептами воды, воздуха и земли. Поэтому с магами огня разные... плохие вещи происходят чаще. И никто по доброй воле не записывается в команды.

Кроме меня. Титул «идиотка года» по праву достается Ярине Огневой. Надеюсь, мама не узнает, ее хватит удар.

– И почему тогда маги огня все еще участвуют? Никто не записался – нет команды. Или стипендия все же стимулирует?

– Если никто не запишется или участников будет не хватать, руководство школы проведет лотерею. И кому-то все равно придется играть. Но среди первокурсников лотереи нет, так что можно расслабиться. Мне. А ты сумасшедшая, раз решила, что риск погибнуть стоит денег. Особенно в этом году.

– А что в этом году особенного? Юбилейные семьдесят пятые Игры?

– Почему семьдесят пятые? – не поняла соседка. – Триста двадцать вторые. Но при чем здесь номер? Этот год – последний, когда

в Играх участвует Аспер Дашков. И если обычно у участников есть хоть толика разума, то у Ледяного Принца нет ни разума, ни сердца, ни души. Аспер участвует уже два года, и эти годы – рекордные по количеству жертв. Хотя формально он ни разу никого не убил. Но с магией воды такая фишка... когда у тебя замерзает сердце, к тому моменту, как поспевают целители, следов не остается.

А вот теперь я по-настоящему испугалась, вспомнив, как от одного присутствия Аспера заледенело все вокруг. На миг я почти ощутила ледяные щупальца магии, тянущиеся к сердцу.

Элена, довольная произведенным эффектом, отвернулась.

В эту же секунду дверь открылась, и в аудиторию вошел мужчина лет сорока, одетый в темно-красную мантию, волочащуюся по полу. У него были коротко остриженные пепельные волосы, а лицо пересекал застарелый уродливый шрам. Впрочем, он скорее не портил преподавателя, а придавал ему суровости.

– Адепты. – Он хмуро нас оглядел. – Мое имя – Алексей Аронов. Помимо того, что я ваш преподаватель по теории магии огня и теории огненных воплощений, я еще и ваш куратор. Все вопросы по организации учебного процесса, проблемы с преподавателями, личные трудности и косяки – ко мне. Поэтому сегодня посвятим занятие общим вопросам. Итак, кто из вас Ярина Огнева?

Я вздрогнула и медленно подняла руку. Вряд ли Алексей затеял банальную переключку. Интуиция подсказывала, что ничего хорошего меня не ждет.

– Чем, черт подери, вы думали, подавая заявку на Игры Стихий?!

Что ответить, я не нашлась, поэтому молча сидела, стиснув зубы. А он ждал, словно действительно надеялся услышать какой-то ответ.

– Я жду, адептка, – подтвердил он мои мысли. – Какие мотивы толкнули вас подать заявку?

Я прочистила горло, поняв, что от меня не отстанут. И придется явить на суд общественности единственную причину, по которой я заполнила анкету.

В детстве я была как все. Не богатая, но и не нищая. У меня были телефоны «как у всех», одежда «как у всех», ежегодные отпуска – аналогично. Наша семья ничем не выделялась из общей массы среднестатистических семей Петербурга. И это была принципиальная мамина позиция: богатств нам не заработать, но нужно быть не хуже

других. Не потому что было завидно или хотелось не отставать от соседей, а потому что, когда ты – ровня своему окружению, это помогает избежать огромного количества проблем.

Буллинг в школе, невозможность поддерживать неформальные отношения с коллегами, постоянная тревога – все это родители прошли без меня, в их детстве. И не хотели повторения.

Поэтому сейчас признаваться при всех, что нам очень нужны деньги, мне было в новинку. И неприятно, если честно. Но Аронов ждал ответа, и пришлось сдаться:

– Из-за стипендии. Я должна помочь родителям.

– Стипендия стоит вашей жизни?

– Вероятность погибнуть не так уж высока.

– Достаточно, чтобы думать головой, а не только жадностью. Что, вакансии посудомоек недостаточно хороши для такой одаренной адепки? Вы совершили безумный и безрассудный поступок и, скорее всего, или серьезно пострадаете, или погибнете на Играх. Испортите статистику мне и жизнь вашим родителям, ради которых вы якобы стараетесь. Но поздравляю: поскольку других идиотов в школе не нашлось, вы назначены капитаном команды. И вот что мы сделаем.

Он взял со стола какие-то листы и, неспешно пройдясь по проходу, положил передо мной. Взгляды всех присутствующих обратились к нам.

Теперь, когда Аронов оказался рядом, я ощутила его злость каждой клеточкой кожи. Он как будто НЕНАВИДЕЛ меня за то, что я подала заявку на Игры. И это было странно.

Можно считать меня глупой, наивной, можно злиться, что я совершила что-то, не подумав, но ненавидеть адепку, которая добровольно вызвалась на участие в опасной игре? Вряд ли дело в статистике.

Хотя его ненависть отлично оттеняла и мою злость на себя. Не нужно было подавать заявку. Я слишком привыкла к своему безопасному миру и даже не понимала, насколько он был безопасен и комфортен. Мне и в голову не могло прийти, что школьные соревнования могут быть хоть сколько-нибудь опасными.

Когда узнают родители, то сойдут с ума.

И отказаться уже не получится. Ярина, ты по праву получаешь премию «глупость года»!

– Прошу, капитан Огнева, – мрачно произнес Аронов. – Перед вами – список адептов, участвующих в лотерее Игр Огня. Возьмите ручку и отметьте любые четыре фамилии. Положитесь на чутье и удачу. И верьте, что избранные вами члены команды не посрамят честь школы и...

Аронов усмехнулся.

– ...помогут выжить своему капитану.

– Я не буду этого делать, – твердо произнесла я.

– Будете, – совершенно спокойно отозвался куратор. – Иначе я вас отчислю. За неповиновение. И вашу семью сильно накажут. Отмечайте фамилии!

– Это бред! Нельзя формировать команду, наугад тыкая в список. Конечно, у вас все погибают. Вы что, не додумались до отбора? Давайте проведем внутренние испытания и отберем сильнейших, так у нас будут шансы!

– Ого! Вот это мыслителя занесло в нашу убогую школу! Мы-то и не догадывались, что можно всего лишь объявить испытания. Вы серьезно такая или прикидываетесь? Никто в здравом уме не станет участвовать в этих отборах, даже если объявите их обязательными, – просто прикинутся немощными дурачками, неспособными и свечу зажечь, не обделавшись.

– Тогда спросим преподавателей. Они точно в курсе, кто сильнейший.

– Большинство преподавателей, адептка Огнева, обладают некими моральными принципами, которые не позволят им лично отправить на Игры своих лучших учеников. Вы тратите мое время, адептка, и время ваших сокурсников. Возьмите проклятую ручку и отметьте фамилии!

– Вам так важно, чтобы именно я сыграла роль лотереи?

Аронов со вздохом вернулся за преподавательский стол. Сначала я решила, что он не собирается мне отвечать в принципе, но мужчина вдруг тихо сказал:

– Вы должны научиться тому, что у любой глупости есть последствия. А в придачу к некоторым глупостям идет еще и ответственность. Вы приняли решение, ни с кем не посоветовавшись, решили, что вы умнее всех, – значит, несите за него ответственность. Отмечайте фамилии, иначе я сформирую команду из ваших

однокурсников, которые сейчас присутствуют здесь! – В его голосе прорезались стальные нотки, а народ вокруг изрядно занервничал.

Я увидела, как побледнела Елена, готовая грохнуться в обморок, и поспешно схватила ручку.

Выбирала только среди старшекурсников – у них хотя бы теоретически могли быть шансы на Играх. Отмечала наугад: Воронцов, Морозова, Вишневский и...

Я сделала это не совсем осознанно, ведомая бессильной злостью на ушат холодной воды, вылитой куратором. И от досады на саму себя за совершенную глупость. Рука сама поставила галочку напротив имени «Сергей Аронов», а когда я осознала, что натворила, Алексей уже забрал листы и вчитался в список.

Он медленно перевел на меня взгляд, и захотелось провалиться сквозь землю. Если бы я могла, то дотянулась бы до листов в его руках и исправила список, но Алексей предусмотрительно отошел.

– Кажется, я вас недооценил, госпожа Огнева.

Я покраснела с ног до головы, но что сказать, вновь не придумала. Что здесь скажешь? Если Аронов заставит меня подписывать домашние задания «Стерва Огнева» – будет на все сто прав.

– Спешу вас разочаровать, Сергей Аронов не имеет ко мне никакого отношения. Просто однофамилец. Но ему будет любопытно услышать, чем он обязан билету на Игры. Завтра после занятий останьтесь для знакомства с командой и первичного инструктажа. А теперь – я ко всем обращаюсь – поговорим о том, как вы проведете ближайшие годы. У кого есть усилители магии – достаем, у кого нет – просто слушаем.

Дождавшись, когда Аронов отойдет к доске, Елена шустро повернулась ко мне и зашептала:

– В прошлом году на Играх погибла его дочь. Несчастный случай. Она, как и ты, сама вызвалась на Игры, только не для того, чтобы помочь родителям с деньгами, а из-за дурацкого спора с отцом.

– Елена... – шикнула я.

– То ли он был против ее парня, то ли не давал карманных денег, и она назло ему отправилась на Игры.

– Елена!

– Дошла почти до финала, но погибла на последнем испытании. Официально считается, что...

Я не выдержала и шлепнула ее по плечу. Глаза девушки расширились от ужаса, и она медленно повернулась. Все это время Аронов смотрел прямо на нас, сложив на груди руки.

– Все? Я могу продолжить или вы еще не все сплетни пересказали нашему капитану?

– Извините, – пролепетала соседка.

А я окончательно сникла. Легко злиться, когда кто-то издевается над тобой, потому что ты ему не нравишься. Но когда этот «кто-то» психует из-за того, что ты лично подписала себе приговор, и у него на это есть все основания, то сложно изображать оскорбленную невинность.

Остаток занятия я слушала вполуха: Аронов рассказывал о технике безопасности владения усилителем, и ничего неожиданного там не было.

– Не носить усилитель в заднем кармане – оторвет жопу. Не терять усилитель – оторву жопу. Не оставлять рядом с воспламеняющимися материалами – жопа сторит, а маги воды, земли и воздуха свою силу на спасение жоп идиотов тратить не будут. Все понятно? Ты, на задней парте, лучше запиши.

– Чего это? – фыркнул парень.

– У тебя усилитель двадцать минут назад под парту укатился, а ты даже не заметил.

Я на всякий случай проверила свой – лежал возле тетради и не отсвечивал.

– Магия огня – слабая магия, это вы слышите с малых лет. Опровергать это утверждение я не собираюсь. Сложно представить что-то более жалкое, чем эта сила. Однако есть небольшой нюанс: ее мы всегда рассматриваем с позиции магий воздуха, воды и земли. Однако представим на секунду, что их не существует.

По рядам пробежался шепоток: похоже, Аронов ступил на тонкий лед. Представлять мир без всемогущих воды и воздуха здесь, наверное, почти экстремизм.

– Есть только магия огня. И способность части людей ее использовать. Некому потушить загоревшийся сухой лист. Некому развеять дым и пепел. Вы – маги огня, а люди вокруг лишь могут бегать с ведерками к речке. Ситуация меняется кардинальным образом. И даже ваша слабая магия может натворить дел. Ситуация, когда вы

окажетесь в засохшем лесу в полном одиночестве и подожжете траву, конечно, маловероятно. Вы же не идиоты – думал я до того, как пришел сегодня на работу. Но раз адептка Огнева не в курсе, что на Играх Стихий делают больно, то на всякий случай и вам тоже скажу: **НИКАКОЙ МАГИИ ВНЕ СТЕН ШКОЛЫ!**

Мы дружно вздрогнули и поежились.

– Вот что вам нужно запомнить: никто вам не поможет. Ни один маг не вступится за вас и не спасет, если будет возможность. Можете хоть до истерики требовать соблюдать закон, это ровным счетом ничего не изменит. Пока вы адепты – вы под защитой, но выйдете с дипломами – и вы сами по себе. Поэтому ваша задача: научиться не колдовать, а выживать. На этом у меня все. За прогулы буду назначать отработки. Удачных занятий.

С этими словами Аронов, не успели мы опомниться, вылетел из лектория, и буквально в следующую секунду прозвенел звонок.

– Идем, я хочу пить! – безапелляционно сказала Елена и потащила меня в смежный зал, оказавшийся зимним садом.

Там, среди буйства зелени, огромных окон и хаотично расставленных белоснежных мраморных скульптур, были спрятаны питьевые фонтанчики. Мы устроились возле одного из них. Я смочила ладонь и приложила ко лбу.

– Он всегда такой? – спросила я. – Или это из-за дочери?

– Говорят, всегда. Может, стал чуть жестче. Но знаешь, между мучительной смертью на зачете и очень мучительной разница не так заметна. Хотя Аронов – один из немногих магов огня, которых уважают в совете. Именно он не позволил протолкнуть закон о лишении магов огня силы. Хотя...

Элена выдержала театральную паузу, чтобы я прочувствовала важность информации.

– Является сторонником этого закона.

– Из-за дочери?

– В целом. Аронов... как бы так сказать... Он считает, что магам огня будет лучше среди тех, кто магией не обладает. Они смогут работать на немагических должностях, перестанут быть магами второго сорта – а, поверь, лучше быть человеком второго сорта, чем магом. Их жизнь станет проще.

– Он не так уж не прав, – вздохнула я. – И почему тогда голосовал против?

– Лишения боятся. Ритуал работает только в теории. Многие считают, что он может привести к серьезным последствиям, и лишённые долго не проживут.

– Сложно у вас все.

– Из какой, ты сказала, деревни?

Прозвучал звонок – сигнал возвращаться в лекторий. Как раз вовремя, чтобы не отвечать на вопрос Элены и не придумывать новую ложь. В правду она все равно не поверит.

Едва мы вышли из закутка, где болтали, и оказались в толпе людей, спешащих обратно в класс, краем уха я услышала:

– Эй! Эй, ты! Огнева...

Начала было оборачиваться, но не успела рассмотреть того, кто меня звал: чей-то кулак впечатался мне в челюсть. От удара я не устояла на ногах и рухнула навзничь, под ноги растерянным однокурсникам и завизжавшей Элене.

От боли перед глазами заплясали цветные пятна, а в ушах зашумело.

Кажется, на секунду-другую у меня отключилось сознание. Перед глазами заплясали цветные всполохи, а лицо горело от боли. Кто-то кинулся помогать мне подняться, но большинство – это я увидела, кое-как сфокусировавшись на нападавшем – разошлись в стороны.

Нападавшим оказалась девушка. Высокая симпатичная русоволосая девушка, взиравшая на меня с такой яростью, что казалось, едва я поднимусь – она кинется снова.

– Еще добавить? – мрачно поинтересовалась она. – Или сообразила, почему не стоило записывать меня на Игры?

– Она понятия не имеет, кто ты, Аронов заставил наугад тыкать в листок! – возмутилась Элена.

– Заткнись, корова! Тыкать в мою фамилию было плохой идеей, понятно? И это только цветочки, крыса. Если доживешь до первого тура – радуйся, потому что лично я собираюсь придушить тебя раньше.

Боль немного утихла, хотя удар обещал еще долго напоминать о себе синяком и отеком.

– В следующем году непременно пропущу твою фамилию, если вдруг мне снова доверят отбор. А в этом придется как-то жить с нанесенным оскорблением, – процедила я.

Девушка – кажется, ее фамилия была Морозова, – скривилась.

– За меня не переживай, крыса, я-то выживу. А вот у тебя теперь большие проблемы. Рекомендую срочно искать того, кто будет вытирать тебе слюни, когда ты начнешь их пускать.

Полагаю, перепалка бы переросла в драку (и я бы в ней бессовестно продула – рядом с мощной девицей я казалась нахотлившимся воробушком), но, к моей удаче и всеобщему разочарованию, кто-то сказал:

– Расслабься, Лидия. Ты не поедешь на Игры.

Потом я увидела самую красивую девушку из всех существующих. Шатенку с блестящими густыми кудрями и пушистыми (вряд ли здесь существовало наращивание, но клянусь, я подумала, что они наращенные) ресницами. С идеальной фигурой, которую она не стеснялась демонстрировать в разрезе длинной юбки и вырезе блузки, подчеркнутым черным корсетом. В глазах плясали озорные огоньки, а на губах застыла усмешка. Девушка помахала перед лицом Лидии какой-то карточкой и ослепительно улыбнулась.

– Я только что сходила в деканат и записалась на Игры. Волевым решением Аронов решил, что будет справедливо заменить девушкой девушку, хотя...

Она смерила Лидию презрительным взглядом.

– Это спорное мнение.

Идти в атаку на нее Лидия не решилась, поэтому просто смерила меня напоследок мрачным взглядом – и удалилась, отпихнув с дороги парочку испуганных первокурсниц.

А красотка повернулась ко мне.

– Идем, – фыркнула она, – капитан. Покажу, где кабинет лекаря. Надо приложить лед, иначе к вечеру у тебя останется только один глаз. Упустишь момент триумфа на Играх.

Несмотря на явный сарказм в голосе, я не чувствовала исходящей от девушки агрессии. Она быстро увела меня из сада, строго цыкнув на собравшуюся было с нами Элену:

– А ты куда? Иди учись, мелочь! Без тебя разберусь!

И соседка, ступевавшись, понеслась в класс. Ее примеру последовали и остальные. Когда мы остались в пустом коридоре одни, я решила спросить:

– Ты сама попросилась на Игры? Почему?

– Кейт Вишневская, рада представиться, – в шутку поклонилась девушка, и я тут же ее вспомнила.

«Вишневский, Александр» – я выбрала его участником Игр. Тогда еще, при виде имени Кейт рядом, мелькнула мысль не выбирать больше Вишневских, чтобы не отправить на соревнования родственников. Выходит, она сама изъявила желание быть с братом. Даже не знаю, круто это или жутко.

– Мы близнецы, – пояснила Кейт. – Родились с разницей в одну минуту. Куда он, туда и я. Так что тебе повезло: Лидия – та еще стерва. Уверена, она сдала бы нас водникам при первой же возможности.

– Сдала? Это как?

– Можно договориться с Дашковым. Ты подставишь команду, а взамен тебя не тронут и даже защитят от других.

– Зачем Дашкову заключать такие сделки, если они все равно нас сделают, мы же самые слабые маги на свете?

– Аспер любит играть с мышкой, прежде чем ее съесть. А еще ему нравится видеть, как предатель оказывается на самом дне после Игр.

– Приятный юноша.

Кейт хмыкнула:

– А то.

Мы спустились в подвал, где в полумраке, среди каких-то коробок и тюков, располагался кабинет лекаря. Я сильно сомневалась, что здешний врач хоть чем-то мне поможет, кроме холодного компресса на челюсть, но это не слишком волновало. Гораздо интереснее было украдкой пялиться на красотку Кейт. И размышлять, как так получилось, что в этой реальности у всех такие странные имена.

Аспер, Елена, Кейт – что не так с нашими привычными Ленами и Катями?

– Итак, ты уже придумала, как мы победим на Играх? – поинтересовалась Кейт, прежде чем дернула дверь лекарского кабинета на себя.

Не успев придумать ответ, я вошла в кабинет, и из головы вылетели все мысли. В большом, но темном и уютном помещении

на кушетке лежал парень. Я сразу поняла, что это брат Кейт, Александр. И не только по схожести, но и по энергетике, которая исходила от парня. Почему-то при виде его хотелось глупо хихикать и постоянно поправлять волосы.

Как и сестра, он был высоким, красивым и обаятельным. Лежал, залихватски закинув руки за голову, и будто ждал нас.

– А вот и дорогая сестричка. Ну что я говорил? Стоит младшему братику попасть в беду – Кейти тут как тут.

– А может, младший братик будет более осмотрителен и перестанет попадать в беды? – холодно поинтересовалась моя новая знакомая.

Но Вишневский только фыркнул и обратил все внимание ко мне.

– Представишь подругу, детка?

– Ярина Огнева. Наш капитан.

Александр расхохотался с таким удовольствием, что я даже нахмурилась. Какой-то он слишком позитивный для того, кто только что получил путевку на смертельные соревнования.

– Александр Вишневский, рад знакомству. Честно говоря, я представлял тебя более... впечатляющей. Обычно желающие участвовать в Играх не похожи на хрупких очаровательных девушек.

Я слегка покраснела.

– Я не знала, что такое Игры.

От удивления он даже приподнялся, но Кейт силой уложила брата обратно.

– Где Аннет? Эй, Аннет! Нам тут нужна помощь.

Вскоре стало ясно, ради кого Александр так старательно изображал болезного: откуда-то из подсобки вынырнула симпатичная молодая девушка, зарделась от подаренной парнем улыбки и повернулась ко мне:

– Что у вас случилось?

Челюсть уже наливалась краснотой, так что можно было не объяснять. Мне вручили пакет со льдом, какой-то подозрительного вида зеленоватый леденец и уложили на соседнюю с Вишневским койку. Я попыталась было протестовать и сбежать обратно на занятия, но Аннет строго цыкнула и велела лежать, пока не кончится леденец. Удивительно, но хоть на вкус он оказался похожим на мерзкую лакрицу, уже через пару минут боль утихла.

Кейт же наглядно проиллюстрировала слова, сказанные мне, когда мы шли к целителю. Она явно не собиралась оставлять брата наедине с объектом воздыхания. По-хозяйски усевшись на стул возле его койки, Вишневская достала из сумки книгу и погрузилась в чтение.

Аннет снова ушла, и внимание Александра переключилось на меня. Он ничего не говорил, просто меня рассматривал, но под этим изучающим взглядом мне сделалось неуютно. Это странно: гнев Лидии был понятнее интереса и веселости Вишневских. Кейт и Александр словно не видели в Играх ничего страшного, ну или просто обладали завидным хладнокровием.

Однако вопрос Кейт и впрямь меня волновал. Выиграть Игры вряд ли возможно, с нашей-то магией и капитаном-идиоткой, но хотя бы выйти из переделки живыми – это же нам под силу!

Осталось понять как. Нужно больше информации об Играх. И Вишневские выглядели как отличный ее источник.

Но я не успела сформулировать и задать волнующие вопросы. Кабинет лекаря оказался довольно популярным местом. Я уже догрызала леденец, когда вошел Аронов и смерил меня таким мрачным взглядом, что стало ясно: он по поводу моей челюсти.

Потом куратор перевел взгляд на Александра, Кейт и хмыкнул.

– Команда мечты. Ничего не скажешь. Игры еще не начались, а вы все уже в лазарете.

– Я – нет, – флегматично отозвалась Кейт. – Я просто пару прогуливаю.

– А, то есть я должен испытать невероятное восхищение и благодарность, Вишневская?

Она равнодушно пожала плечами:

– Как хотите.

– Быстро на занятия!

Со вздохом Кейт неторопливо убрала книгу обратно в сумку, откинулась на спинку стула и подняла голову, посмотрев Аронову прямо в глаза. Мы с Александром даже забыли, как дышать. Между этими двумя определенно интересные отношения. Я бы не рискнула так говорить с преподавом, особенно – с нашим куратором. Он меня слегка пугал.

– Мы с вами это уже обсуждали. Я пойду на занятия, когда Аннет отпустит брата. Можете унести меня туда на плече, но тогда мы точно

не дойдем до аудитории.

Я мысленно сжалась, готовая к взрыву. После такого, сказанного с ехидной ухмылочкой, Кейт просто обязана была занять третью койку в лазарете.

Но Аронов, к моему удивлению, несколько секунд помолчал, смерил Вишневских мрачным взглядом и лишь покачал головой.

Вот это да! Я определенно должна узнать сокомандников получше.

– Огнева – домой.

– Но...

– Домой, я сказал! На сегодня ваши приключения в школе закончены. Приведите лицо в порядок до завтра, если не хотите стать всеобщим посмешищем. Вишневские – как получите вольную от Аннет, оба в лекторий. Будем проводить воспитательную работу. На этом все.

Когда Аронов вышел, я растерянно перевела взгляд на ребят:

– Что за воспитательная работа и почему меня выгоняют домой?

– Будет вкладывать в головы подрастающего поколения мудрость о том, что, если оно убьет капитана команды, на Игры придется идти кому-то еще.

Очень интересная школа.

* * *

Родителей не было, когда я пришла. Наспех соорудив бутерброд, я вылезла на любимую крышу, чтобы в тишине обдумать все случившееся. Но поинтровертить не дали.

– Угадай, что я принес? – раздался голос, в котором я узнала Светлова.

– Наверняка что-то очень дефицитное, – вздохнула я.

Не бежать же, прикрывая побитую челюсть. Еще перед родителями вечером объясняться придется.

Заметив наливающийся краснотой синяк, Михаил присвистнул.

– Где это ты так? Точнее, кто это тебя так?

– Впала в немилость у одной несдержанной дамы. Обычные школьные разборки.

Парень так на меня посмотрел, словно впервые видел. До сих пор я, видимо, была пай-девочкой, от которой точно никто не ожидал драки в первый учебный день. Да и в другие тоже.

– Парня не поделили, что ли?

Светлов произнес это в шутку, но я уловила в его голосе легкую ревность. И вздохнула. Меньше всего мне сейчас хотелось думать о парнях и свиданиях. Выжить бы в новом мире.

– Не поделили теплое место капитана на Играх Стихий.

Повисла гнетущая тишина. Где-то вдали закаркала ворона, и мне почти наяву почудилось в ее вопле: «Дур-р-р-р-ра-а-а!»

– Первокурсники же не участвуют в лотерее...

– Я записалась сама.

– ЧТО?! ЯРИНА!

– Эй, не кричи! Не хватало, чтобы все узнали.

– Все и так узнают. Игры – популярные соревнования. На них билеты разлетаются в первые часы продажи!

– Так на мой позор еще и вход по билетам?! Ну класс!

– Ярина, позор – это в твоем случае почти победа. Зачем, ну зачем ты записалась?! Дашков обоссется от счастья, когда узнает, что ты играешь! Он не даст тебе дожить до финала.

Светлов задумался.

– Хотя, полагаю, первые пару раундов поддастся, ведь съесть мышку сразу слишком скучно. Гораздо интереснее...

– Так! – Я его оборвала. – Хватит нагнетать. Во-первых, я не знала, что такое Игры. Думала, это просто веселые старты для магов. Мне нужны были деньги, и я увидела способ их заработать. И я уже объясняла, почему не знаю ничего об этом мире, не надо спрашивать снова. Во-вторых, я не собираюсь сдаваться и умолять о пощаде. И уж точно не планирую писать завещание. Ваш Дашков – не бог. Что-нибудь придумаю.

– Что именно?

– Пока не знаю. Какие вообще там бывают испытания? Должен быть способ сыграть не магией, а хитростью или мозгами.

– Разные. Лабиринт с испытаниями. Комнаты с замками и головоломками. Поиски сокровищ. Полосы препятствий. Поединки с колдовскими тварями. Да тысячи их!

Яснее не стало. А неуютнее – вполне. Какие еще поединки, господи боже, что за безумный мир создал Дашков?

– Значит, разберемся по ходу дела. Я не согласна с тем, что магия огня слабая и никчемная. Надо просто применить мозг.

И тут Светлов, к моему удивлению, взорвался:

– Применить мозг надо было, когда ты записывалась на Игры! Огнева... ты бы хоть родителей пожалела!

– Эй, хватит меня воспитывать, я не твоя жена!

– И сейчас я этому очень рад!

Напоследок он от души хлопнул чердачной дверью. Со стены осыпалась штукатурка, а где-то внизу раздалась возмущенная ругань старушки. Уже гораздо позже я поняла, что именно в этот момент Михаил Светлов, хороший парень, виновный лишь в том, что соседкой по коммуналке оказалась безумная девица, принял решение, которое изменило миллионы жизней.

Но сейчас я просто сидела и смотрела на питерские крыши, напевая какую-то старую песенку. Мой город, мой прекрасный город изменился до неузнаваемости. Непостижимым и удивительным образом магия проникла в привычный мир, став его частью, такой же как дожди, белые ночи и неповторимый флер искусства.

И хоть я совсем не ощущала такой Петербург домом, не могла не признать: этому городу идет колдовство.

Глава четвертая

Я так и не решилась рассказать родителям о том, что участвую в Играх. Малодушно понадеялась, что все само собой рассосется. А про синяк на скуле отмазалась стандартным: «Ударилась о дверь в толкучке в школе». Неизвестно, поверил ли папа, но с вопросами отстал. А мама пришла с работы поздно, ушла рано и лишь дежурно поинтересовалась, хорошо ли прошел мой день в школе.

Собственно, это и стало причиной бессонницы, которая мучила меня всю ночь. Я всегда слыла папиной дочкой, даже в прошлой версии мира. Но там мама не казалась мне холодной бездушной соседкой. Она гордилась семьей, частью которой была. Да, мы с отцом были бандой, но мама была нашей принцессой. Здесь я по этому скучала.

И по трехкомнатной квартире.

И по интернету. Боже, сколько раз я ловила себя на мысли: «Надо погуглить» – и хваталась за карман, в котором не оказывалось смартфона.

Уснула я только под утро, уверенная, что непременно увижу какой-нибудь кошмар. Но, на удивление, проспала пару часов совершенно безмятежно. И отправилась в школу, навстречу новым сюрпризам.

В холле меня уже ждала Кейт:

– Итак, ты подумала о том, что я говорила вчера?

– М-м-м?

– О том, как мы победим на Играх.

– Разве не лучше обсудить стратегию на встрече с командой сегодня?

– Я бы не советовала раскрывать все карты. Я тут глянула список участников. Мы с Александром, конечно, неплохое приобретение, но остальные... Аронов – трус. Говорят, когда ему принесли известие об участии, он остаток дня прорыдал в туалете.

Я поморщилась. Стало стыдно. Это ведь моя интуиция обрекла бедолагу на страдания.

– Воронцов – конченная мразь. Наследник драконьей империи. Его отцу принадлежит половина драконов Российской империи. То, что у Воронцова вдруг открылась магия огня, для всех неожиданность. Ему главное – доучиться, а там папа пристроит на теплое место так, чтобы природные способности не мешали красивой жизни.

Захотелось начать биться головой о мраморную колонну в холле. Как вообще можно было наугад выбрать испугавшегося до полусмерти парня и мажорчика, единственной целью которого было тихо-мирно дожить до выпуска?

Определенно мне не стоит покупать лотерейные билеты.

– Мне показалось вчера, что ты неплохо знакома с Ароновым. Откуда?

– Мы дружили с его дочерью. Я иногда у них бывала, – пожалала плечами Вишневецкая.

– Соболезную тебе. Мне рассказали, что случилось.

– Даяна была идиоткой – вот что случилось. Если бы она думала, прежде чем делала, все было бы в порядке. Как бы то ни было, ты на нее не похожа, так что у нас есть шансы. Сегодня встретимся с командой, а завтра – пойдем на общий сбор с распределителем. Посмотрим, кто соперники и какие будут испытания. Всех карт они не раскроют, но хоть что-то, сможем продумать стратегию...

– Слушай, – перебила ее я, – а не хочешь стать капитаном вместо меня? Ты так круто во всем разбираешься! Мы все равно в команде. Было бы круто, если бы руководил кто-то умный.

Но Кейт покачала головой:

– Не могу. По личным причинам. Придется отдуваться тебе. Но я в тебя верю.

– Привет, девчонки! – К нам подошла сияющая Елена.

Кейт при виде ее заметно скривилась и негромко фыркнула.

– Ладно, увидимся на собрании. Иди на пары, развивай магический дар, капитан. Он тебе пригодится.

Элена проводила ее завистливым грустным взглядом.

– Какая она...

– Какая?

– Красивая. Уверенная. Сильная.

– Ты тоже красивая. А уверенность и сила приходят с опытом. Сегодня снова лекции Аронова?

– Он же куратор. Ему положено.

Я с унынием посмотрела на расписание и поняла, что в доброй половине столбиков значилась его фамилия. Помимо теории магии огня и теории огненных воплощений, Аронов вел «Правоведение для магов огня» и «Практическую подготовку». Сейчас мы расположились в лектории в ожидании занятия по магическим воплощениям.

Как и вчера, куратор опоздал.

Смерил меня мрачным взглядом (а может, мне показалось, и мрачный взгляд достался каждому студенту в аудитории) и сел за преподавательский стол.

– Итак, что такое воплощения огня?

Аудитория молчала. Вряд ли Аронов рассчитывал на внятный ответ, но все равно разочарованно вздохнул.

– Воплощения огня или огненные воплощения, как их еще называют, – это формы, которые может принимать огненная магия. Всего их три. Кто назовет хоть одно?

Никто не рискнул выступить и ошибиться.

– Искра.

Он щелкнул пальцами, вызвав сноп искр.

– Пламя.

Из его ладони вырвались жадные языки пламени – и тут же потухли.

– Пепел.

Он развеял в воздухе темно-серую пыль, взявшуюся буквально из ниоткуда.

– От искры разгорается пламя. После пламени остается пепел. Естественный жизненный цикл магии огня – три ее воплощения. Мы будем работать со всеми тремя. На занятиях здесь займемся теорией, на практике попробуем силу в деле. Итак, весь первый курс вы посвятите искрам.

Аронов повернулся к доске, чтобы записать тему и расчертить доску на три колонки. А я подумала, что для человека, обладающего самой слабой и презираемой магией, Аронов слишком уверен в себе. От него буквально исходила эта уверенность. Рядом с ним я чувствовала себя букашкой, которую очень легко раздавить.

Но, вероятнее всего, с силами Аронова это было никак не связано. Просто на меня произвели впечатление его воспитательные методы.

Я старательно начала выводить тему занятия в тетради, как вдруг совсем рядом в воздух поднялся целый сноп искр.

– Огнева! – рыкнул куратор.

– Я ничего не сделала! – тут же попыталась оправдаться я.

Но вот мой усилитель магии – волшебная палочка, купленная в подозрительном петербургском подъезде, – искрил как сумасшедший.

Под пристальным взглядом куратора я попыталась потушить усилитель, но почему-то собственной рукой. Ожидаемо обожглась, дернулась и едва не расплакалась от неожиданности – на ладошке зрел большой пузырь.

Вот тебе и слабая магия!

– Огнева, вам известно значение слова «усилитель»? – поинтересовался Аронов.

– Глобально или в магическом контексте?

– В русском языке.

– Да. Это предмет, который усиливает какие-то свойства или воздействие.

– И что это значит?

Искры летели в разные стороны, и народ стал осторожно отстраняться. Я молчала, понятия не имея, куда клонит преподаватель, но больше попыток уgomонить волшебную палочку не делала. Мало ли, вдруг взорвется?

– Это значит, Огнева, что усилитель сам по себе не работает. И погасить магию вы должны, не хлопнув рукой по парте, а уняв свои эмоции. Вы что, в школе не учились?

Я прикусила язык, чтобы не ляпнуть: «Училась, но мы там больше делом занимались, а не дыхание маткой изучали».

Поняв, что я не планирую никак применять только что полученные знания на практике, Аронов лично подошел и с мерзкой усмешкой прихлопнул магию. Точно так же, как пыталась я, – рукой.

И в чем-то он был прав, потому что, едва искры потухли, я вздрогнула – внутри как будто закрыли заслонку, на миг лишив меня способности дышать. Судя по внимательному взгляду, этого эффекта куратор и добивался.

– Так что? Поделитесь с аудиторией тем, что вывело вас из равновесия? Может, опыт пригодится вашим коллегам.

Заслонку подняли. Но, вместо того чтобы насладиться вдохом и смиренно пробормотать что-то вроде «извините», я набрала в легкие воздуха и ляпнула:

– Ну вообще-то вы.

– Что? – Аронов, кажется, слегка обалдел.

– Из равновесия меня вывели вы.

– Я вас вообще не трогал до тех пор, пока вы искропад не устроили.

– Да, но я очень явственно ощущаю вашу враждебность. На прошлом занятии вы заставили меня выбирать участников Игр Стихий, из-за чего настроили против меня всю команду. Потом отправили меня домой, а сами воспитывали моих сокурсников, явно меня обсуждая. Вы грубо общаетесь, отпускаете пренебрежительные комментарии и явно считаете, что мы недостаточно талантливая и перспективная аудитория для ваших лекций. Это и вывело меня из равновесия.

– Какая вы чувствительная девочка.

– Просто прежде мне встречались исключительно тактичные, отзывчивые и вдохновленные педагоги, которым было интересно передавать знания новому поколению.

– И в каком же волшебном мире это было, Огнева? – ласково, но одновременно ехидно поинтересовался куратор.

Народ заржал, а я только вздохнула. Знал бы Аронов, как близок оказался к правде!

После теории воплощений нас ждали сдвоенная пара правовых основ, где нам еще раз напомнили, что после выпуска мы не сможем претендовать на немагическую работу, и пара физподготовки, на которую мы с Эленой едва не опоздали: оказывается, занятия проходили во внутреннем дворике школы.

– Почему Кейт тебя недолюбливает? – спросила я, когда тренер дал разминку и куда-то удалился.

– Она всех недолюбливает. Это же Кейт Вишневская. Самая популярная девушка школы. Дружит только с крутыми, так что, считай, тебе повезло.

– Я не крутая, – вздохнула я. – Скорее глупая.

– Огнева! – раздался вдруг оклик тренера.

Я решила было, что нам сейчас сделают замечание за болтовню, но тренер продолжил:

– Тебя ждут на собрании команды! Тренироваться будешь с этого дня по индивидуальной программе. Иди, куратор все расскажет.

Элена помрачнела. Она, кажется, ни с кем на потоке не общалась. И явно скучала, не имея возможности поболтать. Это казалось мне странным: такая яркая, симпатичная и дружелюбная девчонка просто обязана быть в центре всеобщего внимания.

Но времени размышлять не было. Переодевшись и собрав волосы в косу, я поспешила в одну из аудиторий.

Когда я вошла, взгляды присутствующих обратились ко мне. Помимо Вишневских и Аронова, в аудитории присутствовали еще трое: высокий парень в слегка вычурном бордовом костюме, расшитом золотыми узорами, красивая женщина средних лет с уложенными в короткую стрижку огненно-рыжими волосами и коротко стриженный бугай, в котором я не сразу признала ровесника. Казалось, он одним движением может переломить лошади спину.

Так что там говорила Кейт о команде? Мажорчик, надевшийся отсидеться, – Владимир Воронцов. Полагаю, это тот, что в бордовом костюме, с зачесанными волосами и золотыми – аж сверкают – солнечными очками на макушке. А вот про однофамильца нашего куратора Кейт говорила, что он сильно испугался... Но как-то по нему не заметно.

Вишневская вдруг звонко рассмеялась, нарушив воцарившуюся тишину.

– Ну и лицо у тебя, капитан. Ну извини, пошутила. Хотелось немного тебя подразнить. Для профилактики.

Судя по лицам, никто не понял, что так развеселило Кейт, а она определенно пребывала на своей волне и не спешила объяснять. Лишь ее брат, Александр, едва заметно улыбнулся уголками губ.

– Что ж, вот и капитан нашей команды мечты, – хмыкнул Алексей. – Знакомьтесь: ваш капитан, Огнева Ярина. Огнева, это члены вашей команды. Кейт Вишневская, Александр Вишневский, Владимир Воронцов и Сергей Аронов. Всеми вопросами Игр будет заниматься Елизавета Каренина, заместитель директора по связям со стихиями.

Женщина тепло мне улыбнулась:

– Надеюсь, смогу быть полезной. Именно я буду сопровождать вас на испытания и другие мероприятия, доносить информацию от распорядителя и обеспечивать вашу явку на Игры. Так что не пугайтесь, если однажды я заявлюсь прямо к вам домой!

Она неловко засмеялась, но никто из присутствующих не улыbnулся, и заместитель директора быстро умолкла.

– На этом я вас оставляю. – Алексей Аронов поднялся. – К сожалению, должность обязывает меня присутствовать на вашем позоре, что зовется испытаниями. Поэтому смею надеяться, что вы хотя бы сумеете проиграть достойно. В вашем случае это будет почти победой.

– Он всегда драматизирует, – отмахнулась Елизавета, когда куратор вышел. – В глубине души Алексей точно желает вам победы.

Мы с Кейт переглянулись. Кажется, она, как и я, имела определенные сомнения.

– Давайте для начала пробежимся по основным правилам. Итак, в команде пять человек: капитан и четыре участника. Всего четыре испытания, от простого к сложному. После каждого испытания из проигравшей команды выбывает игрок. Гибель... кхм... да, к сожалению, случается... считается выбытием. Если никто из игроков не погиб, выбывшего определяет капитан. У капитанов иммунитет от выбытия, они соревнуются до конца.

– А если капитан погиб? – как-то очень многообещающе спросил Сергей.

– Тогда команда выбирает нового из числа выживших участников!

Ну надо же, как все продумано на их магической олимпиаде...

Правила Игр оказались простыми, но легче не стало.

Когда команды сформированы, проходит встреча с распорядителем, на которой дают общую информацию о соревнованиях. Иногда это тематика, например, «Дружба магических народов» – Игры, приуроченные к саммитам. Иногда – стилистика. Например, «Зимние узоры» или «Золотая осень».

Пока Елизавета пускалась в воспоминания о прошлых Играх, я полистала альбом, посвященный им, и поняла две вещи.

Первая: Игры – все же позитивное и масштабное соревнование, а не смертельная игра на выживание. На них продают билеты, делают ставки, участники готовятся, дают интервью, наслаждаются славой и

вниманием, заключают контракты со спонсорами. В общем, делают все, что обычно делают участники Олимпиад и чемпионатов мира. Траур во время формирования команд – только в школе Огня.

Вторая: даже в школе Огня относиться к Играм как к антиутопии начали лишь в последние годы. Я просмотрела статистику несчастных случаев и смертности и нашла прелюбопытнейшие данные.

Игры основали, как и Олимпийские, древние греки. Маги четырех стихий испокон веков (с перерывами на войны и бойкоты) соревновались в мастерстве, ловкости, уме и так далее. В древности, конечно, были не Игры, а жезь, но с 1896 года в Играх приняли участие больше двадцати пяти тысяч человек – по двадцать в год в десяти крупнейших городах Российской империи.

«Погибших: 125 человек (в том числе от не связанных с Играми причин).

Тяжело травмировавшихся: 1323 (входят травмы, оказавшие существенное влияние на дальнейшую жизнь участников)».

Сто двадцать пять погибших за более чем столетнюю историю Игр. И это с теми, кто случайно подавился, простудился и поскользнулся, пока шел на собрание. Не такая уж смертельная штука. И почему тогда Аронов и остальные предсказывают нам скорую смерть?

А вот почему: до две тысячи третьего года в среднем на Играх погибали участники раз в три – пять лет, причем явного перекоса в сторону магов огня не было. А после – практически каждый год, и в основном среди магов огня. Если посмотреть на последние три года, то погибших могло быть и два, и три, а в прошлом году – аж четыре. Двое огневиков, маг земли и, внезапно, один водник.

«Аронова Натали Алексеевна».

Я вздохнула, увидев знакомую фамилию. Увы, в альбоме не было описания гибели участников, хотя эту информацию я бы доносила до команд. Но они, наверное, и так все в курсе. Это я проспала всю историю.

Но вернемся к регламенту.

После организационной встречи участники отправляются тренироваться и настраиваться на большую вечеринку в честь открытия. Гуляет город все выходные, но от участников требуется посетить только бал Стихий. Познакомиться друг с другом в

неформальной обстановке и пожелать удачи. Добрые отношения с соперниками – залог отличных Игр. Они и придуманы-то для того, чтобы сплотить общество и магов разных стихий.

Ха-ха.

Ну а потом начинаются испытания. Они проходят раз в неделю, по субботам. Между испытаниями участников иногда приглашают на благотворительные вечера, интервью и выступления.

В общем, если бы не атмосфера тревожности, витавшая вокруг Игр в школе, я бы сказала, что это офигенная идея.

Но что же случилось двадцать один год назад, почему вдруг так повысилась смертность?

– Так что рекомендую озаботиться парочкой вечерних нарядов, ну и настраиваться на честную борьбу.

Только в конце встречи с лица Карениной сошла идиотская счастливая улыбка.

– Знаю, что вокруг Игр много... страхов и трагедий. Но не хочу, чтобы вы шли на них, чувствуя себя обреченными. Если хотите мое мнение...

– Вообще-то не хотим, – фыркнула Кейт.

Все это время она демонстративно пилила ногти. Елизавета ей явно не нравилась.

– Предыдущие команды проигрывали и теряли друзей только потому, что сдавались еще до начала Игр.

– Да неужели? – фыркнула Кейт. – То есть я правильно понимаю, что вы предлагаете нам, сияя дебилскими улыбочками, верить в победу и просить у Вселенной удачи? С каких пор «трезво оценивать риски» приравняли к «сдаваться»?

– Я предлагаю вам, Вишневецкая, и остальной команде подумать, что вы можете сделать для того, чтобы сохранить жизнь, здоровье и навязать соперникам борьбу.

– И как же навязать борьбу магам, которые одним движением руки могут заморозить твое сердце? Вы же понимаете, что маги огня проигрывают не потому, что глупые и не знают, что недостаток магической силы можно компенсировать хитростью? А потому что, как только ты попытаешься навязать борьбу – тебя устроят.

– Бояться и пресмыкаться, безусловно, проще...

– Магам воды и воздуха нужно подтверждение, что они самые крутые. Магам земли – что они не самый отстой. Мы существуем для того, чтобы занимать последнее место.

– Тогда зачем же вы записались на Игры?

– Надеюсь на выгодное замужество. – Кейт улыбнулась во все тридцать два зуба. – Как у вас.

Я прямо чувствовала, как смысл их спора стремительно от меня ускользал.

К счастью, Каренина оказалась достаточно флегматичной, чтобы пожать плечами с видом, мол, как знаешь, и перейти к другой теме.

– А вот и обещанные школой стипендии.

Каждый из нас получил по пачке оранжевых банкнот, которые я тут же принялась рассматривать. Они были шире привычных купюр и, естественно, отличались внешне.

ИмперIALы.

Всего сорок тысяч, если посчитать купюры. Интересно, насколько это много? Отец не раз покупал что-то, но мне ни разу не пришло в голову глянуть на цены. Еще одно напоминание о том, как не приспособлена я к новому миру.

– Завтра после занятий я жду вас у входа. Мы отправляемся на встречу с распорядителем Игр Стихий и другими командами. Будем знакомиться и настраиваться на соперничество. А сейчас я вас оставляю, чтобы вы могли обсудить тактику. И, капитан...

Елизавета внимательно и очень серьезно на меня посмотрела.

– Отнеситесь к Играм серьезно. Не болтайте лишнего в присутствии тех, кто может использовать это против вас. Вы удивитесь, как много таких людей в вашем окружении.

И, возможно, мне показалось, но Каренина при этом посмотрела прямо на Кейт. Интересно.

Воцарилась тишина. Некоторое время мы сидели, стараясь друг на друга не смотреть. Но Воронцов все же не выдержал.

– Знаешь, единственная причина, по которой я не повторяю подвиг Лидии, – это тот факт, что ты девушка. А девушек я не бью. Как тебе пришло в голову ткнуть в мою фамилию, мать твою?!

– Я тыкала наугад.

– Значит, надо было угадать кого-то другого!

– В следующий раз учту.

– Вы такие милые. – Кейт оторвалась от ногтей, деловито убрала пилочку в сумку и сложила на груди руки. – Сходите вечером в бар, отпразднуйте стипендию. А пока давайте обсудим насущные проблемы. Капитан не будет против, если я возьму слово?

– Валяй. – Я махнула рукой.

– Итак, проблема первая: тренер. Мальчики, я рассчитываю на вас.

Я думала, мы будем об Играх.

– А что с тренером? – спросила я.

– Скажем так... Он очень любит индивидуальные тренировки с девушками. Я с этим старым извращенцем одна не останусь. Так что ваша, парни, задача – придумать, как обосновать совместные тренировки. Идем дальше: бал открытия. У кого-то есть соображения насчет наших образов?

– Стоп! Какой бал?! Какой тренер?! Нам надо обсудить тактику поведения на Играх!

– А тактика очень простая. Есть три НЕ для мага огня. Первое: не пытайся обыграть соперников. Второе: не спорь с распорядителем. Третье... Что там было третье, Саш?

– Не переходи дорогу Асперу Дашкову.

– Поздно, – вырвалось у меня.

Все взгляды обратились ко мне.

– В детстве мы дружили, – пояснила я. – Мама работает в доме Дашковых, раньше она брала меня с собой и разрешала играть с Аспером. А потом мы поссорились, но я не помню, из-за чего. И с тех пор у Дашкова ко мне особенно трепетное отношение.

Кейт витиевато выругалась. Воронцов сплюнул. Только Александр остался невозмутим. Да и Аронов, но он вообще будто не понимал, о чем мы. Кажется, его больше занимал вопрос, будет ли обед.

– Ладно, капитанша, я серьезно. Маги воздуха и воды постоянно соперничают за титул сильнейших. То одни побеждают, то вторые. Маги земли в гонке не участвуют, но при этом не потерпят последнего места. Поэтому маги огня всегда позволяют им выиграть.

– И вас это устраивает?

– Да, потому что в полноценной борьбе мы не победим! Ты всерьез думаешь, что ни разу за всю историю Российской империи ни одному магу огня не представилось шанса обыграть земельников?

Проблема не в том, чтобы обыграть кого-то на поле боя. Проблема в том, что в серьезной схватке мы не выстоим.

– Тогда почему маги огня вообще продолжают участвовать?

– Такие правила.

Кейт растерянно посмотрела на брата. Как будто этот вопрос ни разу не приходил ей в голову. Так жили ее предки, так жили ее родители, так собирается жить она. При всей красоте и уверенности Кейт, ее совсем не возмущала мысль о том, чтобы подобострастно уступить дорогу тем, кто... сильнее? Или обладает большей властью?

– А если я скажу, что тактика будет другая? – спросила я.

Ответил Александр:

– Тогда ты нас всех угробишь. Если это твоя цель – дерзай.

Настроение окончательно испортилось. Схватив сумку, я направилась к выходу, но у самых дверей не выдержала:

– Образы для бала будут черные. Помянем чувство собственного достоинства.

Впрочем, это во мне говорила досада.

* * *

Как для большинства подростков (а я, судя по последним судьбоносным решениям, от них ушла не так уж далеко), не так пугали Игры, как реакция родителей. Я так и не решилась рассказать, что участвую, а стипендию спрятала поглубже в кипу книг возле постели. Помочь родителям деньгами очень хотелось, но и жить хотелось не меньше.

После пары по истории магии огня и занятиям по библиографии (нам рассказывали, как пользоваться Императорской публичной библиотекой) я спустилась вниз, где ждала команда во главе с Елизаветой.

Встреча с распорядителем проходила там же, где и инициация – в политехе. Мы нырнули в метро, и я еще раз смогла полюбоваться книжной станцией, прежде чем очутиться в немного пугающем своей пустотой и звенящей тишиной особняке.

Нас встретили. Молчаливый мужчина в бордовой униформе без слов провел нас в ту же аудиторию, где проходила инициация. И о том,

кто именно носит гордое звание распорядителя Игр, я догадалась, прежде чем увидела его сидящим на возвышении в центре, рядом с чашей, которая в прошлый раз и определила мою судьбу.

При виде меня Дмитрий Дашков едва заметно сощурился. Я так и не решила, стоит ли попытаться с ним поговорить. И не успела об этом даже задуматься, потому что увидела кое-что на скамье напротив.

Другие команды уже были в сборе. И среди водников я первым делом увидела вовсе не Аспера, как можно было ожидать.

– А ты что здесь делаешь?! – вырвалось у меня так громко, что все голоса и звуки разом стихли.

Светлов! Убью!

Я решительно направилась к водникам, чтобы в ту же минуту высказать Михаилу все, что думаю о его безрассудности, но дорогу мне преградил Аспер. Показалось, вблизи от него даже воздух был холоднее. Хотя, возможно, он просто использовал парфюм с мятой.

– Это моя команда, Огнева. Отойди.

– Команда, а не собственность. Сам отойди!

– Ты, кажется, заболела, Яриш, – довольно ухмыльнулся Аспер и приложил к моему лбу ледяную ладонь. – Такая горячая... Да у тебя лихорадка! Тебя надо охладить!

Несмотря на пробежавшую по телу ледяную дрожь и вскочившего Светлова, я заставила себя говорить спокойно:

– Я тебе сейчас дам в морду. Или ткну пальцем в глаз. Магия останется при тебе, но целиться будет сложнее.

Первые восемнадцать лет жизни я провела вне конфликтов. Странно звучит, но это чистая правда. В школе меня не травили, мы не были дружным классом, но и не испытывали друг к другу ненависти. В интернете я не была активным блогером и негативных комментариев мне тоже не писали. Как и все, изредка я сталкивалась с хамами и неадекватными, но настолько поверхностно, что едва ли вспомню хоть пару-тройку таких встреч.

В общем, мне неоткуда было знать, как я реагирую на травлю и издевательства.

Оказалось, в такие моменты у меня падает забрало, и я с топором наперевес несусь прямо в Вальгаллу – то есть на обидчика, который одним движением может меня убить.

Аспер к конфликтам был более привычен. И к сопротивляющимся жертвам своей тирании – тоже. Но даже он не горел желанием вытаскивать мой ноготь из глазного яблока. Вероятнее всего, в настоящей драке он бы меня быстро скрутил. Но всегда оставался «коэффициент разъяренной бабы», как говорил один наш сосед, старый грубиян с первого этажа. Согласно его теории, хрупкая женщина, доведенная до отчаяния, по площади поражения приравнивается к напалму.

Отступить Аспер не мог, убить меня, по-видимому, тоже, а холодок и даже проступивший на коже иней меня не пугали, во всяком случае, внешне. Уж не знаю, чем бы кончилось это противостояние, но его брат обломал все веселье.

– Что у вас там происходит?

– Знакомимся с соперниками, – хмыкнул Аспер.

– Познакомились? Капитаны, вернитесь к своим командам.

Я бросила быстрый взгляд на Светлова, надеясь, что он поймет: разговор еще не окончен, он даже не начинался.

Под пристальным взглядом Дмитрия Дашкова я вернулась к команде. На их лицах застыло странное выражение, напоминающее смесь «Вау, она бросила вызов Дашкову» и «Боже, нас убьют еще до начала Игр, как поменять капитана?».

– Приветствую, участники.

Дашков сел за стол на высоком подиуме.

– Я рад объявить о начале ежегодного состязания обучающихся магов – Игр Стихий. Передо мной сидят лучшие из лучших, самые достойные представители своих школ. Поэтому я надеюсь, что соревнования будут честные, зрелищные и объединяющие. Тема этого года: «Единство магии».

Отовсюду послышались сдержанные смешки. Дашкова явно уважали, но даже его авторитет не убедил никого в единстве.

– Магия прекрасна в любом ее проявлении. И четыре наших испытания наглядно это покажут. Я очень рассчитываю, что в этом году участники будут осознаннее и сдержаннее подходить к соперничеству. И мы обойдемся без жертв и серьезных травм.

При этом Дашков так посмотрел на младшего брата, что будь я на его месте – провалилась бы под землю. Но Аспер только растянул губы в маньячной улыбке:

– Мы будем очень стараться.

Всем присутствующим стало ясно, что имел в виду он ровно противоположное.

– Да уж, постарайтесь. Напоминаю правила: на испытания запрещено проносить что-либо. Оружие, продукты, напитки, любые предметы – строго запрещено! Исключение: магам огня можно взять усилители.

Водники хохотнули. Я украдкой покосилась на Светлова, и он, к счастью, не смеялся.

– Напоминаю, что после каждого тура из проигравшей команды выбывает участник. Выбирают капитаны. Рекомендую озаботиться стратегией на этот случай. Спортивную форму и все нужные атрибуты вы получите перед испытанием. Чтобы исключить нечестную конкуренцию... во всех ее смыслах.

Ага, чтобы не только мы не вшили в курточки и штанишки лезвия, но и чтобы команда соперника не насыпала этих лезвий в ботинки.

Дашков взмахнул рукой, и листы, лежавшие на его столе, взмыли в воздух. А затем подлетели к капитанам команд. Я осторожно взяла листок и вчиталась.

– Это расписание испытаний. Пожалуйста, следите за ним сами, никаких гонцов с напоминаниями рассылать не будем. Проспали – пропустили тур, подвели команду. Вы без пяти минут дипломированные маги.

Он осекся, поймав мой взгляд.

– Большинство из вас, во всяком случае. Капитаны, следите за явкой команды. Да? У вас вопрос?

Капитан магов земли поднял руку:

– Здесь нет адресов. Где будут проходить испытания?

– Здесь все, что вам нужно. Дальнейшие инструкции получите на церемонии открытия. Кстати, о ней. Всем быть в обязательном порядке. Форма одежды – торжественная, вечерняя. Девушки в платьях, молодые люди – в костюмах. Это понятно?

Нестройным хором мы подтвердили. Церемония открытия должна была состояться через пять дней. Надо где-то добыть платье, но с полученной стипендией это не проблема.

– Надеюсь, вы осознаете ответственность, которая на вас возложена. Вы представляете свои учебные заведения. На время Игр вы – честь и совесть своих школ. Не подведите их. И последнее...

Дмитрий подошел лично к каждому и вручил по увесистому, хоть и размером с теннисный мячик, стеклянному шару.

– Небольшой подарок от меня лично в честь знакомства. Предсказание на будущие Игры.

Как и полагалось, я уставилась в глубины хрустального шара, но не увидела ничего, кроме искаженной аудитории и солнечных зайчиков, сверкающих где-то в глубине. Красиво, но не информативно.

– Предсказание откроется вам тогда, когда вы будете готовы, капитаны. Никому его не передавайте. И используйте, чтобы победить. До встречи на церемонии открытия.

Очень хотелось закончить его фразу какой-нибудь пафосной, из кино, типа «Да пребудет с вами Сила» или «И пусть удача всегда будет с вами», но я сдержалась. Я собиралась поймать Светлова и немедленно устроить ему взбучку. Но кое у кого на меня были другие планы. Много у кого, я бы сказала.

Сначала подошел Воронцов:

– Можно тебя на минуту?

Потом явился сам Ледяной Принц, и Воронцов в мгновение ока испарился, решив не конкурировать за внимание капитана, а позже воспользоваться связями. Но хуже всего, что под это дело смылся и Светлов. И вот это уже огорчило.

– Огнева, – Аспер вразвалочку ко мне подошел, – надо поговорить.

– Я спешу, потом поговоришь.

– Я поговорю сейчас. Хочешь – при всех, но тебе точно не понравится. Хочешь – наедине, избежишь позора.

Впрочем, он не собирался давать мне выбор на самом деле. Аспер просто подождал, когда я уберу в сумку шар и лист с расписанием, а потом взял меня под руку и под заинтересованными взглядами вывел в парк. Там, в тени большого дерева, с которого уже начали осыпаться золотистые листья, я села на скамейку и выжидающе уставилась на парня. В декорациях классической петербургской осени он смотрелся как инопланетянин, с его пепельным блондом, белой кожей и абсолютным равнодушием на красивом лице.

– Чего тебе? – спросила я, устав ждать, пока Аспер наиграется в хладнокровие.

– Думаю, тебе уже рассказали, насколько опасно играть против моей команды. Обычно я не делаю таких милостей, но ты – особый случай. В знак нашей прежней дружбы я дам твоим ребятам шанс.

– Благородно.

– Благородно будет, если ты мое предложение примешь. Я слышал, бедолаги обязаны своим участием в Играх тебе. Каково им будет узнать, что ты не использовала единственный шанс их спасти? Я предлагаю не просто сделку, я предлагаю жизнь. Членов твоей команды... или твою, если пожелаешь.

– Излагай, – равнодушно пожала плечами я.

Что бы Аспер ни предложил, это или издевка, или ловушка, или еще черт знает что. Ему определенно доставляет удовольствие играть с людьми, хотя по лицу вообще нельзя сказать, испытывает ли парень хоть какие-то эмоции. Но информация будет не лишней. Вдруг ему нужно что-то особенное, что поможет мне понять, как победить... или хотя бы не погибнуть на Играх.

– На Играх четыре испытания, плюс церемония открытия – по сути, нулевой этап. Перед каждым ты будешь выполнять мое желание в обмен на иммунитет члена своей команды.

Я рассмеялась. Нервно и недоверчиво.

– Я не сказал ничего смешного.

– Ты что, это всерьез?

– Вполне. Это хорошая сделка, Ярина. Я предлагаю лишь один раз.

– На этом все? – Я поднялась. – Успехов на Играх.

– Может, сначала посмотришь шар с предсказанием? – насмешливо бросил мне в спину Аспер.

Посмотрю. Непременно посмотрю, но точно не у него на глазах, потому что стоит дать слабину – и ты уже проиграла. Скорее всего, Аспер блефовал и понятия не имел, что покажет мне шар. Но нельзя было сбрасывать со счетов и вероятность того, что Дашков-старший слишком много рассказывает своему младшему брату об Играх.

– Чего хотел этот упырь?

На выходе из сквера меня все же поймал Воронцов. Но с ним сидеть на лавочке и мило беседовать я не стала. Все эти плетущие

вокруг меня интриги юноши уже порядком утомили. Я даже стала подумывать, что Аронов, с его прямолинейностью, граничащей с хамством, вполне неплох.

– Пожелать удачи.

Воронцов хмыкнул. Не поверил.

– Зря иронизируешь, когда-то мы с Аспером даже дружили. Правда, социальное неравенство – штука жестокая. Да что я тебе объясняю, сам все понимаешь. Чего хотел?

– Сделать тебе выгодное предложение.

– Слушаю.

– Как раз в тему социального неравенства. Ты ведь знаешь, что моя семья довольно богата?

– Слышала, и что?

– А я знаю, что твоя... небогата. Что вы снимаете комнату в коммуналке и с трудом сводите концы с концами.

Оказывается, когда тебе говорят, что ты нищая, – это неприятно. Интересное открытие. В своем мире я часто следила за блогерами и – чего греха таить – завидовала красивой жизни. Билетам бизнес-класса, поездкам за океан, красивым покупкам. Не то чтобы я не была довольна своей жизнью, но, когда из каждого утюга доносятся рассказы о красивой жизни, волей-неволей тоскливо вздохнешь, застегивая пуховик.

Но это была абстрактная тоска. Всем девочкам нравится представлять себя принцессой.

А вот когда тебя называют бедной и ты знаешь, что это правда, появляется совсем другое ощущение.

– Мое финансовое положение тебя вообще не должно волновать. Капитану на Играх выгоднее быть умным, нежели богатым.

– Вот как раз представился шанс продемонстрировать ум. После первого испытания из команды проигравших должен будет уйти один участник. Выбирает капитан. Мы, естественно, продумем всухую, и тебе придется выбирать. И я хочу, чтобы ты выбрала меня.

Не то чтобы я была против. Из всей команды только Воронцов вызывал у меня отторжение, хотя парень еще ничего не успел натворить. Но я нутром чуяла: мы с ним еще хлебнем проблем. Но все же мне хотелось дослушать.

– А моя семья в обмен на эту маленькую услугу щедро тебя отблагодарит.

Я даже поперхнулась.

– Ты предлагаешь мне взятку, чтобы уйти с Игр?

– Почему сразу взятку? Ты поможешь мне, а я помогу тебе. Используешь деньги, чтобы снять жилье получше или помочь отцу открыть свое дело. Отказываться глупо. Тебе нужно всего лишь сделать то, что и так придется.

Сначала я хотела просто уйти, но все же не выдержала. Мы остановились у самого входа в метро, смотревшегося удивительно пустынно. Не помню, чтобы хоть раз видела станции такими безлюдными днем.

– Неужели тебе нравится быть трусом?

Воронцов ничуть не смутился:

– Я просто трезво оцениваю риски, Огнева. Я наследник драконьей империи. Да, по стечению обстоятельств моя магия дала сбой, но она меня не изменила. Меня всю жизнь учили считать риски, выгоду и не бравировать попусту. Игры – сильный риск, они не окупятся и могут лишь навредить моему будущему. Игры – не возможность, они – проблема. А любую проблему можно решить деньгами. Все продается. Храбрость, гордость, победа, поражение. Тебе нужно только назвать сумму.

– Забавно, что, имея деньги, ты решил купить не победу, а безопасность для своей жопы.

– Купить победу у Дашкова? – Воронцов хохотнул. – Ему не нужны деньги.

– Мне тоже! – отрезала я и направилась к ступенькам.

– Ну и дура! – донеслось мне в спину.

Да что ж сегодня все пытаются оставить за собой последнее слово?!

После встречи с распорядителем полагалось вернуться в школу и отсидеть оставшиеся занятия, но я направилась домой. В разгар рабочего дня коммуналка была пуста. Я заварила чай и села напротив стеклянного шара, гипнотизируя туман внутри его. Мне надо было подумать.

Есть два варианта стратегии. Первый: попробовать победить. На стороне Аспера сила, но неужели мы не придумаем, как победить? У

нас нет магии, но есть мозги, и когда-то же маги огня должны начать их использовать. Хотя такая самонадеянность может сыграть злую шутку.

Второй вариант – попытаться спасти максимум сокомандников. Пройти через унижение, сдаться, даже не начав бороться, но не позволить никому пострадать. Если я соглашусь и на предложение Воронцова, и на предложение Аспера, то получится спасти двух зайцев. Дать иммунитет Кейт, выгнать Воронцова, и останутся трое: Аронов, я и Александр. У них больше шансов уцелеть, я думаю. А следующие туры дадут иммунитет и им. Если грамотно все распланировать, то к финалу останусь только я. И Асперу это, конечно, не понравится. Вряд ли он так просто от меня отстанет. Но на этот случай у папы с мамой будут деньги Воронцова.

Никогда не думала, что придется жертвовать гордостью ради чужой жизни. Мой прежний мир не предполагал такого выбора.

Послышались шаги. В кухню вошел Светлов, и я выпрямилась. При виде меня парень помрачнел, но не стал малодушно сбегать. Сделал себе крепкий чай и остановился возле стола, задумчиво глядя на шар.

– Посмотрела?

– Нет еще.

– Глянь. Обычно там ерунда, но иногда бывает что-то полезное.

– Мы что, так и будем вести светскую беседу о предсказаниях?

– А о чем мы должны говорить? Игры – главная новость на много недель вперед.

Я не выдержала:

– Зачем ты это сделал?!

– А что такого? – Светлов нарочито равнодушно пожал плечами. – Участвовать в Играх – хороший бонус. Дополнительные баллы в учебе, зачет по физподготовке и облегченный экзамен по практической магии. Стоит того.

– Вот только до того, как я записалась, ты и не думал идти на Игры. И считал их не самым полезным занятием.

– И чего ты от меня ждешь? Есть какой-то определенный ответ, а я не могу его угадать?

– Я жду, что ты объяснишь, зачем ты в это влез? Из-за меня? Это моя проблема, ясно?! Я признала, что сделала глупость, но я с этим

разберусь! А вот твое присутствие на Играх все существенно осложняет!

– Да, буду мешать тебе умереть. Что поделаться, вот такой я обломщик.

– Почему ты просто не мог посоветоваться?!

– А ты?

– Я не знала! Я думала, это просто школьные соревнования! Я уже объясняла, что я понятия не имею ничего об этом мире, но вы мне упорно не хотите верить! И если папу я еще могу понять, то что творишь ты, понимать отказываюсь! Зачем ты пошел на Игры, ну зачем?!

– Да потому что я тебя люблю!

Светлов рывкнул так громко, что от неожиданности я выпустила из рук шар, и он покатился по столу. Едва успела подхватить.

– Так люблю, что ненавижу за то, что ты считаешь меня чем-то вроде мебели.

– Я не...

– Помолчи! С детства я хожу за тобой хвостом, а ты делаешь вид, будто не понимаешь почему. И пусть. В конце концов, мы не всегда получаем то, что хотим. Ты благосклонно принимаешь дружбу, пусть будет так. Но ты можешь хоть немного думать о тех, кому безразлична?! На меня тебе плевать – о родителях ты подумать не хочешь? Да, я пошел на Игры из-за тебя, потому что ты, Ярина, оказалась не способна подумать о последствиях! И я вытащу тебя оттуда, а после Игр ты пойдешь к чертям собачьим, потому что даже моей любви уже не хватает!

– Ты мне не веришь. – Я устало потерла глаза. – Ты не веришь ни одному моему слову.

– Нет. Не верю. Ты всегда придумывала сказки. Очередная ничуть не оригинальнее прошлых. И знаешь что? Я устал. Сделай одолжение: прекрати вести себя так, словно я обязан перед тобой отчитываться или согласовывать с тобой свои действия. Моя любовь, Ярина, не делает меня твоей собственностью. Буду очень благодарен, если перестанешь читать мне нотации.

С этими словами Светлов, бросив чашку в раковину, отчего она раскололась надвое, ушел. Оставив меня наедине с безмолвным хрустальным шаром и острым желанием утопиться в ближайшей

речке, благо с появлением в Санкт-Петербурге магии их количество не изменилось.

– Он меня любит, а я его даже не помню!

Биться лбом об стол было больно. Но может, хоть так в голову какая-нибудь умная мысль придет?

* * *

Ночной магический Петербург вблизи оказался прекраснее дневного и намного более чарующим, чем издали, с крыши. Наполненный сиянием волшебства, он раскрылся совершенно по-новому, одновременно вызвав восторг и тоску. Восторг – потому что открывшийся передо мной мир был воплощением красивой сказки. Тоску – потому что я все еще не воспринимала его реальностью.

Петербург искрил, сиял и колдовал, а я знала, что это лишь чья-то безумная фантазия.

– Позовите Аспера Дашкова. – Я остановилась у Зимнего и обратилась к сурового вида охраннику.

Тот не шелохнулся, словно меня здесь и не было.

– Скажите, что к нему Ярина Огнева. Передайте, что она готова принять его предложение.

Видимо, мысль о том, что раз хозяин сделал какое-то предложение, то о согласии нужно доложить, иначе хозяин будет в гневе, заставила охранника махнуть напарнику. Тот удалился, а я отошла в сторону, ждать. От волнения меня слегка потряхивало. В руках я сжимала тяжелый хрустальный шар, который стал почти горячим, настолько сильно я его терла.

По ощущениям прошло около получаса, прежде чем послышались шаги. Охранник вернулся и распахнул калитку, приглашая войти. Но я покачала головой.

– Передайте Асперу, что я буду говорить только здесь.

Не хочу, чтобы нас застукали мама или Дашков-старший. Будет слишком много вопросов.

Не в моем положении было ставить условия. Аспер вполне мог отказать выходить, не царское это дело под забором с нищенками

беседовать. Но я рассчитывала, что любопытство заставит его на время забыть о гордости.

Так и случилось. Вскоре Ледяной Принц соизволил явиться.

– Я, по-твоему, мальчик на побегушках? – спросил он.

Как у Аспера так получается, даже гневные вопросы задавать без единой эмоции в голосе? Может ли он испытывать хоть что-то?

– Я согласна на твоё предложение. Желание в обмен на иммунитет члена команды.

– Хорошо. Я пришлю все инструкции завтра.

– Погоди. Есть условия.

Он поднял брови, имитируя удивление.

– И какие же?

– Первое: иммунитет постоянный. То есть если перед первым испытанием я выбираю участника, то он неприкосновенен до конца Игр.

– Хорошо.

– Второе: иммунитет защищает не только от тебя, но и от членов твоей команды и от членов других команд.

– А если они мне не подчиняются? Как я заставлю воздушников, например, спасти тебя или твою подружку?

– Придумаешь. Ты же властитель самой сильной магии на свете. Уверена, у тебя есть рычаги.

– Допустим, есть. Но и желания за такой иммунитет будут соответствующие.

– А вот и третье. Никаких желаний, связанных с намеренным вредом здоровью. То есть ты не можешь пожелать, чтобы я пошла и отрубила себе палец. Никаких желаний, связанных с жизнью или здоровьем моих близких, то есть ты не можешь потребовать, чтобы я отравила мать или заперла в подвале подругу. Никаких желаний, связанных с сексом. Никаких желаний, связанных с тяжкими нарушениями закона.

– Огнева, ты не думала о карьере законника? Я бы взял тебя в штат.

– Обсудим, когда получу диплом. Так что? Согласен?

Я протянула ему руку. Поколебавшись несколько секунд, Аспер все же пожал ее в знак успешной сделки. Его кожа показалась мне

ледяной. Уж не знаю, применил ли он магию для пущего эффекта или в принципе не был человеком.

– Завтра, как я уже сказал, пришлю инструкции. Готова выбрать того, кто получит мою защиту и всяческую поддержку?

– Да. Михаил Светлов.

Кажется, Аспер ожидал услышать любое имя, но только не это.

– Светлов? Так он же в моей команде. С чего бы мне убивать своего сокомандника?

– Объяснить выбор – это твое желание? Исполнять?

– Нет. Хорошо. Имеешь право развлекаться, как пожелаешь. Светлов получит иммунитет.

В этот момент показалось, словно, защитив Светлова, я обрекла кого-то из тех, перед кем действительно была виновата. Но шар в руке, его тяжесть, не давал забыть о том, зачем я здесь.

– С тобой приятно иметь дело, Огнева. Думаю, эти Игры запомнят надолго.

Издевательски (хотя и все так же холодно) Аспер поцеловал мне руку и, откланявшись, удалился. Отойдя подальше, туда, где охранники бы меня не увидели, я опустилась на землю и выдохнула.

Еще раз взглянув в шар, я надеялась, что теперь предсказание изменится. И туман внутри стекляшки покажет мне что-то другое вместо инея, которым покрывается кожа, и медленно стекленеющих глаз Михаила Светлова.

Но должно ли измениться предсказание, если изменилась судьба, я не знала. Оставалось надеяться, что нет, потому что даже теперь шар снова и снова показывал, как заклятье Ледяного Принца медленно убивает парня, виновного лишь в том, что влюбился не в ту.

Глава пятая

– У мага, пользующегося усилителем, есть две основные стойки. Защитная и атакующая. Начнем с атакующей, хотя если бы я не был обязан следовать официальной программе Министерства Магического Образования, я бы вас этой позиции вообще не обучал, ибо в атаке вы способны уничтожить противника, лишь рассмешив до смерти.

Народ вокруг возмущенно запыхтел, а я закатила глаза. Начинаю привыкать к Аронову и его характеру. По-моему, он язвит просто из любви к искусству, а не из-за реальной ненависти к студентам.

Атакующая стойка чем-то напоминала сериалы про полицейских, только вместо пистолета полагалось держать палочку, да еще и одной рукой. Мы дружно попробовали повторить стойку, и у Аронова едва заметно дернулся глаз.

– Понятно. Убрали усилители в сумки.

Для практического занятия мы отправились в спортивный зал, так что для того, чтобы убрать усилители, понадобилось время – сумки-то остались в раздевалках. За это время Аронов куда-то сбегал, взяв в помощь пару крепких мальчишек, и вернулся... с охапкой палок.

– И что мы будем с ними делать? – спросил кто-то.

– Крапиву бить, – едко ответил профессор. – Запишись на дополнительные занятия по сообразительности. Огнева! Что мы будем делать?

– Имитировать, – буркнула я, прежде чем сообразила, что ляпнула.

– Нет, это вы как-нибудь без меня. Мы будем тренироваться без риска для жизни, здоровья и окружающей среды. Курс! Быстро выбрали себе по самой симпатичной палке!

Я и так чувствовала себя идиоткой, размахивая янтарной палочкой, а уж с какой-то мокрой веткой и подавно. Но доля здравого смысла в идее Аронова была. Моя-то палочка на прошлом занятии искрила, а я ведь даже не держала ее в руках. Не хотелось бы выбить кому-то глаз, за это даже в нормальном мире назначают штрафы и тюремные сроки.

– Первое и главное правило...

Профессор выдержал паузу, а потом как гаркнул:

– НИКОГДА НЕ НАПРАВЛЯТЬ УСИЛИТЕЛЬ НА ТОГО, КОГО НЕ ХОТИТЕ КАЛЕЧИТЬ!

Я вздрогнула, Елена рядом уронила ветку, по рядам парней прошелся матерный шепоток.

– Каждое ваше движение палочкой должно быть направлено лишь на противника. Ну или на объект, которому не посчастливилось быть под прицелом вашей магии. Даже когда вы достаете усилитель, убираете его в сумку, размешиваете им сахар в чае – ни-ког-да не направляйте его на людей, которых не собираетесь убивать.

– Разве магу огня хватит сил убить? – спросил кто-то.

– Вот я сейчас усилитель возьму, в глаз тебе ткну – и увидим. Любую магическую дуэль можно свести к примитивной драке, – философски отозвался Аронов. – Вы и голыми руками убить можете. А иногда даже интеллектом. Так, теперь встали в атаковую стойку снова.

Затем профессор пошел по рядам и лично каждого поставил в нужную позицию. Я старалась вообразить себя крутым копом или хотя бы Гарри Поттером, но, подозреваю, смотрелась с веткой в руках как очень агрессивный бобер.

– Локоть высоко. – Аронов хлопнул меня по руке. – Руку сильно не отводи, у усилителя есть отдача. Выбьет плечо. И ниже, тебе надо целиться. Вторую руку за спину. Вес на ногу впереди. Все, замри.

Элена старательно повторяла все, что он говорил мне, за что удостоилась едва заметного кивка и вождя игнора – это была высочайшая оценка от Аронова.

– Хорошо. Теперь убрали усилители. НЕ ТАК!

Мы опять дружно подскочили.

– Зачем вы направляете их в небо? А если там дракон летит? Подпалите хвост, придется компенсацию выплачивать. В землю! Мы направляем усилитель в землю!

Он медленно опустил палочку и убрал за пояс.

– Повторили двадцать раз, пока не получится идеально.

Затем пришел черед защитной стойки.

– Для защиты мы создаем диагональ. Усилитель продолжает вашу руку. Кончик палочки должен быть не выше вашей головы. Расстояние от лица достаточное, чтобы не получить по носу. Оценивайте

противника правильно. Так, с защитной стойкой все лучше, что радует. Теперь тренируем переход от защиты к атаке и наоборот.

Мы хаотично помахали палочками, поржали, послушали речь Аронова о том, что по ошибке вместо группы магов ему выдали оркестр неудачников, и разошлись на следующие занятия, где не унижали студентов.

– Огнева, на две минуты.

Пришлось махнуть Элене, чтобы шла без меня, и задержаться.

– О чем вы вчера беседовали с Дашковым-младшим?

– Вы что, за мной следите?

– Птичка на хвосте принесла. Что вы задумали?

– Ничего. Просто пришла поговорить на личные темы. Когда-то мы с Аспером были лучшими друзьями, нас многое связывает.

– Что, например?

– Не думаю, что вас это касается.

– Вы слишком дерзкая, Огнева, не находите?

– Нет! – отрезала я. – Я встречалась с Аспером во внеучебное время, в частном порядке. И что бы мы ни обсуждали: светские сплетни, день рождения общей подруги, наш тайный роман – это наше дело, а не ваше. При всем уважении.

– Мне кажется, вы не до конца понимаете расклад, Ярина. Аспер Дашков – ваш враг. Какие бы ни были между вами отношения, они закончились, как только вы стали участниками Игр. Любую слабость, любое проявление чувств он использует не просто, чтобы победить в школьном соревновании, но чтобы поиграть с вами и уничтожить. Наш Ледяной Принц получает удовольствие, когда играет. Он предает, обманывает, лжет, издевается, мучает и убивает. И вы, конечно, можете верить, что станете первым исключением из-за прошлой дружбы. Но такая вера сгубила не одного участника Игр с Дашковым.

– Не волнуйтесь. Мы действительно говорили о наших отношениях в прошлом. О том, что они не должны влиять на Игры.

Вряд ли Аронов мне поверил, весь его вид говорил об обратном. Но я упрямо сжала губы и посмотрела ему прямо в глаза.

– Свободны.

С облегчением я рванула к выходу из спорт-зала.

– Что бы вы ни задумали, Огнева, убедитесь, что не придется потом жалеть, потому что остановиться на полпути не получится.

– Пожарная машина на красный свет не останавливается, – вырвалась у меня любимая папина поговорка.

– Главное, не забудь включать поворотники, – донеслось в ответ.

Я вышла из зала и замерла.

– Что... стоп... Что вы сейчас сказали?!

Но в зале Аронова не было. Я прогуляла пару по истории, чтобы его найти, но профессор словно провалился сквозь землю. И к вечеру стало казаться, что я все придумала, отчаянно желая найти хоть намек на привычную реальность.

* * *

Ближе к ночи, когда я уже перестала ждать вестей от Аспера, принесли коробку. Мама с папой удивленно переглянулись.

– Дорогая, что это?

Казалось бы: удачный момент рассказать об Играх и моем участии в них. Но я снова испугалась и промолчала. Открыла коробку и удивленно уставилась на что-то мягкое внутри. Сверху лежала открытка.

«Для бала».

Мягким оказалось платье. Очень красивое, невероятное. Черное – как я и хотела. С открытыми плечами и жестким корсажем, наверняка ужасно тесным. Расшитое золотым и оранжевым стеклярусом. В тусклом свете россыпь напоминала крошечные искорки на ночном небе.

– Ярина, откуда это платье?

– Это к балу. Мы собираемся пойти с ребятами. Нужны вечерние наряды.

– И где ты взяла деньги?

Я против воли поморщилась. Мама шла в атаку: ей уже не нужен был мой ответ, она считала меня в чем-то виновной. В принципе, правильно считала.

– Оно недорогое, я взяла его напрокат.

– А что, прокат уже не надо с нами согласовывать? Мы деньги не рисуем.

– Эй, – успокаивающе улыбнулся папа, – ну хватит, не заводись. На балу строгие правила. Ей в любом случае нужно платье.

– Я просто хочу знать, откуда деньги.

– Хорошо. – Я вздохнула. – Платье в прокате для меня взял Аспер.

Лица родителей вытянулись.

– Аспер... Дашков? – переспросила мама. – Брат Дмитрия Дашкова? Хозяин дома, в котором я работаю?

– Ага.

– И почему же Аспер Дашков оплачивает прокат платья для тебя?

– Потому что...

Я лихорадочно придумывала, что бы такое соврать.

– Мы идем на бал вместе.

Не уверена, что ляпнуть это было лучше, чем признаться в том, что я участвую в Играх. Тем более что уже на первом испытании все откроется. А может, и раньше, я ведь даже не знаю, какой масштаб у информирования об Играх. Вполне возможно, составы команд уже опубликованы, и я лишь оттягиваю неизбежное. Или мама услышит что-то на работе. И придет домой злая, как чугунный утюг. Им меня и огреет за вранье и безрассудство. И будет права.

– Ты идешь с Аспером? – Папа первый вернул себе способность говорить. – Ярина, это плохая идея. Очень плохая! Вы же еще недавно на дух друг друга не выносили! С каких пор вы встречаетесь?

– Мы не встречаемся. Мы просто идем на бал. В знак... м-м-м... примирения.

– Примирения? Вы помирились?

– Сошлись на том, что пора забыть детские обиды.

Еще бы знать, в чем они заключаются. Похоже, даже сам Аспер не в курсе.

– Ярина, это отвратительная идея. Аспер – очень сложный и противоречивый юноша. Что бы он ни говорил и каким хорошим бы ни казался, он всегда ведет свою игру. Нельзя ему доверять. Нельзя идти с ним на бал!

Кажется, лучше бы я сказала про Игры. Может, еще не поздно?

– Пап, мам, успокойтесь. Ничего между нами нет. Аспера бросила девушка. Он не захотел позориться перед школами и сокомандниками. Он прекрасно знал, что я не пойду на бал, потому что у меня нет

платья, и предложил мне пойти с ним в обмен на наряд. Я согласилась. Это просто хорошая сделка.

– Это плохая сделка! – рявкнула мама. – Нельзя быть должной Дашковым! Они возьмут и долг, и непомерные проценты! Ты думаешь, расплачиваться придется только улыбками и танцем на балу? Очнись, Ярина!

– Давайте не будем развлекать соседей вечерним скандалом, – устало попросил папа. – Что сделано, то сделано. Ярина пообещала побыть парой Аспера на балу Стихий. Нарушить слово нельзя, не с Дашковым. К тому же это невежливо, он уже купил для нее платье. После бала Аспера увлекут Игры, и вопрос их отношений решится сам собой. Яриш, пообещай, пожалуйста, что твоя встреча с Аспером на балу станет последней. И в дальнейшем ты будешь держаться от этого молодого человека подальше.

– Обещаю, – вздохнула я, убирая коробку в шкаф. – Между нами ничего нет и быть не может. Аспер вернет свою девушку, а я...

«Буду выпорота за наглое вранье», – услужливо подсказал внутренний голос.

Но сегодня тучи, сгустившиеся было над головой, рассеялись. И я отправилась в душ придумывать объяснение, как вместо объятий Дашкова я оказалась на Играх и почему мне не стыдно врать родителям.

Впрочем, все размышления свелись к одному.

Почему первым желанием Аспера стало платье для бала? Что такого в том, что я надена его на церемонию открытия Игр Стихий?

* * *

Бал выпал на выходной, и я успела вволю поволноваться. Мама ушла на работу, а папа занимался заказами дома. Стыдно было признаться, но я испытала облегчение, поняв, что мамы не будет, когда я уйду.

Я правда ее люблю. Но порой с ней невыносимо сложно.

– Ты обещаешь быть осторожной и держаться подальше от Аспера Дашкова?

– Настолько, насколько возможно.

Папа вздохнул. Мое «возможно» его не убедило, но что я еще могла сказать? Не волнуйся, между мной и Аспером нет романа. Мы просто соревнуемся на Играх.

Боюсь, тогда вместо бала придется ехать в больницу, ибо отца хватит удар.

Впрочем, признаться все равно придется. Скоро первый тур. Накладные усы и шляпа не помогут скрыть от родителей тот факт, что я – капитан команды.

Платье сидело роскошно. Как будто было сшито на меня. Приятная тяжесть дорогой ткани вызывала чувство детского восторга. Я впервые надела настоящее бальное платье.

– Ты красавица, – улыбнулся папа. – Жаль, что мы с мамой не можем заработать на такие платья для тебя.

– Платья – это ерунда. Не в них счастье.

– Иногда очень даже в них. Не отрицай ценность достатка, Ярина, иначе всю жизнь проживешь, как мы с мамой, в съемной комнате. Да, за деньги не купить счастье как таковое. Но можно купить достаточно, чтобы путь к нему был проще.

– Клянусь учиться усердно, найти хорошую работу и заработать много денег. Купить свою квартиру и обеспечить вам с мамой роскошную жизнь.

Папа рассмеялся.

– Не думай о нас, детка. Думай о себе и своем будущем. Но... – Он посерьезнел. – Я надеюсь, ты не рассматриваешь Дашкова-младшего в качестве трамплина к достатку?

– Я вообще не рассматриваю Аспера. Ни в каком качестве.

Вряд ли папу это успокоило, но он решил не развивать тему. Только по-отцовски умилялся, когда я заплетала волосы и красилась. А на прощание меня обнял. Крепко и как-то... так, словно догадывался, что этот вечер – не просто школьная вечеринка, приуроченная к открытию Игр Стихий. Словно в глубине души папа знал, что я больше не вернусь в эту комнату.

Но я отмахнулась от тревожных мыслей, взглянула на часы и поняла, что пора идти, если не хочу опоздать. Проходя мимо комнаты Светлова, я замерла и прислушалась. Но из-за двери не донеслось ни звука. Наверное, он уже ушел. Как же все сложно!

Вечер выдался удивительно теплый для осени. Я захватила плащ, но так и не надела. Пришлось потратиться на кеб, и это стало лучшей тратой за все время пребывания в магической версии Петербурга. Было что-то невероятно романтическое в том, чтобы нестись по улицам в карете одетой в роскошное пышное платье и смотреть на сверкающий магическими огнями Петербург.

Еще более невероятным это небольшое путешествие делал небольшой дракон, запряженный в кеб. Он парил в нескольких метрах над землей, расправив перепончатые крылья, и бодро нес меня навстречу Екатерининскому дворцу, где и собиралась вся петербургская знать. Дабы присутствовать на церемонии открытия лично.

Простым людям это удовольствие было доступно на экранах, развешанных по городу. Мне не у кого было спросить, как они работали. Но от мысли, что скоро на меня будет смотреть весь город, делалось немного дурно.

Кеб остановился у ворот. Я вышла и почти сразу же очутилась в сказке.

Даже дворцовый парк погрузился в магию. В воздухе парили золотистые огни. Главная аллея, ведущая к центральному входу, находилась под мерцающей аркой, сотканной из тончайших нитей. А над дворцом сияли четыре символа, четыре стихии. Сплетенные меж собой, бросающие разноцветные блики на здание.

Даже среди роскошной, благоухающей и сияющей публики я выделялась. Аспер умел выбирать девушкам платья. Жаль, что при таких возможностях и такой аристократичности он ведет себя как беспринципный урод.

Мы с командой условились найти друг друга слева от входа. За полчаса до начала нас должны были собрать для встречи с Дашковым-старшим, чтобы проинструктировать, а затем представить публике.

Команда увидела меня прежде, чем я их. Лишь услышав какой-то очень странный оклик: «Огнева!», я обернулась и увидела Кейт. В тонком обтягивающем шелковом платье на золотых бретельках она была удивительно хороша. Длинные ноги, роскошная фигура, копна золотых волос – на нее смотрели, не замечая меня, настолько Вишневская была притягательна. Как и ее брат.

Она подскочила ко мне и больно вцепилась в локоть.

– Да что с тобой не так?! – рыкнула она. – Зачем ты это делаешь?!
– Делаю что? – опешила я. – Что случилось?
– Твое платье, Ярина! Ты... это даже не глупо, это просто мерзко и жестоко! Неужели для тебя нет никаких рамок?!

От неожиданности я застыла. Не то чтобы я не ожидала, что с платьем будет что-то не то, но моя фантазия ограничивалась чем-то вроде «Голых игр» – сцены, когда ткань на глазах у всех вспыхнет и оставит меня в чем мать родила. Нечто вроде реализации ночного кошмара.

Однако дело было, похоже, в чем-то другом, потому что я все еще была одета, а Кейт буквально пылала праведным гневом.

– Можешь объяснить, что не так с моим платьем?
– Как будто сама не знаешь! Весь Петербург видел!
– Давай представим, что не знаю. Я была далеко и все пропустила. Кейт, пожалуйста, скажи!

Вместо ответа Вишневецкая потащила меня внутрь дворца. Гостей еще не пускали в залы, маринуя в большом холле. Было так странно видеть это место без рамок металлодетекторов, информационных табличек и других атрибутов двадцать первого века мира технологий. Но я не успела толком осмотреться, Кейт протащила меня мимо пирамиды из бокалов с искрящимся золотистым напитком, к стене с портретами.

«На долгую память о тех, кто теперь играет за гранью», – прочитала я.

Фотографии напоминали голограммы, они словно парили в воздухе. Присмотревшись, можно было увидеть, что портреты составлены из мельчайших сверкающих частиц магии. Невероятно красиво.

– Вот! Только не говори, что не видела, потому что этот портрет был на центральной площади!

Я не сразу поняла, о чем она, но уже через пару секунд наткнулась взглядом на очередной портрет и вздрогнула. Красивая девушка с пепельно-русыми волосами и невероятными серыми глазами единственная не улыбалась.

Натали Аронова.

– Это стена памяти погибших на Играх. Для нее берутся самые последние портреты.

Сердце екнуло. Портрет был не в полный рост, но даже так было видно, что наши платья были одинаковыми.

– Она погибла в этом платье! Что именно ты пыталась сказать, надев его?!

Не отрываясь, я смотрела на красивое и спокойное лицо дочери Аронова. Стоило признать: ей платье шло больше. Роскошный блонд сочетался с темной тканью, идеальную осанку можно было назвать поистине королевской.

Я невольно задумалась: как она погибла? Как в видении, что показал мне шар, превращаясь в холодное изваяние? Или для нее Аспер придумал что-то другое?

Кейт надо было что-то ответить, но я не знала что. Рассказывать об уговоре с Аспером не хотелось. Позволять ей думать, что я посмеялась над памятью дочери Аронова – тоже.

От необходимости отвечать меня спас не кто иной, как герой сегодняшнего перформанса – Аспер.

– Расскажешь, почему твоя мать сегодня слезно умоляла меня тебя бросить? – с ходу поинтересовался он, оттесняя Кейт.

Она бросила на меня ледяной взгляд, но не решилась перечить Дашкову и отошла.

– Я испугалась рассказывать, что участвую в Играх, и соврала, что иду на бал с тобой. И именно поэтому ты прислал мне платье.

– Тогда я угадал с ответом.

– Что ты ей сказал?! – взвилась я.

Теперь меня еще и дома подвергнут моральным пыткам!

– Впрочем, плевать. Ты доволен? Наслаждаешься произведенным эффектом?

Аспер медленно перевел взгляд с меня на портрет Ароновой и улыбнулся. Улыбка получилась жуткой, какой-то безумной.

– Ей оно идет больше.

– Ты прислал мне платье, снятое с мертвой девушки.

– Обижаешь. Оно новое. Сшито специально для тебя. Ты ниже ростом и...

Его взгляд задержался на декольте.

– Менее фигуристая.

– Что с тобой не так? – повторила я вопрос Кейт. – Зачем ты это делаешь?

– А ты как хотела, Огнева? Это цена за жизнь твоего приятеля. Думала, я устрою тебе детский розыгрыш на глазах у всего бомонда Петербурга? Это слишком мелко и скучно. Нет, идея игры такая: ты получаешь то, что хочешь – в данном случае, жизни своих приятелей, – но за это платишь всем, что тебе ценно. Улыбайся, Ярина. Улыбка у тебя красивее, чем у твоей предшественницы.

Он протянул мне локоть.

– Идем? Лучше тебе держаться рядом со мной. Если Аронов увидит, может не сдержаться.

Мы двинулись вперед, в толпу гостей, по направлению к пирамиде из бокалов с шампанским. Я оглянулась на Кейт и увидела на ее лице смесь ужаса, гнева и недоумения. Придется как-то это объяснять. Не романом же с Аспером.

– Ты никогда не задумывался, почему тебе так нравится играть с людьми? – спросила я, когда Аспер галантно передал мне бокал.

Себе брать не спешил, и это бросилось в глаза. Я сделала вид, что глотнула вино, но на деле едва смочила губы.

– Это весело. Мне никогда не нравились обычные игрушки. Что интересного в молчаливых кусках дерева?

– Гораздо интереснее чужие страдания, да?

Он улыбнулся. На удивление беззлобно, как будто на секунду в холодном социопате проявился парень, которым он когда-то был.

– Страдания – ничто. Их легко причинить. Выходи на улицы, выбирай любую парочку, убивай одного – и упивайся страданиями второго. Разве это хоть что-то значит?

– Тогда что для тебя ценно в этой игре, если не страдания?

– Как бы тебе объяснить...

Он посмотрел на меня с легким недоверием и любопытством – как будто, вдруг поверил, что мне действительно интересны Игры. Что я смогу стать его союзницей.

– Выбери кого-нибудь в толпе, – велел он.

– И что ты сделаешь? – сразу насторожилась я.

– Не волнуйся. Сегодня ты – главная героиня моего представления. Просто расскажу, почему делаю то, что делаю. Тебе же интересно?

После недолгих колебаний я сдалась. Очень хотелось влезть Асперу в голову. Может, потому что он был загадкой, пусть и довольно

жуткой, а загадки я любила. А может, потому что я втайне надеялась нащупать его слабое место и все же победить в игре, в которой ему не было равных.

– Вон та девушка в красном, – наконец определилась я.

Она выглядела максимально обычно и просто болтала с подругой.

– Хорошо. Иди, познакомься с ней.

– Что?

– Просто спроси, как ее зовут и откуда она. Давай, иди!

Стоило послать Аспера как можно дальше, но я все же подошла к незнакомке и вскоре вернулась.

– Виктория Ковалевская, маг воздуха. Пришла, сопровождая парня, который участвует в Играх. В команде школы Воздуха. И что?

– Маг воздуха... хорошо. Уверена, что хочешь услышать?

Аспер улыбнулся, и снова я ощутила, как похолодели руки. Казалось, он мог заморозить сердце одним взглядом. Дашков-младший был воплощенным сочетанием невероятной красоты и столь же невероятного безумия.

– Я мог бы испугать ее парня на испытании так, что он бы обделался от страха и опозорился перед всеми. Это бы сильно осложнило их светлое чувство. Затем я бы ее соблазнил. Это вообще несложно с девушками. Но просто соблазнить – это скучно. Она маг воздуха... Я бы научил ее получать удовольствие в моменты, когда воздуха ей очень не хватает. Когда мои пальцы смыкаются на ее горле, лишая возможности дышать. Она бы умоляла меня делать это снова и снова, и мы бы провели несколько недель, получая невероятное удовольствие в постели. Но знаешь ли ты, Ярина, что любое наслаждение быстро приедается...

Его голос звучал тихо, но никакой шум не смог бы его заглушить.

– Я бы заставил ее держать все в тайне и продолжать отношения. Из моей постели идти напрямиком в его. Затем... я бы дал ему победить. Подарил минуту триумфа. Потом потребовал бы плату. Его жизнь в обмен на ее покорность. Мы не заключали сделку, но жизнь уже подарена, и от оплаты не убежать. Мы бы взяли ее вдвоем. Как-нибудь попробуй, очень возбуждающе. Хрупкая беспомощная девушка, зажата между сильными мужскими телами. Они все бьются в экстазе, когда удовлетворяют двоих. Ты в шоке, Ярина? Но ведь игра должна заканчиваться победой. Представь Викторию... между мной и ее

парнем. Распаленную, отдающуюся во власть удовольствия. Представь, как ей нравится принадлежать двоим. И как нравится ему... Он даже не знал, что подобное может ему понравиться. Никогда еще не испытывал подобного. Он делит свою любовь, свою единственную, со мной. Она задыхается, когда я сжимаю ее горло. Чуть дольше, чем обычно. Он подходит к наивысшей точке удовольствия, он никогда еще не чувствовал такого наслаждения. И лишь чуть позже он осознает, что в секунды его блаженства из нее уходит жизнь...

Рука дернулась сама собой, я не собиралась давать волю чувствам, но не выдержала и окатила его вином из бокала. Аспер лишь поморщился, но не сделал даже попытки вытереть стекающую по лицу и волосам жидкость.

– Ты просила рассказать, что со мной не так. Почему теперь злишься?

– Иди и лечись!

– Власть, Ярина. Вот к чему сводятся игры. У тебя или есть власть – и тогда ты можешь заставить меня делать все, даже лечиться. Или нет – и ты можешь беспомощно сучить ножками и требовать невозможного. Все упирается во власть. О, смотри, Алексей Аронов. Профессор, как ваши дела?

Этот вечер словно поставил цель войти в историю как худший вечер в моей жизни: к нам действительно приближался Аронов. И совершенно определенно он явно хотел не только поздороваться.

– Алексей Иванович, – расплылся в улыбке Аспер. – Приятно, что вы нашли время со мной поздороваться. Я как раз беседовал с Огневой о вас.

Я ожидала, что Аронов придет в ярость при виде меня. Но он смерил меня насмешливым взглядом и повернулся к Асперу.

– Красивый ход. Но чтобы вывести меня из равновесия, понадобится что-то существеннее.

– О чем вы, Алексей Иванович? Я всего лишь пришел, чтобы отдать дань уважения Играм.

– Я о том, что вы нарядили Огневу в платье моей погибшей дочери. Не думаете же вы, Дашков, что я буду заниматься иносказательным онанизмом и придумывать витиеватые формулировки для изящной словесной дуэли?

С лица Аспера сошла довольная усмешка.

– Пора взрослеть, малыш. Твои капризы действуют на тех, кто помладше. Хочешь задеть меня? Придумай что-то интереснее. А сейчас я забираю Огневу, ее ждет команда. Тебя, кстати, тоже. Рекомендую обратить внимание на свиту, а то вдруг в неподходящий момент отвернется?

С этими словами Аронов потащил меня прочь, вцепившись в запястье так, что едва кости не хрустнули! Но я была бы согласна и на перелом, лишь бы оказаться от Аспера на другом конце света.

Но мы пошли вовсе не к команде. Аронов, ловко лавируя между гостями, увел меня в сторону, к какой-то боковой лестнице. Оглядевшись и убедившись, что на нас никто не обращает внимания, он втолкнул меня в темноту.

– Что ты творишь?! – рыкнул он.

– Простите... – тихо вздохнула я. – Он просто прислал платье. Я не знала, что оно что-то значит.

– У Дашкова все всегда что-то значит! Зачем ты с ним связалась?! У тебя что, умственная отсталость? Какую часть фразы «не лезь к Дашковым» ты не можешь осилить?

– От меня здесь мало что зависит.

– Уж теперь, конечно.

Я прислонилась лбом к холодной стене. В висках начинала пульсировать боль. Как же я хочу домой! Как же хочу вернуться в свою реальность, где нет этого психа!

– Чего он хочет? – спросил Аронов.

А когда понял, что я не хочу отвечать, рявкнул:

– Рассказывай, пока я тебя прямо здесь не придушил, потому что клянусь, Огнева, мой разум знает, что ты нарядилась так по его велению, но сердцем я мечтаю сделать так, чтобы ты больше никогда не попадалась мне на глаза!

– У нас сделка. Я выполняю его желания, а он гарантирует жизнь кому-то из команды.

Я не стала уточнять, что первый иммунитет получил человек, который в моей команде даже не состоит. Да и не успела бы: Аронов так витиевато выругался, что у любой приличной девицы завяли бы уши. Хорошо, что я выросла в интернете, я и не такое слышала.

– Ты вообще о чем думала, соглашаясь?

– Хотела спасти тех, кто оказался в команде по моей... хотя нет, вашей вине!

– А, то есть я во всем виноват.

– Не во всем. Но если когда-нибудь образуется Советский Союз, я буду знать, кто приложил руку.

Жаль, в темноте не было видно выражения лица Аронова. Я жадно пыталась поймать перемены в его настроении, уловить, понял ли он отсылку к нормальной реальности. Но, увы, было слишком темно.

– Ты теперь из этого дерьма, Огнева, не выпутаешься.

– Что-нибудь придумаю. Асперу нужны эмоции, причем очень сильные. Наверное, он сам не способен их испытывать, поэтому наблюдает за чужими. Ему нравится игра. Просто страдания ему не нужны, он кайфует от своей способности манипулировать людьми, разрушать их жизни. Если его этой радости лишит, то он переключится на что-то другое.

Я хотела сказать «кого-то», но смалодушничала и не смогла.

– Нет, – неожиданно спокойно произнес Аронов, – он не переключится на что-то другое. Он будет искать твои слабые места, и найдет. Их легко найти, Огнева. Они живут с тобой в съемной комнате в коммуналке на Петроградке. Что, скажешь, не так?

Я закусила губу, чувствуя, как отчаяние захлестывает с головой.

– И что мне делать?

– Победи.

Показалось, я ослышалась.

– Что?

– Победи.

– Но Кейт сказала, что, если мы попробуем победить, нас просто уничтожат.

– Кейт боится. Аспер не станет убивать тех, кто его обыграл. Это слишком просто. Убить того, кто оказался умнее, – не победа, а признак слабости. Никогда Дашков не позволит себе быть слабым. Обыграй его, это твой единственный шанс.

– А если не получится?

– А тебе есть что терять?

Сложный вопрос. В этом мире я могла пожертвовать всем... но лишь зная, что вернусь в привычный. Если же придется остаться, то

терять было что. Дашков мог аннулировать наше соглашение – и ничего ему не было бы. Мог навредить моим родным. Мог... Да мало ли что придет в голову бездушному безумцу!

Аронов был единственным, кто не боялся Аспера. А еще, возможно, помнил что-то о мире без магии. И я почти решилась все ему рассказать. Набрала воздуха в грудь, но вздрогнула от пронзительного звона. Словно тысячи хрустальных колокольчиков зазвенели в унисон.

– Идем, они начинают. Усилитель с тобой?

– Да. А зачем...

– Пригодится. Пошла! – рыкнул Аронов.

Выходя в зал, я услышала его тихое:

– И за что мне это?

Кейт, судя по всему, уже рассказала о моем появлении всей команде. Аронов, Воронцов и Вишневский встретили меня настороженно. В костюмах парни смотрелись шикарно.

– Что будет дальше? – спросила я у Кейт.

– Ты что, ни разу не смотрела бал?

– Не смотрела. Я же говорила, что никогда не интересовалась Играми.

– Выступит распорядитель, объявит Игры открытыми. Представит капитанов, те в свою очередь представят команды. Потом будет время для газетчиков, они зададут вопросы, чтобы было что напечатать в утренней газете. Затем фуршет, танцы, секс в кустах – в общем, кто во что горазд. Ничего особенного, но...

Вишневская умолкла. Я проследила за ее взглядом и увидела, что к нам направляется сам Дашков-старший. При виде меня он на секунду прищурился, но тут же вновь напустил на себя скучающий вид.

– Команда огня, прошу за мной, – сказал он. – Время для открытия Игр.

Чувствуя, как руки леденеют от волнения, я подхватила пышную юбку и первая, на правах капитана, направилась следом за князем. Краем глаза я пыталась найти в толпе Светлова, но ни его, ни Аспера нигде не было. Наверное, их уже увели, а мы, как самые слабые участники, были последними.

По роскошной лестнице мы поднялись на второй этаж, прошли через небольшой бело-золотой зал, в котором играла негромкая музыка и бродили между столами явно особые гости – обычных людей сюда не пускали два стража. На нас не обратили ни малейшего внимания, лишь несколько гостей скользнули равнодушными взглядами по моему платью.

По длинному золотому коридору мы переходили из комнаты в комнату. Малиновая столовая, зеленая столовая, портретный зал... Я едва не отстала, застыв у огромного портрета красивого статного светловолосого мужчины.

«Великий Император Всероссийский Константин, маг воды».

В его облике было что-то смутно знакомое, но увы: я слишком плохо знала историю и вряд ли соотнесла бы императора колдовской Российской империи с исторической личностью в привычном мире. Если он вообще в этом мире существовал. Может, я просто цепляюсь за соломинку, пытаюсь искать намеки на реальность в этой сказке Дмитрия Дашкова?

– Огнева! – шикнула Кейт, заметив, что я отстала. – Потом полюбишься! Хочешь, чтобы нас наказали?!

Пришлось поспешить. Из портретного зала мы попали в следующее помещение и, наконец, остановились. От неожиданности я едва не вскрикнула. Историю я, конечно, знала плохо. Но не настолько, чтобы не узнать янтарную комнату! Мороз по коже... В прошлой жизни я была здесь как посетитель музея, а теперь... теперь я просто иду по интерьерам императорского дворца в роскошном платье, словно настоящая княгиня, приглашенная на бал.

Жаль, что бал этот проклят.

– Капитан, – Дашков кивнул мне, – подойдите.

Когда я подчинилась, он извлек в прямом смысле из воздуха небольшую янтарную шкатулку.

– Это вам понадобится. Она откроется, когда часы пробьют семь. Удачи, команда огня.

Затем он ушел, оставив нас в недоумении.

– И что это значит? Нас вызовут? Ты сказала, он представит капитана, потом команду. Куда нам идти?

– Понятия не имею. – Кейт растерянно огляделась. – Обычно капитаны ждут, когда распорядитель назовет их имя со сцены, и

выходят прямо из зала. Никогда такого не видела...

– Не очень похоже на вечеринку, – пробормотала я. – А как же фуршет, танцы и секс в кустах?

– Огнева... – Воронцов несильно толкнул меня локтем.

– Серьезно! Я, может, только ради этого приехала...

– Огнева, заткнись! – Он показал на что-то под потолком.

Кейт ахнула. На меня же небольшой хрустальный кристалл, висящий под потолком, не произвел должного впечатления.

– Это иллюзион! Он показывает все, что здесь происходит, в зал и на экраны по всему Петербургу!

– Ой...

– Испытание началось! Они просто начали Игры, никого не предупредив! Такого никогда не было...

«Никогда не было – это про весь ваш безумный мир», – подумала я, но промолчала.

В шкатулке, которую я держала, что-то щелкнуло. И в этот же миг часы где-то в недрах дворца пробили семь.

Глава шестая

– Открывай! – потребовала Кейт.

Внутри оказались ключи. Десятка три, не меньше. Массивные металлические, обычные, совсем крошечные. Золотые и серебряные, и даже парочка деревянных на вид. Никаких инструкций или подсказок не было. Просто ключи.

– И что с этим делать? – недоуменно спросил Воронцов. – От чего они?

– Заперто. – Сергей проверил дверь, в которую мы вошли.

– А эта открыла! – Вишне夫斯基 толкнул другую. – Полагаю, мы должны найти то, что этими ключами можно открыть.

Бегать по Екатерининскому дворцу вечером в бальном платье в поисках таинственной двери? Совру, если скажу, что эта идея не привела меня в восторг. На миг даже все эти Игры, соревнования в атмосфере колдовской Российской империи показались красивой сказкой, новогодним фильмом.

Если вдуматься, только Аспер делает Игры опасными и мрачными. Вряд ли Дашков-старший задумывал их как средство устрашения. Все вокруг говорит о том, что Игры Стихий – это праздник, студенческое соревнование магов, зрелищное, азартное, но безопасное. Не будь на Играх Аспера, я бы даже наслаждалась атмосферой.

Но приходилось каждую минуту ждать подвоха.

Из янтарной комнаты мы попали в большой зал, увешанный картинами. Ничего похожего на замок или дверь, которую можно было бы открыть ключом, не нашлось. Задрав голову, на потолке я увидела роскошное полотно с явно колдовским мотивом: Петербург накрывает шторм, среди туч которого виднеются драконы.

Вскоре комнаты слились в одну. С каждым новым залом я все больше и больше теряла уверенность в том, что мы движемся в правильном направлении.

Но вдруг, войдя в очередной бело-золотой зал, мы увидели ее: дверь, усыпанную замочными скважинами. Она вся состояла из них!

Больших и крошечных, обычных и причудливых. Сомнений не осталось: ключи следует проверять здесь.

– Только что случится, когда мы ее откроем? – задумчиво спросил Александр.

– Предлагаешь сделать вид, что мы ничего не поняли, и просто подождать, пока проиграем? – совершенно серьезно спросил Воронцов.

– Хватит! – рявкнула я. – Мы играем честно! Одно дело не лезть на рожон, другое – трусливо спрятаться под стол!

– Я называю это «разумно оценивать риски».

– А я, – оборвала нас Кейт, – позором на всю страну. Иллюзион!

Она ткнула в потолок, где висел записывающий камень. Даже Воронцов умолк, пойдя красными пятнами.

– Давайте просто откроем дверь, и все, – сказал Александр. – А там уже разберемся.

Пробовали ключи по очереди, чтобы точно понять, какой из них подходит. Кейт доставала из шкатулки, я проходила по всем замочным скважинам, парни следили, чтобы я ничего не пропустила. Скважин на двери оказалось ни много ни мало сотня! Ключей – столько же. Путем нехитрых вычислений было понятно, что мне предстоит воткнуть и провернуть ключ примерно десять тысяч раз! Примерно – потому что в некоторые скважины те или иные ключи просто не лезли, и мы сэкономили какое-то время. Но все же если учитывать, что каждая проверка занимала две секунды минимум, то...

– Ребят, это займет больше пяти часов, – первым подсчитал Александр. – Мы делаем что-то не то.

Я задумчиво посмотрела на дверь.

– Очевидно, что нужно найти ключ, который подойдет к двери, – произнесла Кейт. – И очевидно, что простым перебором мы не успеем.

– Так, может, это и неплохо? – без особой надежды спросил Воронцов.

– Захлопнись! – неожиданно посоветовал ему Сергей. – Капитан сказала, что мы должны играть всерьез, значит, мы играем. Лучше пораскинь мозгами.

– Это вы все пораскинете мозгами по стене, если не прекратите раздражать команду воды, – буркнул в ответ Воронцов. – Я один здесь

понимаю, во что мы лезем и последствия этого? Вы собираетесь соревноваться с Дашковым!

– Успокойся уже! – Кейт закатила глаза. – Мы не собираемся биться ни на жизнь, а насмерть, за титул победителей Игр. Но ты всерьез хочешь просто взять и демонстративно слить турнир? Не подумал, как это отразится на тебе в школе? А на твоей семье? Хочешь прослыть трусом и шестеркой Дашкова? Думаешь, поможет семейному делу?

Воронцов умолк, нехотя признав правоту Кейт. Если бы все было так просто – отказался соревноваться и выжил, – то Аспер давно бы уже боролся сам с собой.

– И не забывайте о том, что нас показывают на всех экранах империи, – добавил Вишневский. – Лучше думайте, как найти нужный ключ.

– Да, может, его тут вообще нет. С чего вы взяли, что нужно открыть эту дверь?

По-моему, Воронцов буркнул это из вредности, лишь бы последнее слово осталось за ним, но я задумчиво посмотрела на шкатулку.

– Если рассуждать логически, то у нас есть сто замков и сто ключей. Организаторы явно умеют считать и понимали, что на перебор у нас уйдет куча времени. Ни одна скважина не выделяется настолько, чтобы можно было сделать однозначный вывод. Мы не видели ни одной похожей на других дверях. И ключи тоже не дают никаких подсказок.

– Ого, да у нас тут гений, – не унимался Воронцов, и Александр, не выдержав, отвесил ему затрещину.

– Помолчи, а? А то открою дверь твоей башкой в качестве тарана. Что ж, зрителей мы наверняка знатно веселим.

– Возможно, он прав, – сказала я. – Нужного ключа здесь нет.

Я подошла к двери и толкнула. Увы, ожидаемого эффекта не последовало: дверь не открылась. Но все же, не желая расставаться с красивой теорией, я схватилась за круглую ручку и повернула.

Раздался щелчок. Громкий, многоголосый – как будто во всех скважинах сразу открылись замки. И дверь немного приоткрылась.

– Ого, – протянула Кейт, – вот это да.

Право вступить в неизвестность оставили мне, как капитану. Внутри было прохладно и тихо. Пахло как в каком-то костеле: ладаном и тлеющими фитилями. Мы очутились в небольшой пустой комнате. Над следующей дверью, прямо напротив той, через которую мы вошли, значилось: «Иногда подсказки, которые мы получаем, никуда не ведут».

Когда Кейт прочла надпись вслух для остальных членов команды, дверь напротив сама собой открылась.

На этот раз мы были смелее. Я подумала, что все происходящее напоминает антураж квест-комнат. Иногда друзья праздновали в таких дни рождения, и мне даже нравилось бродить то по средневековому замку, то по космическому кораблю, разгадывая загадки. Если бы сейчас на кону не стояли наши жизни, я бы даже получила от происходящего удовольствие.

Это был круглый зал с куполообразным потолком, изображающим звездное небо. В центре зала – макет Солнечной системы с вращающимися планетами из полированного черного камня. Единственным источником освещения служил одинокий столб лунного света, падающий из отверстия в куполе на центральный постамент. Стены были покрыты фресками, изображающими созвездия. Напротив постамента, как и в прошлой комнате, располагались три двери.

– Простите, но это нереально красиво, – прошептала Кейт.

А меня все это время мучил один вопрос.

Для чего?! Для чего Дмитрий изменил наш мир?

В нем не чувствовалось зла. По крайней мере, такого извращенного и холодного, как у его брата. Он создал Игры. Сначала они казались мне жуткой жестокой традицией, а сейчас виделись красивым и зрелищным соревнованием. Он превратил Петербург в столицу магии, наполнив и без того прекрасный город волшебством. И во многих местах, преобразившихся по воле Дмитрия Дашкова, чувствовалась любовь к этому городу.

Он не был злодеем, вдруг решившим поиздеваться над целым миром.

Тогда зачем?! «Иногда подсказки, которые мы получаем, ни к чему не ведут».

Мне иррационально хотелось думать, что через такие послания Дашков пытается что-то мне сказать, объяснить. Нечто, понятное лишь нам: незнакомцам, поболтавшим во время долгого полета.

Мысль об этом не давала покоя, но сейчас было не до того. Аронов советовал победить – и если у других команд такие же загадки, то у нас есть все шансы. Магия здесь не поможет, нужны мозги. А с мозгами, хотелось верить, у нас все не так уж плохо.

Кейт оказалась права: зал и вправду был нереально красив. Звезды на куполе мерцали, а черные планеты, вращаясь на тонких серебряных дугах, отбрасывали на стены таинственные тени. Тишина стояла такая, что слышалось жужжание крошечных механизмов, заставлявших эту небесную модель двигаться.

– Посмотрим, что тут у нас. – Александр первым нарушил тишину, подойдя к постаменту.

В луче света лежал свернутый пергамент. Кейт осторожно развернула его, стараясь не порвать пожелтевшую бумагу.

– Я даю свет. Сияю ярче ночью. Показываю путь, но остаюсь на месте. Что я? – О, великолепно! Детские загадки! – Воронцов фыркнул и бросил на меня взгляд, полный немого укора, будто это я лично придумала эту головоломку, чтобы его взбесить. – Мы что, в детский сад попали? Может, еще в угол поставят тех, кто неправильно ответит?

– Тех, кто неправильно ответит, – раздался вдруг насмешливый холодный голос, – заставят придумывать загадки на следующие Игры. Вот эту явно придумал такой же идиот, как ты, Володя.

В первые мгновения я подумала, что это Аспер. Но нет – из двери, в которую мы недавно вошли, появился Светлов. Пиджак куда-то делся, верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, а рукава закатаны. На белоснежной ткани кое-где виднелась грязь.

– Так, случайно столкнулись с командой земли, – ответил он на немой вопрос Кейт.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я и даже устыдилась того, каким холодным получился голос.

Светлов не заслуживал такого отношения, но как же он бесил самым присутствием на этих Играх! Как будто я была несмышленным ребенком, неспособным о себе позаботиться.

– Пришел помочь вам выбраться из задницы, – фыркнул Светлов, подходя к постаменту. – Что здесь у вас? Загадки везде разные, но

общий смысл один.

Моя команда встретила неожиданного помощника еще более настороженно, чем я.

– Помощь от мага воды? – фыркнул Александр. – Вот еще! Я скорее поверю в то, что император – это огородное чучело, чем в водника-альтруиста.

– Поосторожнее с упоминаниями государя, – неожиданно серьезно посоветовал Светлов. – Мне плевать, во что ты веришь. Я помогаю не тебе. Исследуйте зал, ищите все, что подходит под описание из загадки!

– Эй! – Я его оттолкнула. – Вообще-то капитан здесь я.

– Хорошо. – Михаил убрал руки в карманы. – Командуй, капитан.

Пришлось нехотя повторить:

– Надо исследовать зал и найти все, что подходит под описание из загадки.

– Свежо, – хмыкнул Светлов.

– В какой момент ты превратился в язву? – буркнула я.

– Я всегда таким был. Просто тебе всегда было плевать.

– Тебе не кажется, что укорять меня за то, что я не испытываю к тебе те же чувства, несколько неправильно?

– Я не укоряю тебя за то, что ты не испытываешь ко мне чувства. Я укоряю за то, что испытываешь их к Дашкову.

– К Асперу?! Да ты псих! Точнее, он псих, а ты ненормальный, если подумал, что я могу к нему чувствовать что-то, кроме отвращения!

– Тогда зачем ты пошла на Игры? Да брось, Ярина. Я прекрасно знаю, что в детстве вы с Аспером были лучшими друзьями. И знаю тебя. Ты обожаешь всех спасать. Спасти Аспера Дашкова, отогреть его ледяное сердце любовью – все это я уже слышал.

– От меня? – опешила я.

Нет, определенный синдром спасателя у меня, конечно, присутствовал. Иногда я подбирала бродячих котов и пристраивала выброшенных щенков. Но не помню, чтобы в реальном мире окружала заботой маньяков и социопатов.

– Ты прекрасно знаешь, от кого! – отрезал Светлов. – И где она сейчас?

Захотелось начать биться головой о постамент. Я дернула его за рукав и зашептала так, чтобы не слышали остальные.

– Я тебе миллион раз говорила, что я ничего об этом мире не знаю! Господи, Светлов! Тебе доступна магия, ты каждый день видишь в небе драконов, но никак не можешь поверить в то, что я просто жила в совершенно другом мире! И не знала ни тебя, ни Аспера, ни Игр, ни магии, ничего! И что в один момент Дмитрий Дашков просто бросил меня в эту реальность, в которой я как слепой котенок тыкаюсь, пытаюсь понять, что происходит! Хватит наказывать меня за то, что было с другой Яриной!

Светлов отмахнулся, но я заметила: в его глазах мелькнуло сомнение. Уж очень яростно, до боли сжимая его запястье, я говорила. Неужели то, что я из другого мира, так невероятно? Почему так сложно просто поверить?

– Так кто был влюблен в Аспера? И с чего ты взял, что я тоже?

– Натали Аронова, – нехотя признался Михаил. – Вы ведь дружили в детстве вдвоем. Потом вы обе влюбились в Аспера, и между вами пробежала кошка. Во всяком случае, так все решили.

– Я дружила с Натали? Но...

Алексей Аронов при встрече ни словом не обмолвился о том, что знает меня. А если мы с его дочерью были дружны, то должен был. А он будто и не знал, кто из студентов – безрассудная идиотка, подавшая заявку на Игры. Или знал? Впрочем, вполне возможно, что дружба наша кончилась в глубоком детстве и Аронов просто не интересовался судьбой какой-то там детской подружки дочери.

А ведь Натали и Аспер старше меня. Как я вообще попала в компанию Дашкова?

– Странно все это, – пробормотала я.

– Что именно?

– Не знаю. Вся эта история...

Я махнула рукой. Все равно Светлов мне не верит, какой толк обсуждать с ним безумные теории?

– Эй, капитаны! – возмутился Александр. – Вы там, надеюсь, разрабатываете дерзкий план победы? Потому что со стороны смотрится, как будто в носу ковыряетесь. Делом заняться не хотите?

– А у тебя, смотрю, авторитет капитана на уровне, Огонек, – фыркнул Светлов, но направился к макету системы.

Я с удивлением обнаружила, что на душе немного потеплело. Светлов снова назвал меня Огоньком. Поверил в историю? Или просто перестал злиться?

– Зачем ты нам помогаешь? Если Аспер узнает, он тебя убьет! Кстати, как ты объяснил свое отсутствие?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Можешь просто порадоваться помощи?

– Нет! – отрезала я. – Твой капитан очень доходчиво объяснил, как ему нравится играть с чужими судьбами. С него станется прислать тебя...

– Ты серьезно? – Светлов так на меня посмотрел, что я смутилась и устыдилась. – Думаешь, я вот так возьму и перейду на сторону Аспера?

– Я не знаю, что думать.

– Я вам помогаю, потому что Аспер нашел у Дашкова все загадки и заранее их проработал. Так что они уже на третьем этапе. Немного несправедливо, что остальные таких привилегий не имеют. А отсутствие свое я не объяснял. На третьем этапе мы разделились, так что я просто свалил и нашел дверь для вашей команды. Это было несложно, из янтарной комнаты только один путь.

– А иллюзион?! – спохватилась я. – Он же транслирует все, что происходит!

Обрывки разговора дошли и до Кейт. Она задрала голову и посмотрела на кристалл под потолком.

– Он замерз!

Светлов только развел руками, мол, извиняйте, пришлось.

– О! – Он вытащил из дуги шар, обозначающий Солнце – тот был сделан из чистого янтаря. – Снимается. А другие...

Он попробовал вытащить Землю, но она не поддалась.

– Как вообще мир, существование которого зависит от огромного огненного шара, может считать магию огня самой слабой? – пробормотала я себе под нос.

И тут же меня осенило!

– Я даю свет – это Солнце! Оно дает нам свет...

– Но не сияет ночью, – покачал головой Александр.

– Это Луна! – подхватила мою идею Кейт.

Луну, как и Солнце, оказалось легко снять.

– Показываю путь, но остаюсь на месте...

– Оба подходят? И Луна, и Солнце положения не меняют, – сказал Александр.

Воцарилась тишина.

– Я зарекся не участвовать в этом цирке самоубийц, но не могу сдержаться. Они вращаются, кретин! – Воронцов закатил глаза.

– Тогда не подходит, – заключил Сергей. – Есть что-то еще?

– Свечи! – воскликнула Кейт.

Возле дверей в небольших кованых подсвечниках действительно едва заметно горели крохотные свечки, они же и давали запах тлеющих фитилей.

– Дают свет, сияют ярче ночью – днем не видно, как горят. Показывают путь, но остаются на месте! Подходит!

Она подскочила к ближайшей свече, но та оказалась намертво приклеена к подсвечнику. Зато третья по счету легко поддалась.

– В ней что-то есть.

Кейт запустила острые ногти прямо в воск и достала небольшой ключик. Судя по всему, ключ был от одной из дверей.

– Кажется, мы и без тебя неплохо справляемся, – с довольным видом заявил Александр.

По отработанной схеме Кейт попробовала открыть ключом каждую из трех дверей и... ничего.

– Кажется, не справляетесь, – сказал Михаил. – В этом зале три загадки. Двери откроются, только когда найдете все три ключа. Посмотри пергамент. «Чтобы увидеть истину, повернись спиной ко лжи» – слова в пергаменте изменились.

– Истина... ложь... пока идей никаких.

– Истина – это место, где лежит ключ, – пояснил Светлов. – Ложь – это место, где вы думали, что лежит ключ. Вы думали, свеча откроет дверь, но это не так. Повернитесь кто-нибудь спиной к месту, где ее нашли.

Посмотрев на стену напротив, я не увидела ничего интересного. Никаких изменений в двери, никаких символов на стене. И фрески с созвездиями на месте...

– Ой... – пробормотала я. – Созвездия изменились...

– Ключ на потолке? – недоверчиво нахмурилась Кейт. – И как мы должны туда залезть?

– Нет, – Светлов покачал головой, – вы не маги воздуха, летать не обучены.

– Маги воздуха умеют летать? – ахнула я.

Взгляды присутствующих обратились ко мне. Наверное, такой же эффект в нашем мире вызвало бы заявление: «А что такое интернет?»

Но почему я не могла в этом мире стать магом воздуха? Поднялась бы к облакам и... улетела обратно на Кубу. Или как тут эта страна называется.

– Тогда что? Истина, ложь... созвездия поменяли позицию. Стоп! Днем и ночью звезды на небе в разных положениях из-за вращения Земли. Они перемещаются по небу! Надо понять, сейчас они в положении «день» или «ночь»...

– Я бы ставила на день, – чуть подумав, сказала Кейт. – Первая загадка была о свече. Свеча ярче светит ночью, помнишь? Значит... если созвездия поменяли положение, то ночь сменилась днем.

– Тогда попробуем открыть Солнце, – решила я.

– Открыть? – Александр недоверчиво взял в руки янтарный шар и покрутил.

Сначала он ничего не заметил, но вскоре зачем-то поковырял поверхность ногтем. А потом взялся за шар с двух противоположных сторон и покрутил. Раздался щелчок – и янтарное солнце превратилось в шкатулку, внутри которой оказался ключ.

– Ура! – просияла Кейт.

Ей, похоже, как и мне, все больше и больше нравилось происходящее.

– Что там новое? – Она кивнула на пергамент, который я все еще держала.

– Чтобы найти ключ, дайте двери то, чего у вас нет, но что есть у каждого в одиночестве. – «Это что, нейросеть писала?» – мрачно подумала я.

Но Светлов фыркнул.

– Это легко. Тишина. Помолчите хотя бы минуту – и все поймете.

Все, насупившись, замолчали. В абсолютной тишине было слышно даже наше дыхание. Но к ним примешивался еще какой-то звук... Я подняла руку, призывая продлить молчание, и осторожно сделала несколько шагов.

Звук доносился из... постамента.

Обшарив его сверху донизу, я нашла крошечный рычажок, надавив на который, открыла нишу-тайник.

– Есть! – воскликнула я, продемонстрировав ключ.

Не хотелось признавать, но помощь Светлова оказалась весьма кстати. Без него мы бы провозились до полного поражения. А теперь вряд ли обыграем команду воды, но, возможно, придем к финишу не самые последние.

Три ключа. Три двери.

– Надо открыть каждую? – спросил Воронцов.

Светлов кивнул:

– В них загадки. Можно решать по очереди, можно разделиться. Аспер нас разбил – так я и улизнул.

Мы разделились, не сговариваясь. Я и Кейт направились к крайней левой двери, Александр и Сергей – к той, что посередине, а Воронцов, бросив на меня раздраженный взгляд, поплелся к правой.

Светлов остался снаружи. Мне бы насторожиться и хотя бы посмотреть – я бы поняла, что он что-то задумал, даже несмотря на то что знала его всего несколько недель. Но я расслабилась. В голове все еще звучало почти ласковое «Огонек», и тяготившая меня все это время ссора наконец угасла. Поэтому я без задней мысли вошла в комнату и огляделась.

– Библиотека, – сказала Кейт.

Ввысь, под самый потолок, действительно уходили книжные шкафы. Тысячи разноцветных томиков заполняли полки. Другой мебели в зале не было, только приставная лестница, настолько узкая, что едва ли на ней можно было стоять одной ногой. Все же умение летать явно было бы на этом турнире не лишним.

– В пергаменте что-то есть? – спросила Кейт.

– Да. – Я всмотрелась в строчки – в этой комнате было значительно темнее, и в причудливой вязи с трудом угадывался смысл. – «Мы говорим без слов. Поем без звуков. Ведем без линий».

– Очевидно, речь о книгах. Петь без звуков могут песенники или сборники нот. – Вишневская оглядела библиотеку. – Говорим без слов? Ведем без линий? Вести могут карты или атласы, но на них есть линии. А вот книги без слов... Может, альбомы с иллюстрациями?

– Направление мысли верное. Но здесь тысячи книг! Перебирать все не вариант, в этом мы уже убедились. Надо подумать...

Дверь за нашими спинами вдруг с оглушительным грохотом захлопнулась. Кейт метнулась к ней, но дверь оказалась заперта.

– Эй! Светлов! Выпусти нас!

Затем повернулась ко мне:

– Что он сделал?! Насколько вообще ты ему доверяешь?

Я открыла было рот, чтобы ответить «полностью», но не смогла. Что я, в сущности, знала о Михаиле? То, что он живет в коммуналке, в комнате по соседству, и что в меня влюблен. Но делало ли это его хорошим человеком? Влюбленный подонок может быть мил и ласков со своей возлюбленной и конченым уродом для остальных.

Михаил без труда попал в команду Аспера – а ведь у водников, в отличие от нас, Игры считались престижным турниром.

– Светлов! – Я забарабанила в дверь. – Почему она закрылась?

Некоторое время ничего не происходило, за дверью царила тишина. И, когда я уже отчаялась получить ответ и решила, что Михаил ушел, раздался его голос:

– Прости, Огонек. Я обещал тебя спасти, а не привести к победе. Ты слишком сильно хочешь победить.

– Светлов! Миша! Открой! Ау?! Ты с ума сошел! Ты... Я тебя убью при первой же возможности! Светлов! Спать будешь с одним открытым глазом! Я к тебе в комнату тараканов со всего дома пригоню, слышишь?!

Сзади раздался отчаянный стон Кейт. Я перестала орать на несчастную дверь и задумалась.

– Ладно... надо решить задачку. Возможно, откроется другая дверь.

Хотя в зоне видимости не было ничего похожего, но какой-то из шкафов вполне мог скрывать за собой потайной выход.

– Уверена, что Светлов запер и ребят, но, возможно, если и они решат загадки, то... Кейт?

Вишневская не просто разозлилась из-за подставы Светлова. И не просто расстроилась, что из рук ускользнул шанс на победу. Кейт осела на землю. Огромные глаза наполнились слезами, а губы дрожали.

– Эй... ну ты чего? – Я растерялась. – Что-нибудь придумаем. Может, ребята помогут. Кейт, не бойся, Светлов не причинит зла ни

нам, ни ребятам. Он просто считает мое участие в Играх дурью и спасает меня. В типично мужском стиле, правда.

Но Вишневецкая не успокаивалась. У нее тряслись руки, и я всерьез забеспокоилась. Первая красотка школы, самоуверенная колдунья, не боящаяся дерзить даже Аронову, – и вдруг расклеилась из-за примитивной пакости соперника? Нет, здесь что-то не то.

– Кейт, что происходит? Что с тобой?

– Александр... – сквозь зубы процедила она. – Саша далеко.

– Ладно... Но с ним все нормально, Светлов не стал бы ему вредить. И даже если мы проиграем, нас просто выпустят и освистают – не страшно.

Кейт покачала головой. Она и впрямь выглядела скверно. Лоб покрылся испариной, а губы побледнели.

– Мы прокляты. Мы не можем долго находиться вдали друг от друга. С самой первой минуты, когда Александр появился на свет. Он не дышал целых восемь минут, пока не родилась я. Это наше проклятье: всегда и везде вместе, рядом. Нас не могут разделять стены и двери, мы не можем существовать друг без друга дольше восьми минут.

Я похолодела. Часов при мне не было, но, по ощущениям, прошло минуты две с тех пор, как Михаил нас запер.

– Светлов! – Я сделала попытку постучать в дверь снова. – Открой дверь! Кейт нужно к брату, он болен! Открой, слышишь?! Можешь оставить меня здесь, но выпусти ее!

В ответ – ни единого звука.

– Ушел, – вздохнула я. – Тараканами не отделается... Ладно, Кейт, мы что-нибудь придумаем. У нас есть еще пять минут, это бесконечно много! Попытайся решить загадку, а я попробую открыть дверь! Вставай! Хватит рыдать, соберись!

Кейт настолько не ожидала, что я на нее прикрикну, что перестала дрожать и поднялась.

– Ты же пока хорошо себя чувствуешь? Вот и займись загадкой!

Я повернулась к двери. Думай, Ярина, думай! Как Светлов ее запер?

Ключом? Нет, я не слышала замка. И все три ключа от дверей остались у нас.

Дверь захлопнулась сама? Но внутри не было замочной скважины.

Может, все так и задумано? Мы заходим, двери закрываются – и идем дальше? А Светлов просто блефовал в надежде, что я поверю и перестану заниматься загадками.

Нет, тоже странно, он ведь рисковал, чтобы нас найти. И все же какой я дурой оказалась! Можно было догадаться, что если Светлов был невероятно зол из-за того, что я пошла на Игры, то его точно не будет заботить справедливость и наши шансы на победу.

Светлов запер нас, но как? Подпер дверь постаментом? Он был вмонтирован в пол, я заметила, когда осматривала его в поисках тайника. Думай, Ярина!

Магия? Магия! Почему я все время забываю, что в этом мире существует магия?

Светлов – маг воды. Значит, он использовал воду. Заморозил замок? Накачал дерево водой и дверь разбухла?

Я коснулась ее. Сухая.

Значит, лед. Я думала, только Аспер обладает способностью замораживать воду. Быть может, и Ярина из этой реальности, если она вообще существовала, не так уж хорошо знала своего соседа?

– Поняла! – воскликнула Кейт.

Я вытасила палочку и прицелилась, как учил Аронов.

– Говорим без слов – это все корешки с картинками! Поем без звуков – корешки с нотами, а ведем без линий – книги для слепых, на корешках тиснения! Если выдвинуть все такие книги...

Кейт лихорадочно носилась по залу, вытаскивая нужные томики.

Я закрыла глаза.

Никто не успел обучить меня магии. На занятиях преподы в основном рассказывали теорию, а если и выпадали редкие практические занятия, на них Аронов рассказывал, как держать палочку и не выткнуть глаз соседу, что имело мало отношения к магии.

И я действовала наобум, без какой-либо уверенности, что получится.

Но разве был выбор? Через несколько минут брат Кейт перестанет дышать.

Поэтому я постаралась как можно ярче представить заледеневшую замочную скважину, то, как магия огня охватывает лед

и заставляет таять. Возможно, в этом мире подобное было нарушением законов мироздания, но чувство вины заглушало все доводы разума.

Из-за меня Вишневские оказались здесь. Кейт пришлось занять место в команде, чтобы быть рядом с братом. И по моей же вине их разделил Михаил.

Ярость вскипела во мне неожиданно сильно. Янтарь в руке раскалился, с кончика палочки посыпались искры. Дверь вспыхнула и в считанные секунды, пока я хватала ртом воздух от неожиданного прилива энергии, выгорела до углей.

– Ни хрена себе... – Кейт остановилась рядом и открыла рот. – Как ты это сделала?

– Ну... как учил Аронов. Атакующая позиция. И немного злости. Точно будем обсуждать или найдем твоего брата?

Встрепенувшись, Кейт рванула к двери. Оставшиеся от нее угольки разрушили идеальный образ роковой красотки. Вишневская вырвалась в первый зал и кинулась к той двери, в которую вошел Александр.

– Она заперта! Ярина!

Я не была уверена, что смогу повторить фокус с огнем, но бросилась на помощь. Светлов действительно заморозил замки, причем все, чтобы и у парней не было шанса нас вытащить.

– Сожги ее! – взмолилась Кейт.

Но усилитель больше не грелся. И, как я ни старалась вернуть те же эмоции, ничего не получалось.

– Ну же! – Кейт пыталась согреть ладошками замочную скважину. – Откройся, ты!

– Отойди, Кейт, отойди. Я боюсь задеть тебя и не могу сосредоточиться!

Я вплотную подошла к двери и опустилась на колени так, чтобы замочная скважина оказалась перед глазами. Коснулась обжигающего льда ладонью. Внутри что-то шевельнулось, как будто магия заворочалась, коснувшись чужой силы.

«Я знаю, что ты не хотел мне навредить. Но там умирает человек. Пожалуйста, растай!»

Из-под руки закапала вода. Лед медленно, но поддавался.

– А ключ? Чем открыть? Он у них, но замочной скважины нет...

– Помнишь? Подсказки могут быть ложью. Тот ключ, что у нас, должен подойти.

Кейт метнулась в библиотеку за ключом. В моей руке металл почти раскалился и с легкостью вошел в замок. Когда я дернула дверь, Кейт тут же рванула внутрь.

Нас встретил растерянный Сергей, а за его широкой спиной на полу мы увидели Александра. Сестра тут же кинулась к нему, опустилась на колени и всхлипнула:

– Дыши! Дыши, придурок! Дыши, я сказала!

Я с тревогой всматривалась в лицо Вишневого, пока с облегчением не заметила, как дрогнули его ресницы. В присутствии Кейт он ожил.

Накатило такое облегчение, что ноги подкосились и я опустилась на пол. Сил почти не осталось. Янтарная палочка казалась ледяной.

– Кейти... – Александр сфокусировал на сестре взгляд и слабо улыбнулся. Его грудь тяжело вздымалась, он словно не мог надышаться. – Ты чего такая грязная?

– Идиот! – проревела Кейт. – Не смей больше отходить от меня ни на шаг!

– Да, мамочка. Буду твоим хвостиком.

В присутствии Кейт он быстро восстанавливался и через несколько минут уже смог (не без помощи Сергея) выйти. Окинув взглядом угольки, оставшиеся от нашей двери, он присвистнул.

– Как это вы так?

– Это Ярина, – ответила Кейт. – Она вытащила нас и открыла вашу дверь.

– Как первокурсница школы Огня смогла сжечь толстенную деревянную дверь? Даже старшие курсы на это не способны...

– Просто вспомнила, чему нас учил Аронов, – ответила я.

Но это была ложь.

«В выдуманном мире магия может работать как угодно», – вот что подумала я перед тем, как дверь превратилась в уголи.

* * *

Зал, в который попали Александр с Сергеем, был кабинетом. Или чем-то напоминающим кабинет. Посередине стоял большой письменный стол, вокруг были разбросаны письма, перья и другие принадлежности. А стены практически полностью состояли из имитации окон – сквозь стекло ничего не было видно.

– Мы ничего не трогали, – сказал Сергей. – Этот бардак здесь был.

На этот раз пергамент не дал нам подсказки. Но на столе Кейт нашла три пустых ниши.

– Мысль, земля, песня, – прочитала Кейт надписи под нишами. – Полагаю, в этом бардаке надо найти нужные предметы и положить сюда. Мысль. Земля. Песня. Идеи?

– Идеи нет, есть вопрос, – начал Сергей, но Вишневский его перебил:

– Мыслью может быть что-то на этих листах. Песня... не знаю. А земля – это чернила в чернильнице. Их раньше делали из сажи, она похожа на землю.

– Тогда песня – это перо! – догадалась Кейт. – Птицы поют.

Перо и чернильницу мы нашли довольно быстро. А вот с мыслью пришлось попотеть: все пергаменты оказались пустыми. Мы искали и искали, но меня снова посетило то же ощущение, что и при виде двери с замками и бесконечных рядов книг – перебор не подойдет.

– Может, мысль надо написать самим? – предложила я. – Ведь написанное кем-то – это не мысль, а просто надпись.

– Давай. – Кейт протянула мне перо.

– Я?

– Ты же капитан. И идея твоя.

– А что писать?

Я положила в нишу «земля» чернильницу, обмакнула в нее перо и задумалась. Мысль?

Ту, что пришла мне в комнате-библиотеке, писать явно не стоило. Других мыслей, как назло, не было. Как всегда, когда надо было срочно выдать что-то умное, в голове заяц бил в тарелки. Медленно я окунула перо в чернила и неуклюже вывела на шероховатом пергаменте.

«Из маленькой искры рождается пламя», – написала я.

Перо опустила в нишу «песня», а пергамент – в «мысль».

Мы дружно затаили дыхание в ожидании... чего? Двери? Потайного хода? Торжественной музыки?

Но ничего не произошло. В комнате ничего не изменилось, а единственным звуком так и осталось наше дыхание.

– И что дальше? – первой нарушила молчание Кейт. – Мы где-то ошиблись. Есть у кого идеи – где?

– Есть, – сказал Сергей. – Может, выпустим Воронцова?

Я ахнула и рванула обратно в звездный зал. За мной выскочили остальные. Мы совсем забыли про Владимира! Он ушел в третью комнату один, и во всеобщей панике мы о нем даже не подумали. Бедняга просидел под замком все время, что мы перебирали пергаменты.

– А может, там его и оставим? – с надеждой спросил Александр. – Я скучать не буду.

– А мы без него выберемся? – с сомнением спросила Кейт. – Разве нам не нужно разгадать загадки в третьем зале?

– Нужно, – вздохнула я. – Но вряд ли у меня хватит сил, чтобы открыть еще одну комнату.

С третьим замком справилась грубая мужская сила. Сергей и окончательно восстановившийся Александр не без труда, но все же сбили лед с замочной скважины. Кейт оставалось лишь задействовать капельку магии огня, благо она использовала ее более осмысленно, чем я, чтобы ключ смог войти в замок.

Дверь открылась. Открывшаяся картина была поистине удивительной.

Воронцов сидел за столом. Точно таким же, какой был в прошлом зале. Только вокруг не было листов пергамента и других беспорядочно валявшихся вещей. Зал был практически пуст. Лишь на столе перед Владимиром стояли небольшие ювелирные старомодные весы. Две крошечные золотистые чаши были пусты, но я заметила рядом с весами несколько небольших гирек.

– О, а я думал, вас там волки съели, – хмыкнул Воронцов, окинув нас мрачным взглядом.

Потом подумал и добавил:

– Точнее, надеялся.

– Я же говорил, – сказал Александр. – Видите? Он тоже не скучал.

– Почему вы такие грязные?

Этот вопрос мы проигнорировали. Надо было решить третью загадку, и я подошла к столу, чтобы поближе на нее взглянуть.

Никаких надписей с пояснениями не было. Только на гирих я различила едва заметные выгравированные слова «прошлое», «настоящее» и «будущее».

– У меня так и не получилось сделать так, чтобы чаши пришли в равновесие, – сказал Воронцов. – Хотя я не то чтобы старался. Просто было скучно.

– Есть у кого-нибудь идеи? – спросила я.

Ребята помотали головой. Даже Кейт, обычно готовая рваться в бой, выглядела растерянной. Очевидно, что нам предстояло решить вопрос: настоящее является частью прошлого или будущего? Но какой логики следовало придерживаться? Было совершенно неясно.

– Я бы сказал, – медленно начал Александр, – что настоящее все же часть прошлого, ведь каждая секунда в мгновение ока становится нашим прошлым.

– По такой логике, – ответила я, – можно приписать настоящее и к будущему, ведь эта же секунда совсем недавно была будущей. По моему, мы рассуждаем не в том ключе, в котором следует.

– В одном Ярина точно права, – сказала Кейт. – Настоящее – это всего лишь секунда. И в мгновение ока она становится прошлым. Но еще мгновение назад была в будущем... Если вы до сих пор не запутались – я лично запуталась – то, может быть, мы просто не будем ставить настоящее на весы?

– И это я тоже пробовал, – ответил Воронцов. – Не помогло, чаши в равновесие не приходят.

– Подождите, – попросила я. – Что-то здесь не то. Мы рассуждаем в правильном направлении, но... не понимаем логику, которой пользовался Дмитрий, составляя эти загадки.

– А ты как будто знаешь его логику, – скептически хмыкнул Александр.

– Не знаю, – согласилась я. – Но могу предположить... До сих пор все загадки строились на одном-единственном принципе: все не то, чем кажется. Дверь со множеством замков была не заперта. А книги оказались муляжами. Значит, и в этой загадке есть какая-то метафора.

– Вообще, по логике, – сказал Сергей, который до этого хранил молчание и практически не участвовал в общем обсуждении, – без

настоящего не может быть как будущего, так и прошлого. Поэтому эта гиря должна лежать на обеих чашах весов. Но гиря с «настоящим» всего одна. И, честно сказать, я не знаю, как развить эту мысль в какое-то определенное действие.

– Так это же очевидно! – вдруг воскликнула Кейт и подскочила к весам. На одну чашу она положила «прошлое» и «будущее», а на другую – «настоящее».

Чаши медленно пришли в движение и, спустя несколько секунд, застыли на одинаковых позициях. Воронцов хмыкнул:

– Да, этот вариант мне в голову не приходил, а если и приходил, то явно показался бредом.

– Получается, мы разгадали загадки всех трех комнат, и что дальше? – спросила я.

Но, прежде чем кто-либо успел ответить, раздался странный скрип из зала со звездами.

Вернувшись в зал, мы обнаружили, что постамента в нем больше нет, а на том месте, где он стоял, вместо одного луча света с потолка льются сразу три.

Потоки были гораздо ярче предыдущего, и каждый поток освещал ход, ведущий куда-то вниз.

– Правда, ложь и пустота, – прочитала Кейт надписи перед каждым входом и закатила глаза. – Seriously, мне это уже надоело. Они могли сделать загадки хоть немного разнообразнее? Я бы с удовольствием даже побегала от какой-нибудь страшной ожившей куклы, лишь бы не разбираться в этом бреду, возникшем в разуме Дмитрия Дашкова.

Последнюю фразу она сказала очень тихо, чтобы не услышал иллюзион под потолком.

– Итак, капитан. – Александр театральным жестом пригласил меня к проходам. – Что скажешь?

Я все еще чувствовала страшную усталость после всплеска магии, испепелившего дверь. И, если честно, мне было настолько все равно, чем закончится это испытание, что просто хотелось как можно скорее его закончить. Пусть даже и полным поражением.

– Помните, что было написано перед тем, как мы начали решать загадки? «Иногда подсказки, которые мы получаем, никуда не ведут». Очень похоже на отсылку к этим лестницам. Я предлагаю просто

выбрать наугад любой тоннель и спуститься в него, а там будь что будет.

– Согласна, – сказала Кейт. – Я до ужаса хочу принять горячую ванну и смыть с себя всю эту гадость.

– И я согласен, – кивнул Воронцов. – Вряд ли нас там кто-нибудь сожрет, а проигрыш меня вполне устроит.

– Я без нее никуда, – фыркнул Александр, обняв сестру за плечи.

– Как скажет капитан, – вздохнул Сергей, хотя по его виду нельзя было сказать, что он со мной согласен. Но решало большинство, и я направилась к тому тоннелю, который был ближе всего, – «Ложь».

Ложь... вот слово, характеризующее весь этот безумный мир, созданный Дмитрием Дашковым, лживый до каждой клеточки, до каждой крупицы магии, которая витает в воздухе.

Спускались мы достаточно долго. Было темно, и приходилось держаться за стены, чтобы не оступиться и не покатиться вниз по ступенькам. Парни ушли далеко вперед, чтобы разведать обстановку и, если что, поймать падающих нас. Мы с Кейт старались спускаться так быстро, как это было возможно на каблуках и в платьях, но все же безнадежно отстали.

– Можно нескромный вопрос? – спросила я.

– Для той, кто спас жизнь моему брату, больше не существует запретных тем, – вздохнула Кейт. – Спрашивай все, что хочешь. Хотя я догадываюсь, о чем ты хочешь узнать.

– И о чем же?

– О том, как мы с Александром живем. Как ходим в душ, в туалет и занимаемся сексом. Обычно люди задают эти вопросы, когда узнают о нашем проклятии, хотя таких людей существует не так уж и много. В школе только Алексей Аронов знает о том, что мы с Александром не можем удаляться друг от друга. Тогда, когда мы с тобой познакомились, в тот день, я как раз шла в медпункт, потому что этот идиот решил приударить за симпатичной медсестричкой и закрылся с ней в кабинете.

– Вам, наверное, тяжело всю жизнь вот так быть привязанными друг к другу? – осторожно спросила я.

– Мы привыкли. К тому же мы действительно любим друг друга, ближе брата у меня никого нет. Родители достаточно холодны с нами... Думаю, они так и не смирились с этим проклятием. Поэтому мы с

Сашкой есть друг у друга, и, наверное, я просто не знаю, как можно жить по-другому. Что касается ванной и прочих естественных потребностей, то достаточно просто находиться рядом и не плотно закрывать дверь. А вот с сексом... все гораздо интереснее, но, если ты позволишь, я оставлю это нашей с Сашей маленькой тайной. Потому что ответ на этот вопрос тебе, хорошая девочка Ярина, не понравится.

Удача, что было темно, потому что я покраснела. Идти по узкой лестнице в пышном бальном платье было достаточно неудобно, и мое внезапное молчание не показалось Кейт странным.

– Пришли! – раздался голос Александра. – Здесь дверь.

Парни дождались, пока мы спустимся, и предоставили мне как капитану право открыть дверь, ведущую в очередную комнату. Точнее, мы думали, что за дверью находится еще одна комната с загадками, и опешили, выйдя на залитое светом пространство огромного зала с золотой лепниной, зеркалами и маленькими коктейльными столиками, ломящимися от закусок и фужеров с напитками.

На нас смотрели сотни, а может, даже тысячи глаз. Но первым, кого я увидела, был Дмитрий Дашков, и на его лице застыло странное выражение. Будто бы удивление или растерянность.

Впрочем, в следующее мгновение он взял себя в руки и громко провозгласил:

– Приветствуем победителей первого этапа Игр Стихий – команду школы Огня под руководством капитана Ярины Огневой!

Витиевато выругался Воронцов.

Охнула Кейт.

Усмехнулся Александр.

Команда отреагировала на нашу победу сдержанно, и, пока я подбирала с пола упавшую челюсть, позади открылась еще одна дверь, явив команду воды во главе с Аспером.

– Приветствуем команду, занявшую второе место на первом испытании Игр Стихий! Команду школы Воды во главе с капитаном Аспером Дашковым! – произнес Дмитрий.

Я поймала взгляд Светлова и увидела в нем целый океан эмоций. Начиная от удивления и заканчивая яростью, которая едва не сбила меня с ног. Он смотрел со смесью страха и обреченности, как будто, пока толпа неистово нам аплодировала, Михаил со мной прощался.

Ни третье, ни четвертое места больше не имели смысла. Во взгляде Аспера был весь холод этого мира, он острыми колючками впился мне прямо в душу. Парень подошел, склонился, будто бы в жесте уважения к победившей команде, и тихо прошептал:

– Осторожно, Ярина. Иммунитет твоего парня может закончиться, если мне быстро надоест играть.

Глава седьмая

После того как этап прошла команда магов воздуха, магов земли объявили проигравшими и вывели из залов с загадками, не дожидаясь, когда они решат все головоломки. Капитан выбрал участника, который покинет команду, а затем мы были отпущены на свободу.

Никто не препятствовал остаться на празднике, общаться с гостями, которые этого общения, кстати, жаждали, насладиться фуршетом и шампанским. Но даже изысканные блюда и напитки не смогли заставить меня пробыть еще хоть минуту в этом обществе. Единственное, что заставило нас задержаться, – это короткий разговор с членами команды. Я попросила их не уходить и пообещала, что не отниму много времени.

– У меня будет небольшая просьба, – тихо сказала я. – Никто не должен узнать о том, что произошло сегодня на этапе.

– Думаешь, иллюзион не показал все самые сочные подробности зрителям? – скептически хмыкнула Кейт.

Я думала, что Дашков с его ненавистью к магам огня и с учетом нашей с ним истории не будет заинтересован в том, чтобы придать общественности подробности того, что сегодня случилось. Скорее всего, то, как я сожгла дверь, даже не показали зрителям. И я очень удивлюсь, если ошиблась.

– В любом случае, – сказала я, – есть нюансы и подробности, которые известны только нам с вами. Например, мотивация Михаила и все такое. Мне бы хотелось, чтобы в глазах общественности его поступок остался просто попыткой навредить команде соперников.

Кейт мрачно промолчала – она все еще злилась на Светлова за то, что ее брат чуть не погиб. Воронцов недоуменно перевел взгляд с меня на близнецов. Он явно не понимал, что происходит и о каких подробностях я говорю. Похоже, он даже не заметил, что Светлов запер его в той комнате.

Александр кивнул:

– Все останется между нами. Мы своих не сдаем. И спасибо, что не бросила меня умирать. Я правда польщен, так что можешь не дарить мне новогодний подарок.

На этом мы разошлись. За мной увязался Сергей, и некоторое время мы шли молча. Мне было очень любопытно: случайно наши дороги совпали или он меня провожает?

– Слушай! – сказала я. – Сегодня определенно день неловких вопросов, и я бы даже сказала – нетактичных. Но можно я кое-что спрошу? Это не дает мне покоя.

– Конечно. – Сергей пожал плечами. – Спрашивай.

– Кейт сказала, что когда тебя выбрали... – Я тут же поправила: – Когда я выбрала тебя в команду, Кейт сказала, что ты очень сильно расстроился.

Я хотела сказать «рыдал в туалете» – так выразилась Кейт, но язык не повернулся в адрес такого парня бросить подобное обвинение. Аронов не выглядел трусом и ни разу за все время испытания не дал заподозрить себя в подобном.

– Прошу, не обижайся на меня и не думай, будто я разношу сплетни. Сегодня ты проявил себя с самой лучшей стороны, и я по-настоящему рада, что ты в команде. Без тебя мы бы не справились. И ты совсем не похож на того, кто проявляет эмоции подобным образом. Скажи, то, о чем говорила Кейт, – это ведь просто слухи, да?

Аронов невесело рассмеялся:

– Ты хочешь спросить, рыдал ли я в туалете, после того как мою фамилию объявили в составе участников Игр? – спросил он.

Я в который раз за день густо покраснела.

– Нет. Я не рыдал, хотя и был расстроен. То, что слышала Кейт, – это моя племянница. Ей нельзя появляться в школе, она еще слишком маленькая. Поэтому она пряталась в туалете. Когда она узнала, что я буду участвовать в Играх, то испугалась за меня. И я ее успокаивал.

– А что твоя племянница делала в школе?

Сергей вздохнул. Мне показалось, он не хочет об этом говорить, но все же парень решил ответить:

– Наши родители давно погибли. И по закону я должен был отдать ее в приют, но не смог. Мне осталось доучиться всего год, а потом я смогу на законных основаниях воспитывать ее и обеспечивать. Поэтому мы решили ото всех скрыть. Обычно Адель сидит дома, но в этот день квартирная хозяйка должна была прийти с проверкой. И мне пришлось взять ее в школу.

– Прости, я не знала, – сказала я.

– Ничего. Я не люблю приbedняться, у меня не такая уж и плохая жизнь, а Адель – это настоящее чудо. Осталось продержаться всего год, и все у нас будет хорошо. Но, Ярина, я очень прошу – никому об этом не рассказывай.

– У всех нас есть свои секреты, и не волнуйся. Твой умрет вместе со мной.

– Хотелось бы, чтобы до такого не дошло. – Сергей рассмеялся.

И затем неожиданно предложил:

– Может, зайдешь к нам? Выпьем?

Я удивленно на него покосилась. Это он что, пытался сейчас пригласить меня на свидание? Или просто по-дружески предложил расслабиться после тяжелого дня?

– Я бы с удовольствием, правда, – улыбнулась я, – но не могу. Меня еще ждет тяжелый разговор с родителями. Они до сих пор не знают... Хотя, наверное, всем уже известно, что я участвую в Играх. И мне надо как-то это объяснить. Ох и взбучку мне задаст мама!

Сергей проводил меня до самого подъезда и ушел. Я несколько минут постояла на лестничной клетке, собираясь с силами, и затем поднялась. Не знаю, чего я больше боялась: встречи с родителями или со Светловым. Но Михаил, похоже, остался на празднике, потому что, когда мы подходили к дому, я нашла взглядом его окно, и оно было темным.

А вот родители не спали. Едва я захлопнула дверь, из комнаты вышел папа. По его виду я сразу поняла, что к маме лучше сейчас вообще не приближаться. Но путей к отступлению не было. Я вошла в комнату, придерживая подол изрядно потрепаншегося платья.

Мама сидела на постели, сложив руки на груди и поджав губы. Она смотрела так холодно, что я невольно поежилась. Пожалуй, в ее взгляде льда было не меньше, чем во взгляде Аспера Дашкова. Вот только на холодность Аспера мне было совершенно плевать, а вот расположение мамы... я пыталась заработать с самого детства. И сейчас чувствовала себя маленьким ребенком, который нарисовал красивый рисунок и пытается подарить его маме.

– Ты вообще собиралась нам сказать? – процедила мама.

И поднялась.

– Собиралась, – вздохнула я. – Все очень сложно, это получилось случайно...

– Первокурсники не участвуют в отборе на Игры, – отрезала мама. – Значит, ты записалась туда сама. Скажи, пожалуйста, чем ты думала?

– Мам, пап! Я должна объяснить, но это так сложно. Я прошу, пожалуйста, выслушайте меня и поверьте. В это сложно поверить, но...

Мама снова меня прервала:

– Мы с отцом пашем как проклятые, чтобы у тебя была достойная жизнь. И что взамен? Ты размениваешь ее! Участвуешь в идиотских соревнованиях, которые могут закончиться смертью. Встречаешься с Аспером Дашковым и ходишь с ним на балы!

– Я не встречаюсь с Аспером, я уже говорила...

– Ты хоть раз можешь послушать нас с отцом и не делать глупостей, Ярина?

– Я не знала, что Игры настолько опасны, мам. И не знала, что собой представляет Аспер Дашков. Пожалуйста, поверь мне.

Мама истерически рассмеялась:

– Какая же ты врушка, Ярина Огнева. Знаешь что? Я смертельно устала. Я встаю до рассвета, иду заправлять чужие постели, мою чужие унитазы, чтобы у тебя было достойное детство и чтобы ты могла учиться. А вместо этого ты ведешь себя как маленькая избалованная дурочка, которая за копеечку от сильных мира сего готова пожертвовать и достоинством, и жизнью!

– Петра, – вздохнул папа. – Ярина, дочка. Пожалуйста, не говорите друг другу того, о чем пожалеете.

– Знаешь, – мама окинула меня презрительным взглядом, – раз мы с отцом в твоей жизни недостаточно ценные фигуры для того, чтобы сообщать нам о таких вещах, как твое участие в Играх Стихий, то, думаю, пора тебе ступить в следующий жизненный этап. А именно – съехать из родительского гнезда и начать самостоятельную жизнь.

Судя по виду отца, это и для него стало сюрпризом.

Я нахмурилась и окинула взглядом крохотную комнатку, в которой мы жили втроем.

– И куда я пойду?

– А мне плевать, – отрезала мама. – Ты считаешь себя достаточно взрослой, чтобы участвовать в Играх, значит, справишься и с поиском

жилья. Можешь обратиться к своему парню – уверена, он что-нибудь придумает.

– Аспер – не мой парень.

– Петра, давай не будем принимать поспешных решений. Ярина сделала глупость – это никто не оспаривает, и она заслуживает наказания. Но выгонять ее из дома... немного перебор. Ты не находишь?

– Перебор? – отрезала мама. – Подвергать сомнению мои решения в отношении дочери – вот что такое перебор. Ты забыл, о чем мы с тобой разговаривали? Ты забыл, о чем мы договорились, Амир?

– В нашем уговоре не было того, что ты выставишь ее ночью, одну, из дома.

– Она уже не ребенок. Она студентка школы Огня. Вот и пусть учится жить в этом мире самостоятельно.

– Я ведь никогда для тебя не буду хорошей, да? – устало спросила я.

Накатило такое безразличие ко всему, что хотелось хоть куда-то сесть и закрыть глаза. Я смертельно устала. И сейчас у меня точно не было ресурса на большой скандал с матерью. К тому же к ее холодности я давно привыкла и давно уже перестала пытаться ей понравиться и сделать что-то, что ее порадует.

– Даже если я буду поступать правильно, даже если я буду делать все, что ты, мама, говоришь, я все равно останусь для тебя плохой. Потому что буду не так жить, не так выглядеть, не с тем встречаться и не с тем общаться, и не той магией обладать. С того самого момента, как я прошла инициацию, ты смотришь на меня так, словно я прокаженная. С отвращением и странной жалостью. У тебя во взгляде так и читается: «Кто же тебя, убогую, полюбит? Кому же ты с такой магией будешь нужна?» И, возможно, это немного демотивирует, мам. Возможно, мне хотелось, чтобы ты сказала: «Дочка, у тебя все получится. Да, магия огня – слабая магия и презираемая всеми, она никому особо не нужна, но если ты будешь достаточно талантлива, если ты будешь достаточно трудолюбива, ты найдешь себе дело, которое станет для тебя отдушиной». Наверное, это неправда, наверное, магия огня действительно приговор. Но было бы круто, если бы ты это сказала. И в моем понимании мать, которая любит своего ребенка, примерно это бы и сделала.

– Манипулировать мной бесполезно, Ярина.

– У меня был очень длинный день. Я безумно устала. И спасибо за поздравления, мам. Моя команда – действительно классные маги, которые заслуженно выиграли этап. А теперь я пойду. Папа, спокойной ночи. Мама, всего доброго.

– Яриш... – донесся мне в спину голос отца. Но последовать за мной папа не решился. И от этого было еще больнее.

Я вышла в коридор и окинула взглядом отражение в старом мутном зеркале, что висело здесь столько, сколько я себя помню. Из зеркала на меня смотрела изрядно потрепанная девица. Из прически выбились пряди, превратив ее в некое подобие сеновала. На щеке и лбу красовались следы от сажи, а под ногтями были противные черные полоски. Я как будто весь день занималась тем, что копалась в земле. И бальное платье будто бы надела просто по ошибке, найдя его на какой-то элитной помойке.

Прежде чем уходить из дома во взрослую жизнь, надо было забрать свои вещи, чтобы не бродить по улицам магического Петербурга в платье давно умершей девушки. Но возвращаться в родительскую комнату не хотелось. И я направилась в ванную – умыться, привести себя в порядок и немного остыть. Щеки сильно горели, а глаза щипало от невыплаканных слез.

В ванной я дала себе волю эмоциям, буквально на несколько минут поддавшись рыданиям. Было обидно. Не потому что меня выгнали из дома и не потому что мама сказала много неприятных слов. А потому что мир изменился, стал совершенно другим, наполнился магией... Но любовь родителей я так и не заслужила.

Не то чтобы я строила какие-то иллюзии. Папа любил меня, любил по-настоящему, давал столько тепла, сколько мог. Но для него всегда только мама была единственной любимой женщиной. А я была лишь ее продолжением.

Мама никогда не питала ко мне теплых чувств. Она исполняла все родительские обязанности с присущей ей тщательностью и... идеальностью. Она обеспечивала меня, одевала, возила отдыхать и в глазах окружающих была идеальной матерью. Но, наверное, я по пальцам могу пересчитать разы, когда мама обнимала меня, утешала или просто за что-то хвалила.

Наверное, в глубине души я знала, что все кончится именно этим. Но почему-то не стала готовиться. Хотя могла бы взять деньги, полученные за участие в Играх, собрать вещи и быть готовой к поиску жилья и новой самостоятельной жизни. Безусловно, завтра я вернусь в комнату и все это сделаю. Но сейчас мне предстояло решить вопрос, где остаться хотя бы на одну ночь.

Когда я вышла из ванной, то увидела возле приоткрытой двери соседней с нашей комнаты мужской силуэт и безошибочно узнала в нем Светлова. Сначала внутри вспыхнула ярость – захотелось подскочить к гаду и отвесить ему мощную оплеуху за то, что он сегодня сделал. Но, к счастью, усталость была сильнее, и я просто прошла мимо. Точнее, попыталась. Михаил остановил меня, взяв за руку.

– Почему ты такая упрямая, Огонек? – спросил он.

– Из-за того, что ты сделал, – тихо сказала я, – чуть не погиб Александр. Он болен, и ему нужно быть рядом с сестрой – только она может ему помочь во время приступа.

Это была, конечно, ложь, но очень близкая к правде. Лицо Михаила изменилось – кажется, он действительно не знал об особенностях близнецов и не ожидал, что его действие приведет к таким результатам.

– Я просто хотел, чтобы ты была в безопасности. Я обещал защитить тебя. И я сделаю все, чтобы это обещание сдержать.

Я вырвалась из его захвата и отступила.

– Я взрослая, Светлов. Прекрати распоряжаться моей жизнью. Прекрати пытаться мной управлять. Прекрати пытаться заставить меня делать то, что я делать не хочу. Если я участвую в Играх, значит, я участвую честно, и я не нуждаюсь в том, чтобы кто-то мешал или помогал мне. Даже из благих целей. Это понятно?

Светлов молчал.

Я покачала головой и направилась к выходу, но он меня остановил. На этот раз вопросом:

– Куда ты пойдешь ночью?

Если бы я только знала... Наверное, приму приглашение Сергея и попрошусь к нему выпить, благо адрес его у меня где-то имелся – мы обменялись адресами, когда обсуждали тренировки.

Но я не успела ответить. Светлов шире распахнул дверь своей комнаты и сделал приглашающий жест.

Я нервно рассмеялась:

– Ты серьезно?

– А какие у тебя варианты? Ты правда хочешь попасться страже Петербурга на улице ночью и объяснять, что ты там делаешь в таком платье? И это в лучшем случае. Сегодня – день открытия Игр, на улицах полно пьяных... Зачем?

Об этом я не подумала. Открытие Игр действительно праздновали во всем городе. Люди приходили к городским экранам и с наслаждением наблюдали за соревнованиями магических команд. Можно представить, сколько народу все еще гуляет... и сколько из них захочет лично познакомиться с участницей одной из команд.

И это я еще не говорю про многочисленных подозрительных личностей, которые неизбежно встречаются после захода солнца. Выбора на самом деле не было, но мне почему-то не хотелось идти в комнату к Михаилу. Как будто бы этим жестом я давала ему... надежду.

И все же я прошла в его комнату, остановилась возле кровати, огляделась и поняла, что других спальных мест просто нет. Но, прежде чем я начала задавать вопросы, Светлов достал из шкафа запасную подушку, одеяло и бросил их на пол.

«Что ж, это лучше, чем ночевать на улице или на вокзале», – подумала я.

– Не обязательно отдавать мне кровать, – сказала я. – Мне прекрасно будет на полу.

На это Светлов не ответил, и стало ясно, что спорить с ним бесполезно.

Я вздохнула. Не хотелось быть неблагодарной.

– Спасибо, что приютил. Мама очень бурно отреагировала на известие о том, что я участвую в Играх.

– Да, – откликнулся он, – я слышал. Твоя мама любит драматизировать. Хотя в чем-то я с ней и согласен.

Продолжать разговор я не стала, иначе мы наверняка снова бы поссорились.

Несколько минут я сидела на кровати, размышляя, стоит ли снимать платье. Раздеваться перед Михаилом не хотелось, но еще

меньше мне хотелось спать в грязном, пыльном, тяжелом бальном платье. И я завела руки за спину, пытаюсь расшнуровать корсет.

Некоторое время тишину нарушало лишь мое пыхтение. А потом я почувствовала, как горячие пальцы прикоснулись к коже на спине, и вздрогнула. Быстрыми умелыми движениями Светлов расшнуровывал корсет. Он явно старался лишней раз не касаться моей кожи, но ткань настолько плотно прилегала к телу, что это было просто невозможно. Каждое такое прикосновение казалось обжигающим.

Никто и никогда не касался меня подобным образом. В реальном мире у меня не было хоть сколь-нибудь близких отношений. Я невольно задумалась: если Ярина в этом мире все же существовала, то что она испытывала к Михаилу? Действительно ли он был для нее только другом и она была к нему абсолютно равнодушна? Или, может быть, она просто не решалась признаться в собственных чувствах? Мне хотелось верить, что в кои-то веки у хорошего парня, который живет по соседству, был шанс.

– Почему вы проиграли? – спросила я. – Аспер ведь знал ответы на все загадки.

– Дашков их изменил, – улыбнулся Светлов. – Он хорошо знает своего брата.

– Аспер, должно быть, был в ярости, – фыркнула я.

– О да, – подтвердил Михаил. – Сегодня кому-то вечером достанется. Я уверен, что он это просто так не оставит.

– Если честно, я думала, что мы придем последними. Мы так долго копались...

– Было приятно выиграть? – спросил Михаил. – У магов воды... Школа Огня никогда не выигрывала ни одного испытания на Играх.

– Было неожиданно, – чуть подумав, ответила я. – Но вряд ли приятно. Аспер сводит на нет всю радость от победы.

Я почувствовала, как усталость берет свое и я проваливаюсь в сон. Глаза закрывались, веки налились свинцом, и сознание куда-то уплывало. Сквозь дремоту я слышала, как Светлов сказал тихо, но отчетливо: «Я никогда не позволю ему тебе навредить». Впрочем, возможно, это были лишь игры моего разума и я услышала то, что хотела в данный момент услышать.

Я кружусь перед зеркалом в большом красивом зале. Свет проникает через высокие окна, отражается от золотой лепнины и солнечными зайчиками пробегает по полу. Я совсем одна, мои шаги гулким эхом проносятся по большому залу. Мне нравится здесь бывать. Нравится эта атмосфера роскоши и какой-то неуловимой магии. Но все же я с грустью думаю о том, что мне лишь позволяют заглядывать в эту жизнь. И моей она не является.

С грохотом распахивается дверь. Я с сожалением перестаю кружиться.

В светловолосом мальчишке, размахивающем игрушечной саблей, я узнаю Аспера. И вот мы вместе с ним несемся куда-то по коридорам дворца, выбегаем в сад и, залиvisto хохоча, падаем на влажную после дождя траву.

– Смотри! – говорит Аспер, поднимая руки. – Чему меня научил брат.

Из его ладони вырывается сноп серебристых снежинок. Они кружатся в воздухе и медленно тают на летнем зное. Я замороженно за ними наблюдаю и украдкой вздыхаю. Может быть, когда я стану взрослой, через много-много лет, после инициации, во мне и проснется какая-то магия. Но пока что я совсем бездарна, а вот у Аспера уже виден потенциал.

– А ты кем хочешь стать, когда вырастешь? – спрашивает Аспер.

– Не знаю. – Я пожимаю плечами. – Не думала об этом. А ты?

– А я не вырасту, – вдруг неожиданно серьезно говорит он.

Я поворачиваюсь и смотрю на него:

– Не говори глупостей. Что значит «не вырасту»?

Но ответить он не успевает. Мы слышим шаги, поднимаемся и поворачиваемся ко входу в сад. И я чувствую, как меня накрывает радостью.

– Папа! – кричу я.

И вместе со мной то же самое кричит кто-то еще.

Глава восьмая

Когда я проснулась, Светлова в комнате не было. Зато на столе я нашла чашку с дымящимся чаем и еще теплую булочку. После вчерашнего все тело ломило, хотелось просто валяться в постели и ничего не делать. Но у меня и постели-то собственной больше не было. Пришлось подняться, наспех позавтракать и отправиться за вещами.

Втайне я надеялась, что мама уже отошла и забирать свои вещи не понадобится. Я ведь не могла жить у Светлова постоянно. А где искать собственное жилье и хватит ли вообще мне на него денег, я не имела никакого понятия.

Но когда я постучалась в комнату родителей, раздался голос отца, и мне он показался тревожным. Я обнаружила папу сидящим у постели, а мама лежала непривычно бледная и осторожно пила чай.

– Что случилось? – спросила я. – Ты заболела?

Несмотря на состояние, которое, очевидно, было не таким уж легким, мама бросила на меня холодный взгляд.

– Петра... – Папа пытался воззвать к ее благоразумию. – Прекрати.

Он повернулся ко мне:

– Мама сегодня неважно себя чувствует.

– Что-то серьезное?

– Не думаю, просто отравилась. Или подхватила вирус.

– Или нервы уже не выдерживают, – с явным намеком сказала мама.

Я предпочла намек проигнорировать. Подошла к шкафу и начала вытаскивать вещи. Очевидно, что никто не собирался разрешать мне остаться. И если от мамы чего-то подобного я ожидала, то невмешательство папы оказалось очень обидным. Было неприятно думать, что маму он боится и любит сильнее, чем беспокоится за меня.

Мама попыталась подняться, но голова закружилась, и она, охнув, опустилась обратно на постель.

– Петра, не вздумай идти на работу, – сказал папа. – Тебе нужно лежать.

– А нам нужно что-то есть, – отрезала мама. – У тебя нет заказов уже две недели, на что мы, по-твоему, будем жить и чем платить за комнату?

На этот счет у меня были кое-какие мысли, и я вполне могла поделиться с родителями деньгами, которые получила за капитанство на Играх. Впрочем, папа вряд ли возьмет мои деньги, а вот мама вполне могла бы.

Но я не успела им этого предложить. Папа поднялся и сказал:

– Ярина, тебе принесли письмо. Мы не стали его вскрывать, оно от Дмитрия Дашкова.

Судя по всему, только имя хозяина остановило маму от того, чтобы прочитать письмо, которое предназначалось мне. Но Дмитрия Дашкова она все же побаивалась. Вернее, побаивалась потерять работу у него. И все время, пока я вскрывала конверт, мама смотрела очень неодобрительно. Впрочем, в этом я ее понимала. И за подобное отношение к моим контактам с семейством Дашковых не винила – будь у меня дочь, я бы на километр запретила ей приближаться к этой семейке.

Но с чего вдруг Дмитрий Дашков прислал мне письмо? Вариантов было немного. Возможно, он нашел мою записку, а может быть, все же отсмотрел записи иллюзиона и понял, что что-то в моей магии пошло не так. Как бы то ни было, ничего хорошего мне это письмо не сулило. Однако, когда я сорвала сургучную печать и достала листок, то первое, что бросилось в глаза, – это подпись «Аспер». Предчувствие стало еще тревожнее. Поганец выдал свое письмо за письмо Дмитрия, и явно для того, чтобы никто посторонний не решился его вскрыть.

Стараясь сохранять невозмутимый вид, чтобы родители ничего не заподозрили, я вчиталась в неровные буквы – почерк у Аспера был ужасный. «Хорошая дочь всегда помогает маме».

Захотелось не то выругаться, не то взвыть. Намек был предельно понятен. Я глубоко вздохнула и улыбнулась, стараясь выглядеть так, словно ничего необычного не случилось.

– Это просто поздравление с прохождением первого этапа Игр, ничего особенного. Обычная открытка. Что касается твоей работы, то останься, пожалуйста, в постели. Помимо всего прочего, это может быть действительно вирус, и ты можешь заразить хозяев. Ты же не хочешь, чтобы все во дворце сразу слегли с какой-нибудь болячкой по

твоей вине? Так что оставайся в постели, я отработаю один день за тебя, ничего страшного не случится.

– Нет, – отрезала мама, – ты на километр не подойдешь к резиденции Дашковых.

– Петра, – папа покачал головой, – ты не в состоянии идти на работу, а Ярина действительно взрослая и умная девушка, она сможет поработать за тебя. А ты не потеряешь место. Это хороший выход.

– Это плохой выход, – отрезала мама.

– Что ж, – я пожалала плечами, – ты все равно не в том состоянии, чтобы со мной спорить. Вряд ли ты даже дойдешь до Зимнего. Так что у тебя есть два варианта. Первый – это продолжать упрямыться и делать вид, будто я несмышленный неразумный ребенок, который не понимает, что есть плохо, а что хорошо. В этом случае я все равно отправлюсь к Дашковым и постараюсь отработать смену за тебя, только наделаю столько ошибок, что будет круто, если тебя просто после этого уволят. Второй вариант – ты объяснишь мне, что и как нужно делать, и расскажешь, как сократить контакты с хозяевами, которые так тебя пугают, до минимума.

– Ярина права, – сказал папа. – Это хороший вариант, и ты слишком сильно драматизируешь. Дашковы, конечно, не самые приятные люди, но ничего страшного или злодейского в них нет. К тому же ты сама говорила, что прислуга крайне редко контактирует с хозяевами. И от того, что Ярина заправит пару десятков постелей в их дворце, ничего не случится.

Маме, конечно, эта идея не понравилась, но спорить она не стала, а вернее, просто не смогла. К тому моменту, когда я была готова выходить на смену, она была уже зеленоватого оттенка, и мне приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не выдавать ярость, которая бушевала внутри.

Если мне попадется на пути сейчас Аспер, то я понятия не имею, что с ним сделаю. И есть вероятность, что этого ледяного гада постигнет та же судьба, что и несчастную дверь в зале с загадками.

* * *

Погода выдалась чудесная, что для осеннего Петербурга было редкостью, и я решила прогуляться, благо времени оставалось достаточно. Как раз успею остыть и обдумать все, что случилось. Вчера я уснула, прежде чем успела проанализировать прошедшее испытание.

Я прогулялась по набережной, обогнула Петропавловскую крепость. Не отказала себе в удовольствии выпить чашечку кофе в одной из ранних кофеен, которые уже открылись и ждали посетителей. Наверное, траты на кофе были сейчас не самыми разумными, но мне было жизненно необходимо получить хоть какую-то приятность.

Затем, по мосту через Дворцовую набережную, дошла до Зимнего дворца. Надо будет узнать, как Дашковы получили резиденцию, которая вроде как считалась императорской, по крайней мере, в той Российской империи, которую я знала из уроков истории.

Полюбовавшись немного на фасад красивейшего дворца, я обогнула его и нашла вход для прислуги, о котором рассказала мама. В сумке у меня лежало от нее письмо, которое надлежало вручить управляющему. В письме было сказано, что Петра Огнева не может выйти на работу, но за нее смену отработает дочь, без всяких поблажек.

Управлял дворцом пожилой мужчина. На вид лет ему было под семьдесят, не меньше. Хотя, может быть, тяжелый труд и управление прислугой огромного дворца сделали свое дело. Должно быть, работа была довольно нервной. При виде меня он недовольно нахмурился, несколько раз перечитал мамину записку и вздохнул:

– Вот еще этого мне не хватало!

– Мама все мне рассказала и всему научила, поверьте, я не доставлю вам проблем.

– Иди за мной, – никак не отреагировав на мое заверение, сказал управляющий. – Нужно найти для тебя форму.

Мне выдали форменное платье длиной чуть ниже колен, с белым фартуком. Заставили собрать волосы в тугий пучок и отправили, как и сказал папа, застилать кровати на втором этаже. У каждой горничной во дворце был четкий круг обязанностей. Еще не так-то просто дослужиться до права подавать хозяину чай или драить его личную ванну. В основном такие, как мама, просто поддерживали во дворце порядок, чтобы он не превращался в запустелый старый дом.

Интерьеры, конечно, поражали воображение. Я не была фанаткой подобных стилей, мне больше нравился современный, я имею в виду... современный для реального мира минимализм. Но следовало признать, что дворец был огромный, богатый и, пожалуй, по-своему красивый.

А еще меня поразило вот что: в спальнях, где я меняла постельное белье, никто не жил. Не было личных вещей хозяев, не было ничего, что выдавало бы хоть чье-то присутствие. И постели менялись просто для того, чтобы не было запаха затхлости. Ну и на случай, если кто-то нагрывает.

Работа оказалась сложнее, чем я себе представляла. Это вам не суперлегкие анатомические матрасы и пододеяльники на молнии. Заправив первую постель, я поняла, что к вечеру, наверное, умру. Настолько тяжелыми и неудобными были одеяла, подушки, покрывала и все остальное.

К тому же с самой первой минуты работы я ждала появления Аспера. В том, что он явится посмотреть на результаты своего труда, сомневаться не приходилось, не просто же так он потребовал, чтобы я заменила сегодня маму. Бывший друг не разочаровал. Примерно через час, когда я уже не чувствовала рук и ног, в комнату, где я работала, заглянула горничная.

– Ты Огнева, заменяешь мать? – спросила она.

Я хмуро кивнула, на вежливые беседы уже не осталось сил.

– Тебя требует хозяин.

– Передай ему, – холодно откликнулась я, – что, если ему очень хочется, он может явиться сам.

– Ты о себе что возомнила?! – возмущенно спросила горничная.

Я вздохнула. Очень хотелось щелкнуть Аспера по носу и дать понять, что я не собираюсь плясать под его дудку, по крайней мере так, как хочется ему. Но ведь он накажет эту девушку, которая, в сущности, в произошедшем не виновата. Злость из-за моего отказа он выместит на ней. И мне не хотелось быть причиной еще чьей-то ненависти.

Поэтому я отложила работу и направилась следом за горничной. Мы долго шли по коридорам, и дворец казался абсолютно неживым. Неужели Дашковы живут здесь вдвоем, не считая прислуги? Зачем такая огромная махина? Хотя, если бы я жила в одном доме с Аспером,

я бы тоже выбрала площадь, на которой есть шанс с ним никогда не встречаться.

Наконец мы остановились перед одной из тысяч дверей. Девушка постучала, получила короткое «войдите» и открыла передо мной дверь. Сама она явно не собиралась попадаться хозяину на глаза, и как только я ступила в кабинет, закрыла за мной дверь.

К моему удивлению, в кабинете ждал не Аспер. За массивным столом из темного дерева сидел Дмитрий Дашков.

От неожиданности я застыла на месте, не зная, что сказать, даже поздороваться забыла. Дмитрий бросил на меня быстрый взгляд и кивнул на стул перед собой.

– Садись, – сказал он.

Ослушаться мысли в голову не пришло.

– Управляющий сказал, сегодня ты работаешь за мать. А что скажут в школе насчет твоего пропуска?

Я пожалала плечами. Что мне могут сказать в школе после того, как мы привели команду школы Огня к победе на Играх?

– Мама болеет. Она очень боялась лишиться работы, и я вызвалась ее заменить. Думаю, в школе поймут, – вслух сказала я.

– Передай матери, что болеть в нашей стране пока еще не запретили. И я не увольняю прислугу за то, что она не смогла выйти на работу по болезни.

– Я передам. Спасибо, – откликнулась я.

Не рассказывать же Дашкову, что Аспер просто не оставил мне выбора.

– Вчера команда школы Огня впервые победила на этапе Игр.

Мы с Дашковым как будто играли в какую-то странную игру. Я прекрасно помнила мир, в котором жила до того, как он все изменил. Помнила и нашу первую встречу в самолете, которая прошла намного менее формально, чем этот странный, напряженный и бессмысленный разговор. Мне ужасно хотелось перестать изображать незнание и припереть его к стенке, спросить, что он сделал с моим миром и зачем и как вернуть привычную реальность. Но я почему-то молчала.

– Я смотрел записи с иллюзиона, – произнес Дмитрий, оторвался от своих бумаг и пристально посмотрел на меня. – И заметил там кое-что интересное.

В горле пересохло, я с шумом сглотнула и сделала самый что ни на есть непонимающий вид.

– Простите, мы что-то нарушили? Мы действовали по правилам и разгадывали загадки, как умеем. Если вы о Михаиле...

– Речи о нарушениях правил, – ответил Дашков, – не идет. Как и о Светлове. Участникам не запрещено использовать магию, ровно как и мешать командам соперника. Но мне, как и другим распорядителям, очень интересно, как первокурсница школы Огня сумела воспользоваться магией настолько сильной, что от массивной двери не осталось даже угольков – она рассыпалась в пепел. Можете как-то это пояснить?

– Боюсь, что нет, простите. Я мало что знаю о том, как работает магия. Алексей Аронов учил нас, но пока что у меня получается все очень плохо и очень редко. Я сильно испугалась: брат Кейт болен, и только она знала, как ему помочь, счет шел на минуты. Наверное, эмоции подстегнули магию, и при помощи усилителя я смогла ее как-то использовать, но не сдержала. Если честно, я ужасно испугалась сама. Ведь то, что произошло, могло привести к трагедии, – там не было ни одного мага, который мог бы погасить пожар.

– Значит, вы утверждаете, что понятия не имеете, как сожгли дверь? – уточнил Дмитрий.

По его виду было понятно, что он не верит ни единому моему слову. Но к этому моменту я уже твердо решила стоять на своем. Неизвестно, какие мотивы у Дашкова. Мое внутреннее ощущение, что он все же не злодей, может быть ошибочным.

– Боюсь, что нет, – ответила я. – Подобных эпизодов в моей жизни было всего два. Первый, естественно, с дверью, а второй – на лекции, когда мой усилитель начал неожиданно искрить.

– Что ж... – Дашков поднялся, подошел к секретеру, откинул крышку и извлек оттуда два бокала. – Я лишь хотел убедиться, что вы понимаете всю ответственность капитана команды на Играх и мага, коим вы, естественно, являетесь.

– Профессор Аронов уделяет очень много времени тому, чтобы нам это объяснить.

– Тогда поздравляю с победой, капитан Огнева! Выпейте со мной.

– Не уверена, что это разумное решение с учетом того, что я заменяю маму. Ваш управляющий довольно строгий. Если он учует,

что я выпила, мама может лишиться работы.

Но Дашков был непреклонен. Он поставил передо мной бокал и щедро плеснул красного вина.

– С управляющим я разберусь сам. А вы заслужили бокал хорошего вина. Вчера вы проявили себя как замечательный капитан, и ваша команда по праву может вами гордиться.

Что мне еще оставалось? Раз уж начала играть свою роль, то приходилось отыгрывать до конца. И, если следовать этой логике, я должна была быть чрезмерно довольна вчерашней победой. Поэтому я взяла бокал, отсалютовала им Дашкову и сделала несколько глотков. Никогда не понимала сухое вино. Но даже я поняла, что это вино было хорошим и дорогим – совсем не терпкое, не кислое, очень приятное и бархатистое, от него по телу разливалось приятное тепло. После я отставила бокал, давая понять, что больше пить не намерена. Это был жест вежливости – принять угощение от хозяина. Но если я выпью все, то из дворца меня придется уносить, и мама окончательно перестанет даже смотреть на меня.

– Можете быть свободны, – сказал Дашков.

И я не стала медлить, поднялась, поклонилась и вышла.

Зачем он вообще звал меня? Такое ощущение, как будто просто хотел посмотреть вблизи. Или, может, пытался понять, что из произошедшего я помню?

* * *

В реальном мире Зимний дворец был музеем, обойти который за один день было практически невозможно. Немудрено, что я просто-напросто заблудилась. Когда мы шли к Дашкову, я как-то не подумала о том, что придется возвращаться и стоит запомнить дорогу.

Побродив немного по дворцу, я поняла, что самостоятельно нужные комнаты не найду. Можно было, конечно, спросить у кого-нибудь, но вот беда: за все время мне не попала ни одна горничная, ни один слуга. Зимний дворец был такой же мертвый, как душа его обитателей.

За этими мыслями я не заметила, как ноги сами принесли меня к знакомой двери. Знакомой? Я никогда здесь раньше не бывала.

Сначала я подумала, что видела нечто похожее, когда была на экскурсии в Эрмитаже, а за всю жизнь это случилось, конечно же, не раз. И лишь спустя несколько минут я поняла, что видела это место не в реальном мире, не на экскурсии в музее, а во сне. Эта дверь вела в сад, в котором мы с Аспером играли.

Получается, сон не был игрой воображения? Получается, это были воспоминания. Воспоминания той Ярины, которая жила в магическом Петербурге. Или воспоминания, созданные Дмитрием Дашковым, чтобы я думала, что всегда здесь жила?

Как же это сложно!

Удержаться было практически невозможно. Я поколебалась всего несколько секунд, а потом толкнула двери и оказалась в саду. За годы он совсем не изменился. Был таким же, каким видела его во сне.

Асперу повезло. Он жил не в мрачной тесной коммуналке, где утром выстраивалась очередь в душ, он жил в прекрасном дворце, в саду которого можно было гулять часами. И при всем этом он вырос абсолютно бездушной сволочью.

За спиной я услышала шорох. Обернулась и увидела Аспера. Естественно, «как только подумаешь, сразу же всплывет», – очень подходящая ему поговорка. Парень стоял, облокотившись на ствол дерева, и наблюдал.

– Ностальгия замучила? – спросил он, заметив, что я его увидела.

Вместо ответа я подошла почти вплотную, размахнулась и врезала ему что было сил прямо в челюсть.

– Что ты сделал с моей матерью?! – спросила я. – Она не встает с постели! Ты что, совсем конченный?!

– Ничего я с ней не делал, – буркнул Аспер, но, к моему удивлению, не стал бить в ответ. – Просто реакция человеческого организма на магию. Это старый трюк. Ты что, забыла? Когда кто-то не хочет идти на учебу или работу, достаточно просто применить к нему легкую магию – и выбивает дня на два. Я напоминаю, что ты должна мне желание за второй иммунитет. Или ты уже передумала и я могу играть с твоими товарищами по команде столько, сколько мне вздумается?

– Кто-то вчера угрожал, что иммунитет может быть не вечным, – напомнила я. – И как тебе после этого верить?

– А разве у тебя есть выбор? – фыркнул Аспер, вытирая кровь с губы. – Не проблема. Можем отменить соглашение, играть по взрослому. Выбирай, Ярина.

Я промолчала. Аспер прав, деваться мне все равно некуда. Так хоть какой-то шанс, что он сдержит слово и не станет вредить моим товарищам по команде.

– Ладно, – наконец сказала я. – И что тебе нужно? Вряд ли чтобы я заправила все постели в этом дворце.

– Естественно, нет. Идем со мной. Я хочу, чтобы сегодня ты поработала горничной для меня и для моих друзей.

Он заметил мой взгляд и тоном, словно объяснял простейшие вещи ребенку, добавил:

– Не бойся. Я помню наш уговор и помню правила: никаких желаний, связанных с сексом. Просто подашь обед. И вообще поработаешь за свою мать.

В этом желании явно был какой-то подвох, как и в желании с платьем, но пока я не поняла, какой именно, и вряд ли пойму до тех пор, пока не увижу собственными глазами.

– Иммуниет получит Сергей Аронов, – сказала я.

Аспер снова посмотрел на меня несколько недоуменно.

– Ты каждый раз меня удивляешь. Почему он?

Мне не хотелось рассказывать Асперу о ситуации Сергея, и я вяло отшутилась:

– Просто он пригласил меня на свидание. Хочу, чтобы был шанс сходить.

– Принято, – хмыкнул Аспер. – Второй иммуниет получает Сергей Аронов. Идем?

Замысел Аспера стал понятен очень скоро. Мы шли совсем недолго и вскоре очутились в его апартаментах – так я назвала часть дворца, в которой он обитал.

Еще на подходе я услышала смех и внутренне напряглась. От Аспера можно было ожидать чего угодно. Я не строила иллюзий – если ему покажется интересной игра в нарушение всех правил, о которых мы говорили, ему ничто не помешает.

– Стой! – остановил он меня, прежде чем мы вошли в комнату.

Затем потянулся к форменному платью и расстегнул две верхние пуговицы. На одну секунду его кончики пальцев коснулись кожи на

груди. И я вздрогнула. Аспер был ледяным не только внутри, но и снаружи.

Я многозначительно на него посмотрела. Парень просто пожал плечами:

– А что? «Ничего связанного с сексом». Это и не связано с сексом. Просто мне так больше нравится. Я же ничего страшного не сделал?

Он прекрасно знал, что пугает меня, и наслаждался моментом. С одной стороны, мне хотелось принять как можно более невозмутимый вид, чтобы не дать Асперу ни минуты торжества. С другой – я понимала, что если он не получит нужные эмоции, то придумает что-то интереснее. Так, может, проще дать ему уверенность в том, что он побеждает? И обойтись малой кровью.

В небольшой, но светлой столовой сидела компания парней. Я сразу увидела Михаила и поняла, что это команда Аспера.

– Наконец-то нашел прислугу, – скучающим тоном произнес Аспер и сел в свое кресло. – Налей нам кофе.

Стараясь не встречаться со Светловым взглядом, я огляделась и на столике неподалеку нашла кофейник и чашки. Меня, конечно же, узнал не только Светлов. Остальные не смогли не заметить, что в форменное платье горничной одета капитан команды соперников, и не просто соперников, а обошедших их на первом же испытании.

Поэтому все время, что я разливала кофе по изящным фарфоровым чашкам, на меня не отрываясь смотрели пять пар глаз. Только Аспер делал вид, что ничего особенного не происходит, и молча ждал. Но внешнее спокойствие было обманчиво. Он наслаждался игрой, которую вел, и наслаждался эффектом, который производил.

Я разлила кофе, поставила чашки на поднос и подошла к столу. Перед каждым из гостей поставила чашку, положила крошечную серебряную ложку, а в центр стола поставила сахарницу.

– Он холодный, – произнес Аспер, даже не притронувшись к кофе. – Подогрей.

Я посмотрела на него с недоумением, потом вспомнила: я же маг огня. Уроки Аронова не прошли даром, усилитель был в кармане форменного платья, я не решилась оставить его даже на время работы.

Но Аспер всерьез хотел, чтобы я подогрела кофе при помощи магии? Впрочем, он сгоревшую дотла дверь, к счастью, не видел,

поэтому не догадывался о том, какие формы может принимать магия огня. На то, что все пройдет спокойно и мирно, я даже не надеялась – внутри кипели эмоции.

Тренироваться решила на кошках, поэтому подошла к Светлову. Достала усилитель и направила янтарную палочку на его чашку. Я понятия не имела, что делать и существуют ли какие-то заклинания, которые могут заставить воду согреться. Но сосредоточилась и велела кофе вскипеть. Вместо этого содержимое чашки выплеснулось фонтаном и оставило на рубашке Светлова безобразный коричневый след.

Я густо покраснела.

– Прости, пожалуйста, я не специально.

Склонив голову, Аспер внимательно посмотрел на пустую чашку, затем на меня и лениво махнул рукой.

– В комнате возьми чистую рубашку и дай ему переодеться. И впредь будь, пожалуйста, аккуратнее.

– Хорошо.

– Хорошо, хозяин! – поправил Аспер.

– Хорошо, хозяин, – послушно поправилась я.

Мне не доставляло никаких неудобств называть Аспера хозяином, если ему этого хотелось. Все же кое-чему жизнь в этом мире меня уже научила: какая разница, что он придумает для того, чтобы меня унижить, если в конечном итоге я добьюсь своего? Тем более что я совершенно искренне не считала унижением честную работу горничной и уважительное обращение к работодателю. Хотя предпочла бы... Кто там Дашковы, князя? Тогда «ваше сиятельство».

Вот так я оказалась в святой святых – спальне Аспера Дашкова. Ничего особенного в ней не было, ничего не говорило ни об увлечениях хозяина, ни о его тайных страстях. На самом деле я ожидала скорее увидеть что-то типа склепа, в котором Аспер пытается и мучает своих жертв. А увидела обычную комнату. Она даже не походила на комнату подростка – как и все спальни во дворце, спальня младшего Дашкова была роскошной и при этом абсолютно безликой.

Я сразу направилась к шкафу. А последовавший за мной Светлов остановился посередине комнаты и вопросительно на меня посмотрел. Сделав вид, что не замечаю его взгляда и вообще в этой ситуации нет ничего особенного, я начала выбирать рубашки. Впрочем, выбирать

было не из чего: все рубашки Аспера были практически одинаковые – светлые, одного размера, одного фасона, ничего интересного.

– Держи. – Я вытащила одну наугад и протянула Светлову. –
Примерь.

Он не двинулся с места и не пошевелился.

– Не хочешь мне ничего рассказать? Что происходит, Ярина?

– А что может происходить? Мама работает горничной во дворце Дашковых, я думала, ты знаешь. Сегодня ей нездоровится, и я ее подменяю. Ну, естественно, Аспер не смог удержаться и не воспользоваться этой прекрасной ситуацией. Но можешь не волноваться, он просто хочет насладиться властью.

– Я говорю не о твоём присутствии. Хотя форма тебе, надо сказать, идет. – Светлов фыркнул.

И мне очень захотелось его ударить.

– Тогда что не так? – не поняла я.

– Кофе, Ярина...

– А что не так с кофе? Ну, вышло, конечно, так себе, но я первокурсница, смею напомнить. Чего Аспер ожидал?

– Аспер ожидал, что ты зажжешь свечку и поставишь под кофейник.

– О... – И я замерла, держа рубашку в руках. – Ну а разве так, как я сделала, нельзя?

– Никогда ничего подобного не видел. Маги воды могут влиять в том числе на напитки, потому что они содержат в себе воду, но... подогревать напитки? Такого я еще не встречал. Даже способность замораживать является уникальной. А о подогреве никто и никогда не слышал.

Ну вот, опять облажалась, причем самым позорным образом. Недостаток знания об этом мире еще долго будет создавать мне проблемы.

– Это длинная история. Я пыталась тебе рассказать, но ты мне не поверил.

– Расскажешь вечером.

Светлов взял у меня из рук рубашку и начал расстегивать свою. Там, куда выплеснулся кофе, виднелся красный след. Прежде чем успела подумать, я протянула руку и коснулась теплой кожи. Такой контраст с прикосновением Аспера! Я даже вздрогнула.

– Прости, что обожгла.

– Я задам один вопрос.

Светлов не стал препятствовать и, накинув рубашку на плечи, позволил мне помочь ее застегнуть.

– То, как вы выбрались из той комнаты, как-то связано с тем, что ты практически взорвала мою чашку с кофе?

– Может быть. – Мои губы тронула улыбка. – Но расскажу только тогда, когда согласишься выслушать всю мою историю от начала до конца и пообещаешь, что поверишь.

Распахнулась дверь, и на пороге возник Аспер. Мы со Светловым отскочили друг от друга, но меня выдало выражение лица. Хотя мы ничего такого и не делали.

Аспер хмуро посмотрел на парня и сказал:

– Если ты решил трахнуть мою горничную, мог бы и предупредить.

– С каких это пор тебя интересует сексуальная жизнь горничных? – в тон ему ответил Светлов.

И на этом разговор был закончен.

Чтобы подогреть кофе традиционным способом, мне понадобилось сходить на кухню. Янтарная палочка отказалась повторять тот же трюк на свечке, которую ставили под кофейник с целью подогрева содержимого, и пришлось просить помощи у старших товарищей. А когда я вернулась, то застала Аспера в одиночестве. Парни ушли, а сам он смотрел в окно и будто бы не замечал, что я вернулась. Но, конечно же, прекрасно слышал.

– Где все?

Мне не хотелось играть роль горничной и делать вид, что мы с Аспером совсем не знакомы, что я на него работаю, что всего лишь прислуга.

– Расслабляются в термах. Если есть желание скрасить им досуг, можешь идти, я не возражаю.

Я только вздохнула. Аспер есть Аспер. Отвечать на это не было никакого смысла. Да и ощущение складывалось, будто он провоцировал скорее по привычке, и сейчас его занимало нечто иное, чем обычная, приносящая удовольствие игра.

– Почему ты такой? – спросила я, подойдя ближе. – Я мало что помню из нашего общего детства, но помню, что нам было весело и ты

был совсем другим. Казался теплее, человечнее. Что с тобой случилось, Аспер? Что произошло между нами? Почему мы перестали быть друзьями и...

Аспер не ответил. И вместо этого задал свой вопрос:

– Как ты это делаешь? Как ты сожгла дверь и заставила кофе вскипеть?

– Я не знаю, – честно ответила я. – Магия – штука сложная.

Третий раз за день я слышу этот вопрос. Второй раз вру.

– Ты можешь идти. Мне твои услуги больше не требуются.

Следовало подчиниться. Напавшая на Аспера меланхолия играла мне на руку. Может быть, она продлится до вечера? Я спокойно отработаю за маму смену, и на этом его желание будет выполнено.

Но я хотела задать еще один вопрос.

– Помнишь, как-то раз в детстве мы играли в саду? Я еще спросила: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» И ты сказал, что не вырастешь.

Аспер кивнул:

– А ты сказала, что это невозможно.

– Я тогда плохо знала мужчин. Но тогда в сад пришел мой отец. И я хотела узнать, что он здесь делал. Разве ему был разрешен вход во дворец? Вообще, почему мы с тобой дружили и играли здесь? Я смутно могу представить, чтобы мама брала меня на работу... Это как-то странно.

– Никогда в жизни не видел твоего отца.

– Но...

Аспер меня перебил:

– Ты просто была здесь, и я никогда не спрашивал, откуда ты взялась и кто ты такая. Ты была всегда. А потом... все закончилось.

– Что именно закончилось? Почему мы перестали дружить?

Аспер обернулся, и в его ледяных глазах я увидела то же самое, что и в своих.

Мы оба не помнили.

* * *

Надо признать, отработав целую смену в качестве горничной, я прониклась к маме уважением и стала на нее чуть меньше злиться. Наверное, если бы я всю жизнь так тяжело работала и каждый день видела роскошь, которая мне никогда не будет доступна, я бы тоже была не самым приятным человеком.

Я заправила, наверное, несколько десятков постелей, протерла тысячи полок и отдраила две огромные ванны. Дашковы больше меня к себе не вызывали, и остаток дня прошел достаточно спокойно. Я почувствовала, что легко отделалась – по счастливой случайности и благодаря неожиданному всплеску магии. Оставалось только надеяться, что Аспер удовлетворился моей кротостью и покорностью и предоставит иммунитет Сергею.

Я вернулась домой глубоко за полночь, едва переставляя ноги. Заглянула к родителям, чтобы узнать, как мама, и нашла ее спящей.

Папа виновато улыбнулся:

– Огонек, не злись на нее, хотя и имеешь полное право. Она... отойдет. Я хотел снять тебе другую комнату, но увидел, что ты ночевала у Михаила. Он хороший мальчик, и, если у вас что-то сложится, знай: я буду точно не против.

– Передай маме, что все в порядке и с ее работой все улажено. Дмитрий Дашков сказал, что она может смело болеть и с ее местом ничего не случится. Он обещал за этим проследить. Но если что, пусть скажет мне, и я найду способ напомнить ему об обещании.

Папа улыбнулся.

– Мы с мамой определенно не заметили, когда ты выросла. Отдыхай, Искорка.

Я вернулась в комнату Светлова. Он уже был дома и, как и вчера, валялся на полу, читая какую-то книгу. При виде меня он посмотрел поверх страниц и приподнял одну бровь, мол, все в порядке?

– Устала, – выдохнула я, без сил падая на кровать. – Ужасная работа. Я поняла, зачем нужно образование.

– Аспер больше не доставал?

– Нет. У принца резко испортилось настроение, и он изволил пребывать в одиночестве.

– Можешь объяснить, что между вами с Аспером происходит?

– Ты опять за старое. Я тебе уже говорила, между нами ничего нет. Кроме прошлой дружбы.

– У Аспера не существует понятий дружбы и памяти о прошлой дружбе. Что бы он ни делал, он делает это исходя из своих извращенных интересов.

Разговаривать об Аспере мне не хотелось. Я быстро приняла душ, смыла всю пыль и вернулась в комнату. На столе меня ждал горячий ужин: аппетитная запеченная картошка, кусочки курицы и небольшая миска с салатом.

– Напомни, пожалуйста, почему я отказалась выходить за тебя замуж?

– Сам не знаю, – весело ответил Светлов.

С ужином я справилась в один присест буквально за пару минут. Затем легла, укрылась мягким прохладным одеялом и с наслаждением потянулась. Я совсем забыла, что обещала Светлову откровенный разговор с рассказом обо всем, что со мной случилось. А когда вспомнила, уже засыпала. И надеялась, что на этот раз обойдется без чужих воспоминаний вместо снов.

Глава девятая

Школа встретила меня как героя. Похоже, никто не был прочь утереть нос магам воды, тем более чужими руками. Когда я вошла, раздались оглушительные аплодисменты. От такого внимания я растерялась и поспешила как можно скорее спрятаться в аудитории – там на меня глазели хотя бы только одноклассники.

Но не успела я дойти до класса, как меня кто-то окликнул:

– Огнева!

Я узнала голос Алексея Ивановича.

– Вы не пробовали... – преподаватель поравнялся со мной и открыл передо мной дверь, – такую штуку, как приходиться на занятия? С чего вы вдруг решили, что у вас есть право на свободное посещение лекций? Где вы были вчера?

Я вздохнула:

– Простите, профессор, но у мамы на работе возникли проблемы, и мне пришлось ее подменить.

– Знаете, что бывает с теми, кого отчислили из школы магии?

– Догадываюсь, что ничего хорошего. Но я действительно была в безвыходной ситуации.

– И была вынуждена провести целый день в доме Дашковых?

Ничего-то от него не скрыть.

– Что вы там забыли, Огнева? Почему я постоянно ловлю вас рядом...

– Главный вопрос: почему вас, профессор, это волнует? – Я посмотрела ему прямо в глаза. – При всем уважении, я знаю, что вы наверняка хороший маг. Я знаю, что у вас с Дашковыми очень личная и тяжелая история, и сочувствую тому, что вам пришлось пережить. Но прекратите, пожалуйста, контролировать мою личную жизнь. То, куда я хожу, с кем я общаюсь и что я делаю во внеучебное время. Для этого у меня есть отец.

– Да неужели? – Аронов поднял бровь и фыркнул. – По-моему, вы как раз таки в учебное время занимаетесь своей личной жизнью. И именно это-то время меня и беспокоит.

– Я уже сказала: я подменяла маму, а она работает горничной в доме Дашковых. Это никак не связано с Играми и никак не связано с моими взаимоотношениями с Аспером, которых, кстати, не существует, – мы просто бывшие друзья и соперники по Играм.

– Вы как-то слишком агрессивно общаетесь со своим наставником, – ответил Аронов. – Сбавьте обороты, Огнева. То, что я делаю вам поблажки ввиду вашего участия в Играх, не означает, что мое лояльное отношение будет длиться вечно. Игры однажды закончатся, и начнется взрослая жизнь.

– Я просто устала от того, что все пытаются указывать, что мне делать, с кем общаться и как жить. Только ленивый не сказал мне о том, что не надо контактировать с Дашковыми. Я знаю, что собой представляют эти люди. Может быть... – я не удержалась и добавила: – даже больше знаю, чем все остальные. И поверьте, я осознаю все риски моего с ними общения. Но иногда у меня просто не остается выбора. Потому что, к сожалению, у меня есть общая с Аспером история. К сожалению, моя мать работает на Дмитрия. И, к сожалению, я участвую в Играх, причем не только Играх Стихий, но и в играх Аспера. И вы сами мне советовали в этих Играх победить. Так, пожалуйста, не мешайте.

– Самоуверенность никогда и никому еще не помогала побеждать, – мрачно откликнулся Аронов.

Но, к счастью, дальше развивать тему не стал.

– Идем, тебя ждет Каренина. Как и всю твою команду.

Я многозначительно посмотрела на звонок, висящий прямо у нас над головами, и хмыкнула:

– Кто бы что говорил о пропусках занятий.

* * *

Все уже собрались, ждали только меня. Елизавета Каренина, как всегда, одетая с иголочки, с идеальной прической и макияжем, встретила меня с широкой улыбкой:

– Ярина, дорогая моя! Скажу прямо: ты меня удивила. Но удивила приятно.

– Лучше скажите, – я бросила сумку на свободный стул, – почему вы не предупредили нас, что испытание начнется прямо на балу?

Каренина театрально рассмеялась:

– Девочка моя, неужели ты считаешь, что Дмитрий Дашков лично отчитывается передо мной о своих планах? Я понятия не имела, что испытание начнется с момента, когда вы войдете во дворец.

– Это вообще нормально? – спросил Сергей. – Что Дашков меняет правила по ходу Игры и никого об этом не предупреждает. Я думал, у нас будет время подготовиться, настроиться и все такое... Девчонки в бальных платьях бегали по лестницам!

– Каждый год что-то новенькое, – ответила Елизавета. – Испытания, антураж... Публика требует зрелищ и неожиданных поворотов. А еще...

Она потрясла перед нами листочком.

– Публика выбирает любимчиков, и вы ни за что не угадаете, кто по результатам первого этапа стал номером один в зрительских симпатиях!

Кейт закатила глаза:

– Дайте угадаю – Аспер Дашков, наш Ледяной Принц.

– Ну конечно, – возразил ей Александр. – Всегда любимчиком становится капитан победившей команды. На первом месте определенно Ярина.

Каренина счастливо рассмеялась – ее вся эта ситуация очень радовала.

– Не угадали. На первом месте Михаил Светлов! Парень, который воспользовался чувствами своей соседки, чтобы подставить ее команду и привести свою к успеху. И даже несмотря на то что его план не удался и вы все равно победили, на первом месте...

– На первом месте наш плохиш, а Аспер впервые на вторых ролях, – предположила я.

Все это мне ой как не нравилось.

– Не угадала! – снова радостно воскликнула Каренина. – На третьих ролях. А на втором месте, моя дорогая, ты. Всем так понравились ваши взаимоотношения со Светловым, что вы намного опережаете Дашкова-младшего.

Воцарилась гнетущая тишина. Все обдумывали услышанное. Мне хотелось биться головой о парту, но приходилось сохранять

спокойствие и не выдавать истинных эмоций. Во-первых, потому что я была капитаном, а во-вторых, потому что признаваться в том, что заключила с Аспером сделку и невольно подставила Светлова, не хотелось.

Главный вопрос, которым я задалась, – насколько Асперу были важны рейтинги. С одной стороны, он был конченным социопатом, и лидерство Светлова в рейтинге зрительских симпатий мог воспринять как посягательство на его позицию. С другой стороны, мне Аспер не показался тем человеком, который будет обращать внимание на какие-то публикации в прессе. Его гораздо больше интересовало то, что он получает внутри Игр.

– Можете снова назвать меня трусом, но все это выглядит очень нехорошо, – подал голос Воронцов. – Вы играете с огнем, господа.

– Вот! – воскликнула я, ткнув в него пальцем. – Откуда тебе в голову пришло это выражение?

Воронцов растерянно замер, а все остальные уставились на меня.

– Что?

– Вам не кажется странным, что магия огня – самая слабая магия в мире, которую презирают даже дети? Даже беспомощные люди, не обладающие магией, и то презирают магию огня. И тут вдруг ты сравниваешь очень опасную ситуацию на Играх – с огнем. Почему?

– Ты какая-то странная, – сказала Кейт. – Давайте вернемся к нашей теме.

Я разочарованно умолкла. Никто из них даже не понимал абсурдности сказанного Воронцовым. А для меня это был привет из привычной реальности.

Все явно ждали от меня каких-то действий. Но я понятия не имела, что следует делать или говорить капитану, чья команда только что выиграла этап, хотя еще недавно всем составом собиралась ползти на кладбище. И для разнообразия решила говорить правду.

– Ребят, мне не хочется вас расстраивать, но, на мой взгляд, мы победили случайно. Все наше преимущество было получено только за счет Михаила, за счет его помощи. Он, конечно, хотел нас подставить, но, прежде чем сделать это, здорово помог. Полагаю, что без Михаила мы бы провозились намного дольше, потому что он показал нам принцип разгадывания загадок. И по нему уже мы шли дальше. И на

втором этапе нам так не повезет. Поэтому давайте заранее обговорим некоторые важные нюансы.

Я вопросительно посмотрела на Кейт с Александром, и они синхронно едва заметно кивнули.

– Хорошо, – сказала я. – Владимир, Сергей, вы должны кое-что знать о Кейт и Александре. Им нельзя разлучаться. Если они проведут вдали друг от друга больше восьми минут, то Александр погибнет. Пожалуйста, помните об этом и, что бы ни случилось во время испытания, защищайте их, не давайте их разлучать.

Лица Воронцова и Карениной вытянулись от удивления, а Сергей остался бесстрастным. Алексей Аронов смотрел на все с присущим ему спокойствием и легкой усмешкой. Судя по тому, что он не пытался меня прервать, его происходящее полностью устраивало и в концепцию победы над Дашковыми вписывалось.

– Второе. Михаил Светлов. Этот дурак пытается меня защитить. Мы живем по соседству и очень тесно дружим. Он пошел на Игры, только чтобы уберечь меня от Аспера и... бог знает, каких еще глупостей сотворит. Поэтому если в какой-то момент, на каком-то испытании, вы увидите Светлова с какой-нибудь очередной идеей, то просто дайте ему понять, что второй раз это не сработает. И постарайтесь не бить ему морду за то, что он запер нас по комнатам на первом этапе. Он думал, что если закроет меня и не даст победить, то я не вызову гнев Аспера.

А в итоге вызвал гнев Аспера сам. Но это я говорить не стала.

– И третье. Я знаю, что вы не в восторге от того, что вам приходится участвовать в Играх, и мне действительно жаль, что по моей вине вы попали в эту историю. Но у нас больше нет другого выхода – нам нужно сражаться по-настоящему. Нам нужно хотеть победить. Во всех остальных случаях мы просто станем очередными пешками в играх Аспера.

– Согласна! – Кейт хлопнула в ладоши. – Давайте уже надерем зад Дашковым и магам воды. Они надоели! Ходят с таким видом, как будто весь мир принадлежит им. Даже если мы не победим на Играх, хлопнуть Дашкова и остальных по носу хотя бы на паре этапов – это уже очень круто. И мне плевать, до каких глубин мерзости дойдет Аспер. В конце концов, он не всемогущ. И даже на Дашковых найдется управа.

– Ярина – наш капитан, как она скажет, так и будет, – сказал Сергей.

Молчал только Воронцов. Он до последнего делал вид, что его здесь нет, но в конечном итоге не выдержал.

– Хорошо. Но если из-за вас мы все погибнем, то я... – Он замялся, так и не придумав, какую именно угрозу озвучить.

– Будешь душить даже на том свете, – закончил за него Александр.

– Что ж, если все решено, можем мы отправиться на пары? У меня сейчас как раз...

– История. Рекомендую посетить, если не хотите остаться неучем, – сказал Аронов, обращаясь ко мне. Ей-богу, чуть язык ему не показала!

* * *

Историю преподавали в очень красивой лектории. Вместо парт и стульев здесь были скамейки с мягкими подушками, а преподаватель читал лекцию не из-за кафедры и не с учительского стола, а сидя в глубоком кресле. Ему не хватало только бокала вина и сигары, чтобы быть похожим не на преподавателя истории, а на какого-нибудь миллионера, рассказывающего вечером возле камина о своей бурной молодости внукам.

– Курс новейшей истории Российской империи, – голос у преподавателя был низкий, бархатистый и обладал поистине магической способностью притягивать внимание, – мы начинаем с рода ныне здравствующего государя, императора Константина.

– Ярина! – От лекции меня оторвал шепот Элены.

Соседка опоздала, мышкой прокралась на соседнее место и тут же приступила к обсуждению последних новостей.

– Расскажи, как это было.

– Давай на перемене, – попросила я. Мне очень хотелось послушать лекцию по истории.

– Я умру до перемены! Ну хоть немножко расскажи, какой он?

– Аспер? – уточнила я.

– Какой Аспер! – Елена отмахнулась. – Михаил Светлов.

– С каких это пор ты интересуешься Светловым?

– Я вообще не знала о его существовании, но посмотрела первый этап Игр, и он такой... Как ты вообще с ним познакомилась?

– Он мой сосед по коммуналке.

– Как тебе повезло!

Я скептически хмыкнула, но Елена не обратила внимания.

– Скажи, а он в жизни такой же крутой, как нам показали в иллюзионе?

– Он замечательный, – совершенно честно призналась я.

– Замечательный? Разве он не подставил вас по указке Аспера?

– А, ты в этом плане...

Я подумала, что Светлов понравился Элене так же, как нравился мне. А она видела в нем обаятельного гада, который пойдет на все, чтобы добиться победы своей команды. Вряд ли сам Михаил будет рад подобной славе.

– Скажем так: у него всегда есть тайный мотив. И все, что он говорит, нужно делить на два.

И снова я не солгала, хотя и сказала только часть правды. Но, к своему собственному удивлению, ощутила внутри что-то очень похожее на изжогу. Меня взбесило то, что Елена говорила о Светлове с таким придыханием, с таким восторгом, и при этом совсем не знала его настоящего.

«Можно подумать, ты прям его хорошо знаешь», – подумала я. Ревность на вкус оказалась неприятной, а горечи ей добавляло то, что я сама не могла определиться, что чувствую к Светлову.

– Перед вами облик нашего государя императора Константина Четвертого, – произнес преподаватель, и посреди аудитории возникла иллюзия, изображающая мужчину, которого я уже видела на портрете в Зимнем дворце.

И снова в его облике что-то показалось мне знакомым. Но я снова не поняла, что именно.

– Восхождение великого государя императора Константина ознаменовало начало новой эры нашего мира. Считается, что род государя ведет к великой княжне, магу воздуха Анне Володарь, создательнице и повелительнице Ветра Перемен – самой мощной магии, питающей силой наш мир. Четыре стихии – четыре великие империи. Лишь Ветер Перемен, могущественная магия, питающая наш

мир, удерживает четыре великих осколка от полномасштабной войны. И, разумеется, обуздать подобную силу мог только выдающийся маг. Пришедший на рубеже нового тысячелетия Константин Четвертый стал для Российской империи надеждой – надеждой на восстановление после тяжелых времен.

Преподаватель сделал паузу, позволив нам хорошенько рассмотреть сменявшие друг друга иллюзии. Красивая женщина с роскошной косой и решительным взглядом – княжна Анна. Ее потомки, долгое время державшиеся в стороне от трона несмотря на могущество, обретенное родом Володарь.

– Восхождение на престол императора Константина не было ни мирным, ни предопределенным. На рубеже тысячелетий Российская империя, ослабленная внутренними распрями и магической стагнацией, напоминала тлеющий уголек. Борьба за престол развернулась между тремя могущественными династиями: Дашковыми, Володарскими и Рождественскими. Молодой князь Константин, прямой потомок Анны Володарь по материнской линии, на тот момент считался темной лошадкой. Дашковым покровительствовала Великая Восточная империя. Рождественским – Американская Технократическая империя. Но...

Иллюзия продемонстрировала, как магический вихрь, похожий на тот, при помощи которого мы проходили инициацию, пронесется по Петербургу, сметая все на своем пути, и утихает, лишь встретив императора Константина.

– Ветер Перемен сделал свой выбор, – произнес профессор. – Князь Константин Володарский на рубеже миллениума стал императором Российской империи. И она восстала из пепла, как феникс.

И вот опять отсылка к огню. Но я уже даже не удивлялась – в созданном Дашковым мире остались сюжетные дыры. Я бы его книгу точно не купила, а может, даже написала бы в интернете, что автор идиот.

– Что касается наследников... – Иллюзия показала сначала красивого светловолосого парня, невероятно похожего на отца, затем двоих еще совсем малышей, мальчика и девочку. – У императора Константина и его супруги, государыни Александры Ивановны, урожденной княжны Дашковой, трое детей.

Дашковой? Я вострепелась и полезла в учебник. Где-то там я видела родословные великих княжеских фамилий. Дашковы... Дашковы... Вот! Василий Дашков и Елизавета Рождественская – родители Александры Дашковой и Николая Дашкова. Александра стала супругой государя, а вот Николай женился на какой-то Елене Григорьевой, и... у них родилось двое сыновей – Аспер и Дмитрий.

Выходит, Дашковы – родня императорской семье. Интересно... Жаль, о судьбе их родителей ничего не было написано. Но попробую задать вопрос. В конце концов, не убьют же меня за интерес. Это ведь историческая лекция.

А еще забавно, что все эти враждующие за престол кланы все равно все переженились и породнились. Там поди и на свидание сходить не с кем, куда ни плюнь – троюродный дядюшка.

– Цесаревич Алексей Константинович, наследник престола, рожденный под покровительством магии воды, как и его отец. Он унаследовал от великого рода не только силу, но и умение чувствовать и направлять потоки – будь то политические, магические или экономические. Его считают главным миротворцем и дипломатом династии. Великая княжна Ольга Константиновна – маг воздуха. Ее считают невероятно похожей на свою прародительницу, Анну Володарь. Говорят, у нее редкий дар – слышать в шепоте ветра будущее. Ну и великий князь Петр Константинович. К сожалению, судьба избрала для князя магию огня...

Воцарилась прямо-таки трагическая тишина. Все дружно соболезнавали юному князю и даже, кажется, сокрушались. Ну как так-то? Такой род – и огонь, ну стыдно же, что люди скажут...

– Триада наследников государства символизирует будущее, к которому мы стремимся, где Алексей договаривается, Ольга предвидит, а Петр – действует. Впрочем, нельзя не отметить союз, который прочно укрепил отношения Российской империи с западной, – брак сестры государя, княжны Марии, с наследником Британской империи, Эдвардом Виндзором. Этот союз – живое воплощение политики императора Константина. Он не просто правит Российской империей. Он делает ее неотъемлемой частью магического мира, превращая ее из осколка старых порядков в одного из архитекторов порядка нового.

Преподаватель откинулся в кресле, дав словам повиснуть в тихом, замороженном гуле аудитории.

Ладно, я поняла. У нас все хорошо, нами правит мудрый император, у него много надежных талантливых детей, так что России ничего не угрожает. Мир спасти не придется, главное – спасти себя.

– На следующей лекции мы разберем, как политика «Ветра и Стали» привела к Холодной Магической войне с Тихоокеанским Альянсом Магов и почему мы до сих пор находимся в шатком равновесии. Запишите вопросы, все они будут в билетах на экзаменах.

* * *

Ветер Перемен... Я слышу о нем постоянно.

Это та магия, тот вихрь, который мы проходили во время инициации. И он явно был связан с Дашковыми. Да и Дмитрий Дашков был магом воздуха в этой реальности. Возникает вопрос: если действительно наш мир изменил Дмитрий, то почему он не сделал императором себя? Это неплохо укладывалось в его портрет: придумал себе мир, сделал себя императором и играй в нем сколько влезет чужими судьбами...

И что же все-таки в облике императора Константина и его наследников было мне знакомо?

Преподаватель сделал последний взмах рукой, и иллюзии в воздухе медленно растворились, оставив лишь легкое мерцание в солнечных лучах, падающих из высоких окон.

* * *

– Ты знаешь, что стал звездой и по тебе тащатся все первокурсницы?

Светлов от неожиданности начал надсадно кашлять. Я повесила пальто на гвоздик и устало потянулась. Пары давались мне сложнее, чем испытания на Играх. А еще Кейт оказалась права насчет преподавателя по физподготовке. Всю тренировку, пока мы бегали кросс, он не сводил с девчонок взгляда.

Что ж, старые извращенцы существуют даже в этом мире. Дашков мог бы что-то исправить, только зря силы тратил.

Едва стащив ботинки, я увидела, что Светлов меня ждал. На столе стояли бутылка вина, два бокала и ужин. От него исходили такие ароматы, что у меня потекли слюнки.

Откуда у парня, который снимает комнату в коммуналке, есть деньги на ужин из ресторана? Ну не сам же он все это приготовил!

От мяса исходил такой запах... К счастью, у меня хватило ума не спрашивать. Ведь худшее, что может сделать девушка, – это усомниться в том, что у парня есть возможность ее порадовать. А в том, что Светлов хотел порадовать меня, сомневаться не приходилось.

Но все же я растерялась. Это совершенно точно было свиданием. А я не была уверена, что хочу идти на свидание со Светловым. И не потому что он мне не нравился, не потому что мне было неприятно его ухаживание. А потому, что я не была уверена, что смогу разделить его чувства. Он-то знает меня всю жизнь, а я его – всего несколько недель.

– Поздравляю, – улыбнулся Светлов, протягивая мне бокал. – Победительница.

– Только сегодня толкала речь перед командой, где сказала, чтобы не расслаблялись. И что их победа была по большей части обеспечена тобой. Я серьезно, можешь не смеяться. Если бы не твои подсказки, мы бы застряли там надолго.

Светлов развел руками:

– Что сказать...

В комнате Михаила был всего один стул, поэтому мы подтащили столик к кровати, на которую я и уселась, а парень сел напротив и пододвинул ко мне тарелку с мясом.

– Где ты все это достаешь? – спросила я. – С утра – горячая булочка с кофе, вечером – ужин с вином. При этом я ни разу не видела, как ты все это приносишь.

– У всех есть свои секреты. Так... Ты хотела мне рассказать, что с тобой случилось и почему ты в последнее время такая странная.

– А ты обещал поверить, – напомнила я.

– Ну, давай попробуем.

И я рассказала. Начала с того, как жила в привычном мире, как родители подарили путевку и как на обратном пути в самолете я познакомилась с Дашковым. Как помогла ему придумать книгу и, когда

сошла с трапа, мир вокруг изменился, а я из абитуриентки политеха превратилась в студентку школы Огня. Михаил слушал внимательно, но доверие ему все же давалось с трудом. Наверное, моя история звучала невероятно для человека, который понятия не имел, что мир может быть другим.

Когда я закончила, он покрутил в бокале вино, задумчиво на него посмотрел, а потом спросил:

– Ты же понимаешь, что это звучит просто невероятно? Откуда у Дашковых сила, способная изменить целый мир?

– Хотела бы я знать. Причем эта сила подействовала в мире, лишенном магии напрочь.

– Ты не спрашивала у Дашкова напрямую?

– Нет, – покачала я головой. – Мы делаем вид, будто все идет как надо.

– Знаешь, – медленно произнес Светлов, – все это звучит невероятно и довольно... странно. Но если это правда... то ты должна рассказать...

Его оборвал громкий стук в дверь. Я подскочила, и в душе мелькнула надежда, что это мама или папа пришли попросить меня вернуться домой. Но за дверью оказался незнакомец. Белоснежная маска полностью скрывала его лицо. Когда я увидела ее, от неожиданности вскрикнула. Светлов быстро подскочил и закрыл меня собой, чем вызвал еще один приступ чувства вины.

– Михаил Светлов, – произнес человек, – Ярина Огнева. Это для вас.

И протянул нам по небольшой коробочке. А затем, пока мы приходили в себя, просто исчез.

Внутри я нашла маску, точно такую же, какая была на незваном госте. А еще – небольшую открытку, на обороте которой значилось время: восемь вечера завтрашнего дня.

– Я так понимаю, это второй этап Игр? – спросила я.

Светлов пожал плечами.

– Похоже, что так. В этом сезоне Дашков превзошел сам себя.

– Зато зрелищно.

– Как думаешь, что это значит?

– Хотелось бы знать, – Светлов покачал головой. – Но, думаю, это стоит прихватить с собой.

Маска тоже показалась мне знакомой, каким-то приветом из привычного мира, но я не стала забивать себе голову и вернулась к вину. Я решила, что раз завтрашний день все равно будет испорчен испытанием, то сегодняшний я проведу максимально приятно.

– Знаешь, – сказала я, делая большой глоток, – несмотря ни на что, я рада, что оказалась в этом мире.

– Но все же ты хочешь вернуться, – задумчиво сказал Светлов.

– Я не знаю. Сначала хотела, но потом... ничего, в сущности, не изменилось. Я учусь... точно так же, как и в своем мире, не на самой востребованной специальности. В сущности, ничего для меня не изменилось. Разве что условия для жизни оказались чуть хуже. Все же в реальном мире... прости, в моем мире мы жили не в коммуналке, а в отдельной квартире в новостройке. Но, если смотреть глобально, наверное, я ничего особо и не потеряла. Мир вокруг изменился, но мой мир... остался почти таким же.

Я не стала говорить, что это «почти» – Светлов. Возможно, он и существовал в реальности, но точно не рядом со мной. Я бы запомнила.

Потом мы поднялись на крышу и сидели до самого утра, пока не посветлело небо. Светлов рассказывал о Петербурге, о тайных улочках и потайных секретах, вроде той лавки Гарпуна, в которой мы с папой покупали усилитель. О мостах и связанных с ними легендах. Невозможно было не заметить, с какой любовью Светлов рассказывает о Петербурге.

– Ты, похоже, любишь этот город, – сказала я.

Михаил кивнул.

– Да. С ним связано много воспоминаний. В детстве отец брал меня на прогулки, мы тайком пробирались на ярмарки...

– Извини, если я полезу не в свое дело или если ты об этом уже мне рассказывал. Но что с твоей семьей? Почему ты живешь один?

– Все как у всех. Папа и мама встретились, когда он был в Петербурге в деловой поездке. У них завертелся роман, затем папа уехал – у него была другая семья. А мама осталась здесь воспитывать меня. Она умерла пару лет назад.

– Сочувствую. А что с твоим отцом? Ты общаешься с ним сейчас?

– Редко. Иногда он мне пишет, дает деньги. Собственно, это ответ, почему я могу себе позволить не работать, спокойно учиться и снимать

комнату.

– Слушай... – Вдруг мне в голову пришла интересная идея. – Я ведь наверняка много тебе рассказывала – пусть и не все. Ты ничего не знаешь о родителях Аспера?

– Нет, знаю только, что они погибли. Но никто нам не рассказывал подробности. Дашковы тщательно оберегают свою личную жизнь.

– Иногда у меня возникает что-то вроде воспоминаний. И мне не дает покоя одно из них. Мы с Аспером играем в Зимнем дворце, в саду, и вдруг кто-то заходит. Я кричу: «Папа!», Аспер кричит вместе со мной. Я не могу понять, как именно мой отец мог оказаться в Зимнем дворце, в резиденции Дашковых. Но если его там не было и Аспер утверждает, что никогда в жизни его не видел, то кому мы кричали?

Светлов посмотрел на меня с удивлением и даже с легким страхом:

– Ты хочешь сказать, что вы с Аспером можете быть братом и сестрой? Хочешь сказать, что ты на самом деле Дашкова? Это первое, что приходит на ум.

– На самом деле нет. Я не верю, что у нас с Аспером есть хоть что-то общее, хоть одна капля крови. Но других объяснений мне придумать не удалось. Ну, за исключением самого разумного: это просто сны, и в них мешанина из выдумки и реальности.

Я тряхнула головой. Чем дольше я об этом думала, тем больше путалась. Что-то в созданной Дашковым реальности было не так. Что-то не сходилось. Она напоминала лоскутное одеяло, в котором не было единого рисунка.

– С каждым днем, – медленно произнесла я, глядя на чуть тронутые рассветом крыши Петербурга, – я все больше и больше смиряюсь с мыслью, что проведу в этом мире остаток жизни. И я очень рада, что у меня есть такой друг, как ты.

– А мне предстоит смириться с тем, что ты больше не любишь шоколад, – произнес Светлов и фыркнул.

Несмотря на утреннюю промозглость и прохладу, мне вдруг стало очень тепло. Захотелось взять Светлова за руку, но коснуться его я так и не решилась.

Глава десятая

Наверное, нам не стоило идти на испытание вместе, но об этом мы подумали в последний момент, когда столкнулись с толпой газетчиков, разбивших лагерь перед местом проведения второго испытания. Судя по всему, им сильно заранее сказали, где оно пройдет.

Нас мгновенно обступили репортеры с блокнотами, перьями, старинными на вид фотоаппаратами и начали наперебой задавать вопросы.

– Что вы чувствуете, победив на первом этапе Игр?

– Каково было обыграть несомненного лидера всех Игр последних лет – Аспера Дашкова?

– Вы пришли вместе с Михаилом? Между вами зародились отношения после встречи на испытаниях?

Никто не учил меня, как общаться с прессой, и Каренина ни словом не обмолвилась, что у нас могут попытаться взять интервью. Крепко схватив за руку, Светлов потащил меня ко входу.

– Помешают ли ваши отношения соперничеству команд?

– Михаил, что ваш капитан, Аспер Дашков, думает о ваших отношениях с Яриной Огневой?

К счастью, внутрь журналисты за нами не последовали, и мы оказались в тишине. В тишине книжного магазина, находившегося в доме «Зингер». В этом мире в здании тоже располагался книжный магазин. Но, естественно, не такой современный и гораздо более интересный. Вместо многочисленной сувенирной продукции здесь стояли глиняные чашки, резные подсвечники и старинные книги.

Мне хотелось побродить между стеллажами и рассмотреть все, что здесь было, и, может быть, что-то купить на деньги, которые я получила за участие в Играх. Но Светлов потащил меня наверх.

Там, в большом светлом зале, из огромных окон которого был виден прекрасный Казанский собор, поставили большой круглый стол и стулья – ровно двадцать штук, по числу участников Игр. Некоторые участники уже прибыли, но большинства еще не было. Каждый из прибывших держал в руке маску. И я поняла, что необычное приглашение получили не только мы со Светловым.

– Надеюсь, вы удовлетворили их любопытство, – раздался знакомый голос.

Аспер все это время стоял у окна и наблюдал за разыгравшейся у входа сценой.

– Если ты собираешься сделать какой-то грязный намек, то спешу тебя разочаровать, – сказала я, стараясь сохранять самообладание. – Мы живем в одном доме. И логично, что если нам нужно в одно место к одному времени, то наши пути рано или поздно сойдутся.

Затем, чтобы не слышал Светлов, я подошла почти вплотную и тихо сказала:

– Надеюсь, тебе не нужно напоминать, что у нас есть уговор? И у Михаила, и у Сергея иммунитет.

– Запомни, Огнева: я всегда держу свое слово.

Знала бы я, что значили эти слова.

* * *

– Добро пожаловать в «Тайны Невского проспекта»!

Дмитрий обвел присутствующих взглядом и одарил радушной улыбкой. Будто и впрямь был счастлив нас видеть, как же.

К восьми часам все участники собрались. Мы разбились по командам и стояли, каждая в своей стороне. Вскоре появился Дмитрий. В руках у него была маска, похожая на наши. Жестом он велел нам сесть. И когда мы подошли ближе к столу, то обнаружили, что возле каждого места есть табличка с именем.

Нас рассадили хаотично, не по командам. Я оказалась рядом с каким-то парнем из команды земли, а напротив сидел Аспер. Светлова посадили в противоположный конец стола.

– Сегодня вам не придется разгадывать загадки, созданные кем-то другим. Сегодня вы сами станете загадкой друг для друга, – бархатистым, таинственным голосом сказал Дмитрий. – Под креслом вы найдете карточку роли. Пожалуйста, не показывайте никому карточку и не рассказывайте никому о своей роли. Если вы раскроете себя, то это повлечет удаление вас из игры, а значит – шанс на победу у вашей команды будет меньше. Название игры вам ни о чем не говорит – и правильно. Забудьте все правила всех игр, что вы знали.

Здесь действуют иные законы. Под вашими креслами приклеены карточки. На них – ваша судьба на эту ночь и ваша тайна до самого конца.

Он медленно обошел стол.

– В тайной жизни, что прячется за фасадом нашего славного города, есть несколько ролей. Верный подданный его императорского величества – их большинство. Это честные горожане, обыватели, чья цель – сохранить порядок и выявить тех, кто ему угрожает. Но есть и другие. Заговорщики из Тайной канцелярии – их мало, но они могущественны. Они знают друг друга в лицо. Их цель – под покровом ночи устранять верных подданных, одного за другим, пока их власть не станет безраздельной. А есть те, кто стоит особняком. Оракул с Васильевского острова – провидец, который раз в ночь может открыть истинную сущность любого из сидящих здесь. И шут при дворе – мастер мистификаций, чья роль – сеять смуту.

Дмитрий остановился во главе стола. В его голосе появились нотки металла.

– Игра делится на ночь и день. Когда я говорю: «Ночь опускается на Петербург» – вы надеваете маски. Ночь – время действий для особых ролей. По моей команде просыпаются заговорщики и узнают друг друга. Затем просыпаются шут и оракул. Оракул указывает на того, чью сущность желает познать шут. После этого я говорю: «Солнце встает над Невой». Наступает день. Все открывают глаза. И узнают, кого забрала ночь – кто пал жертвой заговорщиков. Затем обсуждение и голосование. Вы выдвигаете подозреваемых, спорите, пытаетесь докопаться до истины. По итогам голосования того, кого назовут главным врагом порядка, ссылают в Сибирь. Он выбывает из игры.

«Так это же “Мафия!”», – осенило меня. Немного видоизмененная, но вполне узнаваемая. И не стыдно Дашкову? Мог бы хоть придумать что-то свое.

– Игра продолжается, ночь сменяет день до тех пор, пока одна из сторон не достигнет своей цели. Если все заговорщики будут изгнаны – побеждают верные подданные и оракул. Если заговорщиков останется столько же или больше, чем горожан – побеждает Тайная канцелярия. А Шут... Он победит в одиночку, если не выдаст себя.

В зале стояла полнейшая тишина. В отличие от меня, участники в «Мафию» не играли – судя по судорожным попыткам запомнить сразу все правила. Что ж, тем лучше. Может, будет проще победить.

– Помните: ваша роль – ваша главная тайна. Раскрыли себя словами или действием – вы мгновенно вне игры, а ваша команда ослаблена. Сомнения, интуиция, ложь и умение читать между строк – вот ваше оружие. Теперь... наклонитесь и возьмите свою судьбу. И пусть удача будет на стороне здравомыслящих.

По команде Дмитрия мы потянулись и достали из-под сиденья карточки. На моей было написано: «Верный подданный Его Императорского Величества». Что ж, в этой странной «Мафии» я – простой горожанин. В принципе, не так уж и плохо.

– Ночь опускается на Петербург, – произнес Дашков.

И мы дружно надели маски.

– Просыпаются заговорщики.

Я старалась вслушиваться в звенящую тишину, но не услышала ни единого звука, ни шороха, ни вздоха, который помог бы определить, кто из участников стал заговорщиком. Через некоторое время, буквально несколько минут, Дмитрий снова заговорил:

– Заговорщики засыпают. Солнце встает над Невой.

Снимая маску, я успела подумать: неужели испытание будет обычной игрой в «Мафию»? Никаких тебе магических штучек. Никаких подстав и смертельных ловушек. Затем услышала:

– Но для Ярины Огневой день не наступит.

И отключилась. Вот тебе и «Мафия».

* * *

На удивление, когда я открыла глаза, то не почувствовала никаких последствий обморока, если вообще это был обморок. И еще к большему удивлению, я обнаружила, что лежу на улице – обычной такой, уютной петербургской улочке.

– Интересный поворот, – пробормотала я, поднимаясь.

Рядом раздалась отборная ругань. Я повернулась и увидела, что в нескольких метрах точно так же на земле лежит Аспер. А еще чуть поодаль я увидела Светлова. Других участников в обозримом

пространстве не было, и я сделала вывод, что отключились только мы втроем. Наверное, после моего имени назвали их.

Аспер поднялся, продолжая ругаться. К нему подошел Светлов и заржал, хлопая его по плечу:

– Прости, капитан, но это очень смешно.

– Очень смешно, – пробурчал Аспер. – Идиоты, клинические идиоты.

– О чем это вы? – спросила я.

– Меня, – пояснил Михаил, – назвали заговорщиком. Назвал Вишневский. А его... – Он снова фыркнул и показал на Аспера.

– Слили свои же.

– Ну разве не идиоты? – возмутился Дашков.

– Так вы были заговорщиками? – спросила я.

– Нет, я был обычным подданным, Аспер тоже. Дмитрий Дашков не такой идиот, чтобы сливать в первом же раунде трех сильнейших участников. Чего не скажешь о наших товарищах. Хотя я бы на месте твоих, Искорка, тоже слил нас. Но вот наши... слов нет.

– Ладно, – вздохнула я. – Тогда скажите мне, пожалуйста, где мы и что мы вообще здесь делаем? Как мы здесь оказались? Потому что я что-то не очень понимаю.

– Хотелось бы знать, – пробормотал Аспер, оглядываясь. – Я о таком эффекте и не слышал.

– Разве брат не рассказывает тебе о загадках? – спросила я.

– Нет. Он закрылся и держит меня подальше от места, где разрабатывают испытания.

Светлов снова фыркнул.

– Ладно, – сказала я. – Предлагаю найти какую-нибудь табличку, понять, куда нас выбросило, и, наверное, вернуться к дому «Зингер».

Парни кивнули. Вряд ли Аспер был в восторге от того, что приходится объединиться со мной, но какой у него был выбор? Судя по всему, он действительно был удивлен тем, что случилось, и подобного поворота от игры в «Мафию» не ожидал.

Мы прошли ровно половину улицы, и все это время меня мучило какое-то странное ощущение, что-то во всем этом было не так. Я не могла понять, что именно так меня цепляет, но пыталась.

– Может, это снова какая-то квест-комната? – предположила я. – Может быть, мы в иллюзии или в каких-то декорациях, и...

Светлов принялся и посмотрел на небо.

– Да нет, вроде похоже на обычную улицу. Никакого признака иллюзии, никакого признака декорации. Даже вон ветер есть, смотри.

Его правда. Если это и иллюзия, то иллюзия очень качественная: даже птицы сидели на проводах.

Стоп. Проводах?

Я огляделась. Через несколько домов я совершенно отчетливо увидела, как к подъезду подошла женщина, набрала что-то на панели домофона, и раздался характерный звонок.

Не объясняя ничего парням, я побежала к проспекту. И остановилась, замерев. По Невскому летели десятки, сотни... тысячи машин!

– Что за... – произнес Аспер.

Парни рванули следом за мной и остановились. На их лицах читался шок. Увиденное было для них сродни моей реакции на мир магии.

– Теперь ты мне веришь? – Я повернулась к Светлову.

Он медленно кивнул.

– Ну, либо мы все сильно ударились головой. Либо... – Он оглядел проспект. – Ты понимаешь, где мы? Это Петербург? И самое главное – как мы здесь оказались?

– Вы двое явно знаете больше, чем я. Рассказывайте! – потребовал Аспер.

Мы переглянулись. Мне не нравилась идея рассказывать Асперу о том, что сделал его брат. Но, судя по всему, вариантов не было. И, если подумать... он имел право на правду. Его брат поступил с ним хуже, чем со мной. Мы с Дашковым почти не были знакомы. Да и моя сохранившаяся память скорее была случайностью. А вот брату воспоминания о реальном мире он стер совершенно сознательно. Разве можно так манипулировать близкими? Разве можно без их мнения менять их судьбы, мир, в котором они живут, воспоминания?

Пришлось в очередной раз – кажется, это был уже третий – повторить всю историю с начала.

– Чушь, – фыркнул Аспер. – Брат не обладает силой, способной изменить целый мир. Придумай что-то получше.

– Другой истории для тебя у меня нет. – Я пожала плечами. – Тебе не кажется странным, что все наше прошлое как будто подернуто

туманом? Мы не можем вспомнить, из-за чего поссорились. Мы не можем вспомнить, почему вообще подружились. Наши воспоминания отличаются.

– Мы были детьми, – ответил Аспер. – Думаешь, все помнят, что с ними происходило, когда они были мелкими?

– Тринадцать лет, – возразила я. – Нам было по тринадцать. Вот ты, – я повернулась к Светлову, – помнишь, что делал, когда тебе было тринадцать лет?

– Ну, в общих чертах... учился, играл во дворе с ребятами. Получал от мамы, как-то раз принес какого-то драного кота...

– Видишь? Он помнит детство. А ты?

Аспер задумался. Он по-прежнему делал вид, что мне не верит, но в его холодных глазах я видела сомнения.

– Ну и потом, как ты объяснишь вот это? – Михаил кивнул на плотный поток машин на Невском.

– Ну, скажем так... – медленно произнес Аспер. – Существование параллельных реальностей я в целом не отрицаю. Вполне может существовать мир, о котором говорит Ярина. Это даже более разумное объяснение, чем то, что мой брат по какой-то причине или своему капризу насытил немагический мир магией. Скорее всего, существуют просто две параллельные реальности. В одной в какой-то момент победила технология, в другой – магия. И мы по какой-то причине оказались в одной из таких.

– Он несет бред или такие теории реально есть? – спросила я у Светлова.

Михаил пожал плечами.

– Ну, вообще есть... Но я бы не сказал, что в классической теории магии они приветствуются. Даже, я бы сказал, не приветствуются – за подобные речи еще лет тридцать назад можно было уехать на пару лет в места не столь отдаленные. Считается, что существует только наш мир, а существование других – это... ну, своего рода ересь.

Раздался оглушительный гудок. Я первая сообразила, что происходит, и оттащила парней на обочину. Мимо пронесся курьер на электросамокате и прокричал нам вслед что-то ну очень недружелюбное.

– Ну вот по этой части привычной жизни я не то чтобы скучала, – пробормотала я.

Предположение Аспера было логичнее – по крайней мере, оно объясняло то, что реальный мир вроде как продолжал жить обычной жизнью. Только было не ясно... А я-то к какому миру принадлежу? Я перенеслась в тело Ярины, жительницы магического Петербурга? Или я перенеслась в магический Петербург физически, а в этом мире мама и папа оплакивают мое исчезновение? И как мы здесь вообще оказались? И что будет дальше – вернемся ли мы в магический Петербург? Или теперь у меня на иждивении будут двое совершенно не приспособленных к реальной жизни парней?

Я фыркнула, представив, как каждое утро иду на работу и мучаюсь вопросом, не убьются ли эти двое, пытаюсь понять, как работает микроволновка.

– Так что будем делать? – спросил Светлов.

– Давайте придерживаться первоначального плана, – ответил Аспер. – И вернемся к... как ты сказала?

– К дому «Зингер». В нашем мире... в этом мире, – поправила я, – в нем находится книжный магазин. И, кажется, на втором этаже – кафе.

– Покажешь дорогу? – попросил Светлов. – Я вроде бы знаю, куда идти, но чувствую, что понятия не имею, как преодолеть вот эту, – он кивнул на машины, – полосу препятствий.

– Идем, – позвала я, направляясь к ближайшему светофору.

Понятия не имею, совпадало ли время в этой реальности с тем, в котором жила в последнее время я, но на Невском была настоящая толпа. И по ощущениям эта толпа двигалась куда медленнее, чем могла бы. Вскоре стало ясно, что главное столпотворение находится как раз в районе дома «Зингер». По мере того как мы приближались, толпа становилась все плотнее, и в конце концов пробиться ко входу стало просто невозможно.

– Там что, тоже этап Игр проходит? – спросил Михаил.

– Может, какой-то праздник, или выставка, или раздают что-то бесплатное, – предположила я. – Давайте просто подождем и попробуем прорваться внутрь, когда пробка чуть рассосется.

– Вообще, я дико хочу есть, – признался Светлов.

И я вдруг поняла, что тоже голодна. Как будто скачок в эту реальность требовал затрат энергии. Жаль, что меня не закинуло сюда с карточкой или хотя бы местными деньгами. Я машинально сунула руку в карман, достала пару империалов, которые прихватила с собой из дома. И вдруг поняла, что держу две тысячи рублей.

– Так, ребята, – радостно улыбнулась я, – жизнь налаживается. Сейчас добудем какой-нибудь еды. Аспер?

Он равнодушно пожал плечами. Дашкова больше интересовал мир вокруг. Он с любопытством рассматривал машины, провода, яркие неоновые вывески и людей, каждый из которых не отрывался от экрана телефона. Пожалуй, это был первый раз, когда я увидела в нем хоть какие-то позитивные эмоции.

Неподалеку я увидела передвижной фургончик, из которого продавали хот-доги и бургеры, и направилась прямо к нему. Вскоре три горячих, ароматных хот-дога, щедро политых майонезом и горчицей, были у меня в руках. Наверное, не стоило кормить парней этим – по крайней мере, в магическом Петербурге я подобной еды ни разу не видела. Но разве у нас был выбор? На две тысячи рублей сейчас не разгуляешься. К тому же мне не хотелось уходить далеко от «Зингера», хотя я и не понимала почему. Наверное, следовало развернуться и бежать, бежать как можно дальше. Спрятаться дома и не вспоминать реальность Дашкова, как страшный сон.

Но не могла же я бросить Светлова. Поэтому я вернулась и раздала парням хот-доги. Михаил быстро вгрызся в свой и с наслаждением облизнулся. А вот Аспер смотрел на еду так, как будто я предложила ему съесть комок навоза.

– Слушай, скажи спасибо. За все твои выходки я должна не кормить тебя, а толкнуть под трамвай.

Покосившись на Светлова, посмотрев, как я откусываю от сосиски, Аспер сунул угощение в рот. Словно убедившись, что никто не собирается его травить и мы едим то же самое.

Потом мне захотелось пить. Я сбегала за колой, и она привела их в настоящий восторг. И когда мы уже примеривались для нового захода через толпу, я услышала знакомый голос: «Ярина! Ярина!»

– Папа? – Я обернулась. Через толпу ко мне шел отец, причем он был в рабочей форме. Я бросилась к нему. – Что происходит?

– Я надеюсь, тебя не было внутри? – Он кивнул на здание.

– Нет, мы только подошли. А что-то случилось? Ты...

– Я на вызове. Был пожар. Тебе лучше уйти.

Я совсем не заметила пожарных машин – они стояли с другой стороны, и толпа мешала как следует их рассмотреть. Да у меня и мысли не возникло, что здесь может быть пожар. Что там вообще случилось и связано ли это с нашим появлением здесь?

– Но вы же все потушили? – спросила я.

– Еще не все. И внутри есть баллоны – там находился ресторан. Есть опасность взрыва.

– Ты же туда не пойдешь? – с ужасом спросила я.

Нет, я знала, что у папы опасная работа. Он был пожарным, не раз спасал людей, их жизни и, конечно же, оказывался в опасности сам. Но одно дело знать, тем более что папа не любил рассказывать о работе и пугать нас с мамой. Другое дело – видеть лично. Вот оно, здание, которое может вот-вот взлететь на воздух. И твой отец должен в него войти.

Просто взять и уйти, сделать вид, что ничего не было, я бы не смогла. Не обращая внимания ни на Светлова, ни на Дашкова, которые следовали за мной, я обошла улицу и зашла со стороны, где стояли пожарные машины и скорые.

Пожарные заходили в здание снова и снова, выводили людей, протягивали шланг. Из окон вскоре начал валить дым. Затем раздался взрыв, но, к счастью, не сильный. Мы даже не вздрогнули. Папа скомандовал сослуживцам, и они бросились в здание.

Сердце бешено стучало, так сильно, что готово было вот-вот выпрыгнуть из груди. Липкий страх отзывался внутри тошнотой. Закусив губу, я стояла и смотрела, каждую секунду отсчитывая в ожидании, когда папа вернется.

И наконец он появился.

Он держал на руках тело. Сначала я подумала, что это девушка, но, когда дым рассеялся и к папе кинулись врачи с каталкой, я поняла, что это парень. Наверное, я узнала, кто это, за секунду до того, как увидела его лицо.

На нем не было живого места, кожа казалась черно-красной, ужасного вида. Я даже не представляла, насколько ему было больно. А вот лицо было удивительно чистым. На нем навечно застыла легкая усмешка. Такая знакомая усмешка. Я видела ее не раз. Это же...

– Я? – раздался рядом голос Аспера. – Он похож на меня... Он...

Я выхватила из рук рядом стоящей девушки смартфон и, не обращая внимания на ее возражения, включила экран. И все поняла.

Это не параллельная реальность. Это прошлое. Тот день, в который Дмитрий потерял брата.

Глава одиннадцатая

– Я даже не знала, что папа тушил пожар, в котором погиб брат Дмитрия. Я вообще не знала, что он погиб в пожаре, – тихо сказала я.

Но теперь поняла, почему в своем новом мире Дмитрий сделал огонь самой слабой стихией.

Мы сидели на ступеньках, ведущих к воде, и не могли найти слов, чтобы описать чувства.

Даже привычно холодный, спокойный, насмешливый Аспер выглядел словно ударенный пыльным мешком по голове. Вид его тела, его собственного мертвого тела, сильно подействовал на парня, и мне стало его жалко. Он, конечно, сволочь и полнейший бездушный отморозок, но даже он не заслуживает видеть такое.

– В самолете Дмитрий сказал, что летит на похороны брата, – продолжила рассказ я. – А потом, когда мы сели, мир изменился. И это не параллельная реальность, мы просто вернулись в тот день, когда Аспер погиб.

– Получается, что Дашков изменил реальность, чтобы оживить брата, – поразился Светлов.

– Жаль, что я даже не понимаю, как именно он это сделал.

– В этом мире магии совсем не существует? – спросил Михаил.

Я задумалась. В теории, конечно, нет. Но четких доказательств этому не было. Нас с детства пичкали историями про всевозможных ясновидящих, экстрасенсов, предсказания, пророчества и так далее, но было принято считать, что все это шарлатанство. Была ли хоть какая-то вероятность того, что в нашем мире жили люди, наделенные особой силой? Я этого исключать не могла, по крайней мере, теперь, когда собственными глазами увидела, что такое магия.

– Зато история обрастает подробностями, – вздохнула я, – и становится более-менее стройной. Дмитрий жил на Кубе, его брат – в Петербурге. Случился пожар, его брат погиб, и Дмитрий вылетел на похороны. Боль от потери была настолько сильной, что он решился изменить наш мир. Может быть, эта боль и придала ему сил. В новом мире его брат оказался жив. Но, вероятно, что-то пошло не так, и, вместо того чтобы жить обычной жизнью, Аспер превратился в

Ледяного Принца – равнодушное чудовище с социопатическими наклонностями.

Аспер хмуро на меня посмотрел.

Я пожала плечами:

– Что, неправда? Хочешь сказать, что в тебе есть хоть капля эмоций? Я думаю, что человек, который умер в реальности и возродился в колдовском мире, лишается души. И Дмитрий сам не знает, как вернуть все обратно. Остается вопрос: все же он осознал свою ошибку, поменял реальность и мы оказались здесь, потому что сработала его магия? Или же это какая-то случайность или часть игры?

– Второй вопрос, – продолжил Светлов. – Что будет с нами? Мы – копии, двойники тех людей, которые живут в этом мире? Или мы просто заняли свои места и пострадала лишь наша память?

– Вопрос хороший, – вздохнула я. – Только нам его прояснить не удастся, потому что я в данный момент еще даже не собираюсь в аэропорт, а валяюсь на пляже и наслаждаюсь кубинским солнцем.

– Но мы же видели Аспера, – возразил Михаил. – Он стоял рядом с нами и одновременно был там мертвый. Значит, наши двойники в этом мире вполне живут себе обычную жизнь. И вопрос: что будет, если мы попадемся им на глаза?

Да, ситуация вырисовывалась не радужная. Если мы не вернемся в свой мир, а в этом мире живут наши двойники, то придется нам, кажется, бомжевать.

– Полагаю, нужно дождаться точки, в которой Дашков изменил наш мир, – наконец сказала я.

Смеркалось, на Петербург опускалась ночь. Был конец лета, и ночами уже было прохладно, так что следовало озаботиться временным приютом. Домой, естественно, я вести парней не решилась, ровно как и идти сама, поэтому выбрала первое, что пришло в голову: а именно вокзал. Денег у нас все равно не осталось, но одеты мы были прилично, так что не должны были привлечь внимание полиции и могли спокойно провести ночь якобы в ожидании поезда.

Но когда мы направились в сторону вокзала, то поняли, что Аспер остался на месте. Засунув руки в карманы, он смотрел на темную воду.

– Эй, – позвала я, – ты идешь?

Аспер ничего не ответил, но дернул плечами, давая понять, чтобы я отстала. И я решила отстать. В конце концов, он сделал мне столько

гадостей, что насильно спасать его шкуру от ночевки на улице я не жаждала.

Я старательно глушила в себе жалость, но не могла не думать о том, каково это: узнать, что в настоящем мире ты мертв и твоя жизнь лишь иллюзия, которую поддерживает брат, не способный тебя отпустить.

* * *

На вокзале была целая куча народу, и на нас никто не обратил внимания. Выбрав укромные места в зале ожидания, скрытые за эскалатором, мы со Светловым принялись просто ждать. Ожидание тянулось мучительно медленно, я то и дело смотрела на часы в нетерпении. Когда уже стукнут заветные дата и время?

– Я как будто смотрю хорошо знакомый фильм, – сказала я.

– Что такое фильм? – спросил Светлов.

– Ну, что-то типа вашего иллюзиона, когда на экране показывается какая-то история. И вот я знаю, что будет в этой истории, что сделает героиня и когда, но все равно смотрю. Как будто бы мне есть дело до концовки. Только мне действительно есть дело до концовки. Вот сейчас я приехала в аэропорт. Еще три часа ожидания, посадки и знакомства с Дмитрием, а потом – долгие часы полета. И ведь я даже не знаю, в какой именно момент наша реальность изменилась.

Сказав это, я вспомнила, что во время полета нас сильно потрянуло, и сердце ушло в пятки на какое-то мгновение. Может быть, это была не турбулентность, может быть, это был Ветер Перемен?

– Знаешь, я все больше склоняюсь к тому, что Дмитрий не обладает какой-то огромной силой. Скорее он подчинил себе магию, которая уже существовала в нашем мире, – сказала я.

Светлов пожал плечами:

– Возможно. Сложно сказать. Магия – штука неизученная, даже императорскому дому не подвластны все ее секреты.

Он немного помолчал, а потом слегка неуверенно признался:

– Знаешь, с того момента, как ты рассказала мне историю, я все думаю: почему в этой реальности меня рядом с тобой не было?

– Кто знает. Может, и был, просто мы были не знакомы. Или не обращали друг на друга внимания. Если вдуматься – это безумный мир. В нем есть интернет, мы общаемся с тысячами, десятками тысяч людей за всю нашу жизнь. Может, мы общались в сети. Может, сто раз проходили мимо друг друга в школе и просто не могли заговорить.

– Но ты меня не помнишь, – сказал Светлов.

На это я не нашлась что ответить.

Вскоре я задремала, уронив голову ему на плечо. И вновь оказалась в знакомом саду.

«Папа!» – кричу я, и вместе со мной то же самое повторяет еще один голос. Я оборачиваюсь. В сад влетает настоящий вихрь. Эта девочка, она чуть старше меня, одета в красивое ярко-красное платье с идеально отглаженным белым кружевным воротничком. Ее волосы заплетены в причудливую прическу, а на губах сияет счастливая улыбка.

Она проносится мимо нас с Аспером и бросается на шею человеку, вошедшему в сад. Он кружит ее, обнимает и по-отечески целует в макушку. Затем поднимает голову и смотрит прямо мне в глаза.

– Ну, как поиграли, Ярина? Старшая сестра тебя не обижала? – спрашивает Алексей Аронов.

* * *

Я очнулась, хватая ртом воздух. Запястье, на котором еще несколько часов назад были часы, обожгло. Остался красный след, но часы исчезли. И перед глазами вновь появился зал дома «Зингер». Я снова увидела стол и сидящих за ним участников Игр Стихий. Экскурсия в привычную реальность закончилась. Но была ли она реальной только для меня или Михаил и Аспер тоже все помнят?

По Асперу, как всегда, нельзя было ничего понять, ему можно было даже не надевать маску во время игры, все его лицо было ледяным и застывшим. А вот в глазах Светлова я прочла то, что хотела: он помнил.

– Участники... – Дмитрий Дашков обвел нас взглядом. – Поздравляю команду огня под руководством капитана Ярины Огневой с победой на втором этапе Игр Стихий.

Раздались не очень бурные аплодисменты. Не хлопали только трое: я, Светлов и Аспер.

Затем вынесли шампанское, закуски, и предполагалось, что после игры мы пообщаемся между собой, обсудим прошедшие испытания и повеселим зрителей каким-нибудь лайфстайл-контентом, как бы сказали на Земле двадцать первого века.

Моим ребятам, конечно, не терпелось поделиться тем, как они обыграли всех остальных. Кейт, счастливая до неприличия, замахнувшая сразу два бокала разом, подскочила ко мне:

– Это просто что-то с чем-то, честное слово, Огнева! Все, что ты слышала от меня скептического по поводу Игр, забудь. Это было очень круто, очень весело и очень волнующе! После того как выбили сразу трех сильнейших участников, началась нормальная борьба.

– Вообще-то, карты заговорщиков достались нам с Кейт, – фыркнул Александр.

– Да, ты бы видела, как виртуозно он врал. Теперь я невольно задумываюсь, о чем он врал за время нашей с ним совместной жизни.

– В общем, мы всех запутали и выбили максимум игроков. Ты бы видела лицо Дмитрия Дашкова по мере того, как он понимал, что мы выигрываем.

Так что Кейт радостно потерла ладоши и схватила четвертый по счету бокал:

– Два этапа из четырех – за нами! Даже если мы продумем все оставшиеся, то точно не зайдем последнее место. И это поистине уникальная ситуация – школа Огня никогда не занимала места выше четвертого.

– По-моему, – добавил Александр, – даже Воронцов в какой-то момент проникся и очень нехило нам помог.

– Да, – подтвердила Кейт. – Кажется, он сразу понял, кого назначили заговорщиками, и, как мог, отводил от нас подозрения. Может быть, мы насчет него и были не так уж и правы.

– Вы молодцы, ребята, – натянуто улыбнулась я. – А можно вопрос? Что происходило, когда участников выбивали из игры? Где они оказывались?

Ребята переглянулись. Ответил Сергей, подошедший к нам и до этого слушавший разговор молча:

– Нигде не оказывались. Ты просто отключаешься и приходишь в себя уже тогда, когда все закончилось. А что такое, у кого-то было по-другому?

– Нет-нет, – поспешно ответила я. – Просто интересно, не вредно ли это для здоровья, такие отключения сознания.

Они все так светились счастьем, что мне стало стыдно за то, что я не могу разделить с ними этот памятный момент. И, если вдуматься, это было довольно несправедливо: по сути, участники, которых выбили первыми, даже не насладились игрой.

Но в этом все Игры Стихий. Если на первом испытании каждый мог почувствовать себя великим разрешателем загадок, то во втором этапе – кому не повезло, тому не повезло. Почти как в жизни.

– Огнева, – совсем рядом раздался голос Аспера, и улыбка сошла с лиц моих однокомандников.

Они как будто разом вспомнили, чем нам может грозить победа на турнире.

– На пару слов, – попросил Аспер, хотя скорее все-таки приказал.

Неожиданно для всех вперед выступила Кейт:

– Слушай, Ледяной Принц, научись уже проигрывать.

– Все нормально, – остановила я ее. – Это не связано с Играми, это наши личные дела. Я скоро вернусь, а вы пока веселитесь и придержите для меня бокал. Мне определенно надо выпить.

Мы вышли из здания и остановились за углом, там, где нас не было бы видно из окон.

Совру, если скажу, что рассчитывала, будто Аспер внезапно проникнется ко мне неземной любовью и станет моим лучшим другом лишь на том основании, что я знаю его настоящую судьбу. Но все же надежда, что он станет чуть человечнее, оставалась. И тут же развеялась в пух и прах, как только Дашков-младший открыл рот.

– Напоминаю, что наше соглашение все еще действует, и если тебе нужен иммунитет для очередного члена твоей команды, то ты выполнишь следующее мое желание.

– В тебе вообще нет ничего человеческого, да? – горько усмехнулась я.

– Есть. Но представь, что ты кричишь через толщу воды. Представь, что любые эмоции ты ощущаешь, лишь если они усилены в тысячи раз. Ты хотела знать, почему я играю с человеческими судьбами? Почему мне так нравятся чужие страдания? Потому что это очень сильные эмоции. Я чувствую, когда рядом со мной рушатся жизни. И мне нравится это. Я не получаю удовольствия ни от секса, ни от любви, ни от созерцания прекрасного. Только от ненависти, страха и боли. А рядом с тобой, Ярина Огнева, я получаю этих эмоций в досталь.

Я отступила на шаг, шокированная этим признанием, и подумала, что оказалась не так уж далека от истины. Погибнув в нашем мире, Аспер Дашков возродился в магическом, но стал бездушным чудовищем. Он лишился души. Способности чувствовать...

– Я хочу иммунитета для Кейт Вишневской, – сказала я.

– Хорошо, – откликнулся Аспер. – Тогда слушай, что ты сделаешь для меня.

* * *

Я долго не решалась постучать в знакомые двери. Стояла в коридоре Зимнего дворца, собираясь с мыслями и слушая, как за окном барабанит питерский осенний дождь. Наконец часы с павлином пробили полночь, и я все же постучалась.

– Войдите, – ответил удивленный голос.

Дашков выглядел так, как выглядит человек, который не собирался принимать гостей. И при виде меня он удивленно поднял брови – в его взгляде так и читалось: «А не потеряли ли вы, Огнева, всякий страх?» Но я проигнорировала этот взгляд и нахально села в кресло напротив его стола.

– Вы считаете, что выпитый в моей компании бокал вина дает вам право врываться в мой кабинет? В такой час?

Дашков действительно выглядел разъяренным, но я нервничала вовсе не перед ним.

– Простите. Я собиралась сделать вид, что ничего не происходит, но не могу. Поэтому давайте поговорим начистоту. Мне хватает Игр Стихий, и в игры с вами я уже играть не могу.

Если Дашкова и шокировало мое заявление, то он никак не подал виду. Смерил меня задумчивым взглядом и жестом предложил продолжать. А сам направился к уже знакомому секретеру за новой бутылкой, но бокал в этот раз достал один, явно демонстрируя, что мне не рады. Затем он вернулся к столу, щедро плеснул себе вина, но пить не стал, сложил руки на груди и замолчал.

– Сегодня во время игры кое-что случилось. Когда меня выбрали и я отключилась, вместо того чтобы просто проспять время, пока шла игра, я оказалась в прошлом. В том дне, когда мы с вами познакомились.

Надо отдать Дашкову должное: ни один мускул не дрогнул на его лице. Даже если он и понял, о чем я говорила, а понял он совершенно наверняка, он этого не выдал.

– Я имею в виду реальный мир. А не эту колдовскую подделку, которая возникла по вашей вине.

– Кажется, вы ударились головой. Иного объяснения тому бреду, что вы несете, у меня нет. Может, пока не наговорили лишнего, пойдете домой и как следует отдохнете?

– Я не уйду, пока не получу ответы на все свои вопросы. Бросьте, Дмитрий, чего вам бояться? Я обладаю самой слабой магией в мире, и для вас не угроза. Но вы прекрасно знаете, что человек, которого мучают вопросы, не успокоится и может создать много проблем. Давайте просто честно обсудим все, что случилось. Вы расскажете мне, что на самом деле заставило вас лишиться меня привычного мира, и разойдемся. Мне нужно знать, – почти умоляющим тоном сказала я. – Мне нужно знать, что вы сделали. И почему моя реальность вдруг стала совершенно другой. Это сводит меня с ума.

Он очень долго молчал, смотрел то на меня, то на вино в бокале, то на тлеющий уголь в камине, и в его взгляде мне чудилось сожаление.

– Что именно ты хочешь знать? – наконец спросил он.

– Все, – тут же откликнулась я. – Что вы сделали? Как вы это сделали? Почему я ничего не забыла? И почему во время игры оказалась в своей реальности? Она продолжает существовать? Вы можете отправить меня обратно в тот мир, к которому я привыкла, в котором выросла?

– Все началось с того, что мне сообщили о смерти брата, – сказал Дмитрий. – Я был на Кубе и первым же рейсом вылетел в Петербург. Но к тому времени Аспер был уже мертв. Действовать надо было быстро. Реальность можно переписать, но в течение ограниченного времени после события. Потом оно становится зафиксированной точкой. В прошлой реальности мало кто обладал магией. Ты же изучала на лекциях историю, вам должны были рассказывать об Анне Володарь.

Я кивнула.

– Колдунья, приручившая Ветер Перемен, которая остановила войны и дала начало императорскому роду. Нам рассказывали.

– Вот именно. В привычной тебе реальности приручившим Ветер Перемен был я. По сути, Ветер Перемен – это просто энергия, которая существует в нашем мире и доступна далеко не каждому. Как частицы темной материи, или что там еще искали в прошлой версии мира физики. У меня был дар этой энергией управлять. Собственно, я и улетел на Кубу, потому что там у меня была возможность побыть наедине с самим собой и не натворить дел. Но смерть Аспера все изменила, и я решил, что энергия дана мне не просто так, и власть над ней – тоже. Почему бы не воспользоваться ею для того, чтобы спасти брата? Я знал, что Ветер Перемен действует особым образом. Если выпущу его на свободу, то наполню мир магией. Нужно было придумывать правила игры, по которым этот мир будет жить. И тогда на помощь мне пришла ты. Твоя фантазия здорово мне помогла, потому что, честно сказать, от написания книг я очень далек. Ну а дальше все было просто. – Дашков развел руками. – Ветер Перемен наполнил энергией твои фантазии и добавил магию в нашу реальность. Так появилась Российская империя, весь этот цирк со стихиями и все остальное. Но самое главное, что мой брат был жив.

– Как будто это можно назвать жизнью, – пробормотала я, но Дашков оставил мое замечание без ответа.

– Что касается тебя и того, почему ты запомнила прошлую жизнь, то ответить на этот вопрос я не могу. Вероятно, в силу того, что именно твоя фантазия питала Ветер Перемен, он не смог изменить твою память – слишком тесно оказался с тобой связан. Но Ветер Перемен никогда раньше в таком ключе не использовали. И вряд ли еще смогут использовать хоть раз.

– А мои родители? За что ты из пожарного и экономиста сделал их кожевником и горничной? Что моя семья тебе сделала? Почему для них ты не мог написать хороший сценарий?

Я не собиралась этого спрашивать, но сорвалась.

И впервые на лице Дмитрия появились эмоции. В его глазах вспыхнула обжигающая ярость, а губы искривила усмешка.

– Твой отец, – процедил он сквозь зубы, затем сделал большой глоток вина и поморщился, – не спас моего брата. Хотя мог.

– Что за чушь, боже! Дмитрий... Пожарные не боги, они не могут спасти всех! Мой отец всегда честно работал, на его счету сотни спасенных жизней. Если бы твоего брата можно было спасти, если бы был хоть какой-то шанс, он бы это сделал.

– Ты плохо знаешь своего отца, Ярина Огнева. Для него всегда своя шкура и прикрытая задница были важнее жизни людей. Знаешь, по какой причине? Он не позволял своей команде зайти в здание. Знаешь, почему он не успел? Потому что, когда к нему подбежали друзья моего брата и сказали, что Аспер остался внутри, он им не поверил. Не поверил. Знаешь, на каком основании, Ярина Огнева? На том, что они снимали все на телефон. Из-за ненависти твоего отца к блогерам, к тем, кто снимает все, что происходит вокруг них, погиб мой брат. Из-за его презрения и нежелания верить словам тех, кто направил на него камеру, погиб Аспер. Задохнулся в дыму и сгорел заживо.

– Я тебе не верю. – Я покачала головой. – Папа никогда бы не отнесся так к словам про выживших. Да, он не очень любит, когда снимают его работу. Да, он не раз говорил, что из-за людей с видеорекамерами может случиться непоправимое. Но он никогда бы так не поступил.

– Жаль, что ты не можешь спросить у него сама. Но мне нет смысла врать.

– Нет. Но я много раз видела и слышала, как родные жертв готовы винить кого угодно, лишь бы не признать, что жизни их близких унесла трагическая случайность.

– Жизнь Аспера унесла не случайность, – отрезал Дашков, – а халатность твоего отца. И пусть скажет спасибо, что в этой реальности он обычный нищий кожевник. Потому что на самом деле его могло бы

не быть. Единственная причина, по которой я сохранил ему жизнь, – это ты, Ярина Огнева.

– А я? – Мой голос сорвался.

К горлу подкатили слезы, но нечеловеческим усилием воли я сдержалась.

– В чем виновата я? Почему из всех людей, которые встретились тебе по пути домой, ты выбрал именно меня?

– Это просто случайность. Тебе не повезло, вот и все.

– Не повезло, – эхом повторила я. – Просто не повезло, и весь мой мир рухнул. Остальным ты хотя бы стер память. А я вынуждена вечно возвращаться мыслями к миру, который был мне домом.

– Жизнь бывает несправедливой. Ярина, не делай из меня монстра. Я лишь хотел спасти брата. К тому же для тебя я придумал компенсацию. Разве этого не достаточно?

– Компенсацию? – Я нахмурилась. – И какую же? Одержимость твоего брата? Его постоянные угрозы и безумные игры?

– Михаил Светлов. Хороший мальчик, влюбленный в тебя без памяти.

– Михаил... – Я ахнула. – Ты создал Михаила? То есть в моей реальности его не существовало?!

– Нет, – ответил Дашков. – Я подумал, что немного несправедливо забирать у тебя все. И ты не должна отвечать за преступления своего отца. Поэтому создал для тебя Светлова. Очень рекомендую построить с ним будущее. Этот парень таит в себе немало секретов... и очень приятен.

– Но так нельзя! – воскликнула я. – Нельзя создавать людей в качестве компенсации кому-то, нельзя менять мир! Нельзя заставлять людей жить в этой реальности... Вы не имеете права!

– Право, – отчеканил Дмитрий, – имеет тот, у кого есть сила и власть. У меня они есть. И тебе лучше смириться с тем, что мир стал таким, и научиться в нем жить. Иначе ты очень плохо закончишь.

Я окончательно сорвалась. Уже не выбирала слова и не думала о том, что можно сказать Дмитрию, а что лучше оставить при себе. Хотелось уязвить его как можно больнее. Уколоть в самое больное место.

– Можно закончить хуже, чем твой брат? – едко спросила я. – Есть что-то хуже, чем стать бездушным чудовищем, место которому в

могиле? Не лги хотя бы себе, Дашков. Твой брат... это не человек. Твой брат умер во время пожара. А вернул ты... монстра. Эхо его прежнего. Он ничего не чувствует. Ничего не хочет. В нем нет ничего человеческого. Так ответь мне, Дмитрий: стоило ли это того? Неужели такая жизнь лучше смерти?

– Ты еще никого не теряла, – медленно отозвался Дашков. – Когда-нибудь ты, Ярина, узнаешь, что да. Даже такая жизнь... лучше смерти.

– Верните все назад, – потребовала я. – Верните все назад, как было. Иначе я всем расскажу, что вы сделали.

– Это невозможно.

– Но я была там. Эта реальность еще существует.

– Это был всего лишь сон. Тебе очень хотелось туда вернуться, и ты на миг там оказалась. Но реальность давно переписана. Тебе придется учиться жить в этом мире, нравится это тебе или нет. Возможность для того, чтобы тебе жилось хорошо, я дал. Остальное – не в моей власти.

– Это был не сон. Я была там не одна.

– И есть кто-то, кто может подтвердить твои слова?

– Есть! – раздалось от двери. – Я могу подтвердить.

В кабинет вошел Аспер.

Он стоял на пороге. Его лицо было бледным, а глаза горели холодным гневом. Он слышал все.

– Значит, это правда. – Его голос прозвучал тихо, но каждый слог отдавался металлом. – Я не схожу с ума. Ты просто взял и стер целый мир. Переписал его. Переписал мою память...

Дмитрий Дашков медленно повернулся к нему, и в его взгляде не было ни тени раскаяния, только усталое раздражение.

– Аспер. Ты не должен был этого слышать. Ты – часть новой реальности. Ты жив. Не вмешивайся не в свое дело.

– Не в свое дело? – Аспер сделал шаг вперед, и я инстинктивно отступила, почувствовав, как воздух в кабинете стал густым и колким. – Я был мертв! Я видел собственное тело! Ты вообще собирался мне рассказать?

– Тебе незачем было об этом знать! Это мое, и только мое дело. Я спасал брата.

– И я, значит, должен быть тебе благодарен?

– Предпочитаешь лежать в могиле?

– Предпочитаю знать правду, а не быть твоей марионеткой!

Я вдруг почувствовала, как знакомая дрожь прошла по телу. Она всегда предшествовала всплеску магии. Паника, отчаяние, злость – мои собственные чувства сплелись с эмоциями Аспера и готовы были вот-вот вырваться на свободу.

– Прекратите! – воскликнула я. – Прекратите, пожалуйста!

Перед глазами замелькали ослепительные вспышки. Магия вырвалась наружу.

Сначала задымился угол стопки листов на столе Дашкова. Затем тонкий язычок пламени лизнул папку с гербовой печатью. И через мгновение весь стол был охвачен огнем, словно его облили горячим.

Братья резко замолчали.

Аспер отпрянул, словно его ударили. С его лица сошли все краски, зрачки расширились в немом животном ужасе. Кабинет, брат, я – все вокруг перестало существовать, осталось только пламя.

Но не то пламя, что неумолимо пожирало бумаги на столе Дмитрия, нет.

Он видел другое пламя. Пожирающее плоть. Чувствовал вонь гари, слышал треск балок над головой. Легкие горели от дыма. А кожа вспоминала невыносимую боль. Его дыхание превратилось в короткие хриплые всхлипы. Аспер сжал голову руками, отступая к стене.

Мне вдруг подумалось, что тот пожар и впрямь выжег его душу. Оставил только оболочку.

– Нет... нет, только не огонь... – Его шепот был ломким, почти детским. – Я горел... Я помню, как горел...

Дмитрий на секунду замер, не сводя взгляда с пылающего стола. Он словно не мог поверить в то, что магия, которую он не наделил никакой значимой силой, вдруг нарушила все установленные правила.

Затем он резко посмотрел на меня.

– Ты... – Его голос был низким, звенящим от ненависти. – Вон! Сюю же секунду убирайся из моего дома, пока я не стер тебя так же, как стер твой старый мир!

Я вылетела из Зимнего дворца под удивленные взгляды прислуги. И остановилась, только когда Эрмитаж пропал из виду. Я жадно хватала ртом воздух, пытаясь прийти в себя, но голова гудела, и боль пульсировала в висках.

Наверное, в этот момент ко мне окончательно пришло осознание: в проклятом мире Дашкова придется учиться жить. И мой привычный мир больше не вернется.

Еще несколько часов назад я вгрызлась бы в возможность вернуть привычный мир всеми зубами, но сейчас... Справедливо ли было бы вернуть все на место, зная, что Светлов просто перестанет существовать?

До этого момента я боролась за свою привычную жизнь. А теперь была вынуждена решить, достоин ли существовать Михаил. Не безумец Аспер, а Михаил!

Я сама не заметила, как снова оказалась у дома «Зингер». Посмотрела на его темные окна, и перед глазами, как наяву, вновь встала сцена, как из дверей выносят тело Аспера.

Ненавидела ли я Дмитрия за то, что он вот так взмахом руки распорядился жизнями целого мира? О да, безусловно. Эта ненависть сжигала меня изнутри. Понимала ли я, как больно потерять близкого человека, как больно осознавать, что у тебя никого не осталось, а единственный, кого ты любил, умер в страшных мучениях? К счастью, такого испытать мне не довелось.

Я смахнула набежавшие слезы.

– Ну же, Ярина, – прошептала я, – давай. Смирись с этим, начни просто жить. Строй свою жизнь в новом мире и забудь про Дашковых.

– Я так понимаю, – услышала я за спиной знакомый голос, – ты поговорила с Дашковым. Как экскурсия в привычный мир?

Обернувшись, я увидела Алексея Аронова. С присущей ему усмешкой, засунув руки в карманы, он стоял и смотрел. Тусклый свет фонаря едва обрисовывал его черты.

– Уходите! – попросила я. – Я не хочу сейчас с вами разговаривать.

– Боюсь, что придется, – ответил Аронов. – Разве нет никаких тем, которые тебе бы хотелось обсудить?

– Нет, – отрезала я.

Но Алексей Аронов не был бы самим собой, если бы просто послушался и оставил меня в покое. Он подошел ближе, вцепился в мое запястье мертвой хваткой и потащил куда-то в сторону реки.

Повсюду вдоль канала Грибоедова располагались маленькие лодочные станции. Небольшие лодки вместимостью не больше трех человек бодро водили по речкам маленькие водные драконы. В одну из таких лодок и затащил меня Аронов. Было очень холодно – ночи в Петербурге были уже осенние.

Дракончик, когда мужчина похлопал его по хвосту, бодро двинулся вперед. Я поежилась, и Аронов протянул мне свою куртку.

– Хотя вообще, Огнева, ты маг огня. Могла бы и согреть себя сама.

– Если я попытаюсь согреть себя сама, то подожгу эту лодку, и мы с вами утонем. Впрочем, я плавать умею, а что насчет вас?

– А я думаю о том, что здесь нас не смогут подслушать. Это колдовской Петербург, Огнева. Здесь у каждого поребрика есть уши и каждая парадная умеет строчить доносы прямо в резиденцию Дашковых.

– И что же такого секретного вы хотите мне рассказать? Может, объясните, кто вы такой?

– Кто я такой? – удивленно поднял брови Аронов. – А ты не знаешь, кто я?

– Я видела вас во сне. Вы назвали свою дочь моей сестрой. Моей старшей сестрой. Что это значит?

Алексей вздохнул. Некоторое время он молчал, как будто собирался с духом. Но затем произнес нечто неожиданное:

– На твоём месте последнее, что я бы делал, – это верил в реальность, созданную Дашковым. Ты не видишь, что это не мир, а какой-то бред воспаленного сознания?

Значит, я была права. И Аронов тоже помнил нашу реальность. Но разве сейчас это имело хоть какое-то значение? Дашков ведь четко сказал, что возврат прежнего мира невозможен. И, похоже, он не врал.

– Любая система, – сказал Аронов, – всегда стремится к равновесию. Наш мир работает неправильно, в нем слишком много сюжетных дыр. Поэтому вернуть все как было проще, чем изменить реальность. Ты в этом убедилась, оказавшись в прошлом. Тот мир

замер в точке, в которой Дашков его изменил. Но его можно вернуть в ту же точку, и время пойдет заново.

– Дмитрий никогда не согласится. В этой реальности его брат жив, а там... Аспер мертв. Я бы сама, наверное, не согласилась.

– Согласится, если будет нужный стимул. К тому же его брат не то чтобы жив... Не хочешь же ты сказать, что то существо, которым сейчас является Аспер Дашков, это и впрямь мальчик, которого можно искренне любить?

– О каком стимуле речь? – спросила я.

– Скоро в Петербург приедет император Константин. Он хочет посетить один из этапов Игр. Это ежегодная традиция в рамках его тура по империи. Он может повлиять на Дашкова. Когда узнает, что тот сделал.

– Но у императора все хорошо. Он правит огромной великой империей. У него трое детей и счастливый брак. Зачем ему менять реальность?

Аронов улыбнулся. Дракон подвез нас к одной из станций уже на Неве и остановился, давая понять, что поездка закончена.

– Просто ты даже не представляешь, что потерял Константин. Твоя задача – просто добиться разговора с императором и рассказать ему всю историю. Остальное он сделает сам. Поэтому во что бы то ни стало постарайся выиграть. С победителями он будет общаться лично.

– Зачем это вам? – спросила я.

– Дашков, когда менял реальность, изменил кое-что в моей жизни. И меня это изменение не устраивает.

– Натали? – догадалась я.

Аронов кивнул.

– Мне, знаешь ли, не понравилось, что вместо дочери у меня просто строчка в биографии.

– Но если я... попрошу императора вернуть наш мир... то Светлова не будет существовать.

Алексей склонил голову, смерил меня задумчивым взглядом и спросил:

– После всей лжи, которую ты услышала от Дашкова... неужели ты думаешь, что он не солгал тебе о Светлове?

– А если не солгал?

– Ты же видишь, что случилось, когда жизнь создавалась не естественным путем, а магическим. Скажи, похож ли твой Светлов на монстра, которым стал Аспер?..

* * *

В квартире было темно. Когда я вернулась, все уже разошлись спать. И только где-то громко тикали часы. Я тихо прокралась мимо комнаты мамы и папы, стараясь их не разбудить, и вошла в комнату Светлова. Он не спал, но сидел в темноте.

– Все нормально? – спросила я.

– Нормально? – Он поднял голову. – Мы сегодня узнали, что весь наш мир – это ложь. Разве может это быть нормально?

– Но я ведь тебе рассказывала...

– Я думал, ты бредишь. Или... придумываешь.

– К сожалению, нет.

Я опустила на кровать и с сочувствием посмотрела на Светлова.

– Я говорил с Аспером. Он сказал, что сегодня ты разговаривала с Дашковым.

Я почувствовала, как внутри поднимается тревога, в горле резко пересохло.

– Знаешь, он сказал интересную вещь. – Светлов поднялся. От него исходили волны враждебности, как тогда, когда он сорвался после известия о моем участии в Играх. – Он сказал, что я существую только для того, чтобы компенсировать тебе потерю мира.

Я закрыла глаза. Аспер, даже несмотря на удар, которым для него стало известие, не преминул воспользоваться полученной информацией. И, конечно же, отомстил Светлову за то, что тот обошел его в рейтинге. Не мог не отомстить. Глупо было думать, что Асперу действительно нет до этого дела.

– Аронов сказал, что это чушь. Что если бы тебя действительно не существовало в моем мире, то ты был бы таким же, как Аспер. А ты вполне живой и вроде бы даже не психопат.

– Возможно, – не стал спорить Светлов. – Но это не отменяет того, что Дашков просто использовал меня. Для того, чтобы загладить свою вину перед тобой. Он заставил меня тебя любить.

На это я не нашлась что ответить.

– Все, что я помню, – как все время был рядом, как довольствовался дружбой с тобой, таскал тебе шоколад, надеялся, что однажды ты обратишь на меня внимание... Все это – ложные воспоминания, которые заложили в мою голову для того, чтобы малышке Ярине было не грустно.

Он со всей дури ударил в стену кулаком, и я вскрикнула и отскочила.

– Я об этом не просила.

– Но не то чтобы была сильно против. – Светлов усмехнулся. – Очень удобно иметь рядом с собой такого, как я.

– Не говори так, пожалуйста.

– Плевать, – бросил Светлов и прошел мимо меня к выходу. – Зато теперь все хотя бы встало на свои места.

Я поднялась и сделала шаг по направлению к нему, сама не зная, что сделаю или скажу. Но Светлов вдруг с неожиданной грубостью меня оттолкнул.

– Хватит, – отрезал он. – Быть твоим другом я был согласен. Но быть персонажем твоей истории, второстепенным героем романа про Ярину Огневу, я не собираюсь.

Затем он ушел. Хлопнула дверь, и комната погрузилась во мрак и тишину.

Глава двенадцатая

Михаил не вернулся ни к утру, ни на завтра, ни через неделю. Я приходила снова и снова, ложилась спать в надежде, что наутро увижу привычную чашку кофе и еще теплую булочку. Но Светлов как будто исчез из моей жизни, словно его и не было. И именно сейчас я начала ощущать, как остро мне его не хватает.

И третий этап Игр Стихий стал первым испытанием, которого я не могла дождаться. Просто потому что на нем я, скорее всего, должна была увидеть Михаила.

В Петербург приезжает император!

Эта весть взбудоражила всех без исключения. Об этом писали в газетах, трубили на улицах. И, естественно, это событие обсуждали и в школе Огня. О том, что император хочет взглянуть на третий этап испытаний, стало известно практически сразу. Елизавета Каренина влетела в аудиторию еще до начала занятий и потребовала немедленно явиться на собрание команды. Где и объявила:

– Что ж, пришла информация от распорядителя. Третий этап Игр пройдет на Арене князей Григорьевых. Это самая большая арена в Петербурге, прибудет сам император. Я очень надеюсь, что вы покажете все, на что способны, и не посрамите нашу школу.

– Если этап пройдет на арене, – нахмурилась Кейт, – получается, будут турниры или дуэли?

– К сожалению, всю информацию, которую нам предоставил князь Дашков, я до вашего сведения довела. О характере испытания мне ничего не известно. Но если судить по косвенным признакам, то турниры вполне вероятны. Это давнее любимое времяпрепровождение императорской семьи.

– У участников Игр будет возможность пообщаться с его величеством? – спросила я.

Судя по всему, этот вопрос Каренину удивил. Она растеряла весь свой напускной оптимизм и посмотрела на меня как-то совсем не свойственно ей – серьезно и с каким-то подозрением.

– А зачем тебе нужна аудиенция с императором? Если тебя что-то не устраивает, ты можешь сказать мне, я донесу твою жалобу до

распорядителя.

Я закатила глаза. Как и в любом учебном заведении, Каренина подумала, что я хочу пожаловаться «властям» на что-то, что меня не устраивает. И, естественно, испугалась нагоняя.

– Просто интересно, полагается ли победителям какой-то бонус. – Я пожала плечами.

Вряд ли это объяснение ее удовлетворило, но, к счастью, прозвенел звонок, а нас ждал на паре Аронов. Его пары пропускать было чревато, поэтому мы были отпущены на волю.

Сегодня на практике мы должны были учиться простейшей вещи – зажигать свечи. Выстроившись перед рядом восковых свечей, мы достали усилители и начали бездумно махать палочками в надежде, что фитиль хотя бы начнет тлеть. У меня же все усилия были направлены на то, чтобы не взорвать несчастную свечку, как чашку с кофе.

Но, как назло, в голову лезли непрошенные мысли. Сначала о Светлове, а затем – и те самые, что помогли мне справиться с дверью на первом этапе. Аронов с его идеей заставить императора повлиять на Дашкова сослужил мне плохую службу. Я как будто перестала жить в постоянном ожидании того, что все скоро изменится. Зачем изучать магию, если в скором времени придется идти в обычный политех? Зачем пытаться обуздать силу, которую я в себе открыла, если в скором времени ее не станет? Зачем налаживать связи, дружить с Эленой? Если даже неизвестно, будем ли мы знакомы на Земле двадцать первого века.

Поэтому на свечку я смотрела с завидной долей равнодушия, и, естественно, никакого впечатления на нее это не производило.

– Огнева, вы вообще собираетесь выполнять задание? – подошел Аронов.

– Нет, – честно призналась я.

– И позвольте узнать, почему?

– А какой в этом смысл, если мы все равно вернем все как было? – тихо ответила я.

Передразнивая меня, Аронов наклонился и точно так же тихо ответил:

– А если на это потребуются годы? Если вам не удастся убедить императора после третьего этапа и придется ждать, когда подвернется

новый случай? Вы собираетесь прожить неучем это время? Прозябать в холодной темной коммуналке?

– А что, мне кто-то даст хорошую работу? Вы тут все наперебой кричите, что магия огня может заработать разве что на корку черствого хлеба.

– Как хорошо, что на самом деле я не твой отец, – тихо пробормотал профессор. – Огнева, ты же уже поняла, как работает магия в этом мире. Так почему ты не используешь это понимание для того, чтобы облегчить себе жизнь? Зажги немедленно свечку.

«В выдуманном мире магия может работать как угодно», – произнесла я про себя. Направила усилитель на свечку и почувствовала, как янтарь в руке нагревается. Сначала фитиль задымился, потом вспыхнул.

– Вот молодец, – похвалил Аронов.

На меня вдруг накатило острое желание похулиганить. Дождавшись, когда Аронов отвернется, я украдкой навела палочку на свечи соседей и заставила их вспыхнуть. Ну и, естественно, перестаралась. И свечи вспыхнули вообще все.

Раздался дружный восхищенный вздох. Аронов резко повернулся, скептически посмотрел на ряды мерцающих свечей и покачал головой.

– Иногда, впрочем, применять полученные знания не стоит.

* * *

День третьего этапа Игр Стихий выдался непривычно солнечный. И это меня сразу насторожило. Осенью, в Питере, солнце? Да где это такое видано – без колдовства точно не обошлось. Я улыбнулась собственным мыслям, собираясь на испытание.

Светлов так и не появился, и это единственное, что омрачало мое настроение. Но я пообещала себе, что в реальном мире разыщу его, и, может быть, мы сможем наладить отношения, в которых никого к ним не принуждают при помощи всяких магических сил.

Вокруг арены перекрыли движение на несколько кварталов. Ни один дракон, ни один кеб не мог проникнуть за кордоны стражи. У меня проверили все возможные документы, справки из школы, и, убедившись, что я действительно участник Игр, пропустили внутрь.

Трибуны ломились от зрителей, и мне казалось, что предыдущие два испытания такого ажиотажа не вызывали. Конечно, Игры Стихий были значимым событием для Петербурга, но чтобы настолько... Скорее всего, все зрители пришли поглазеть на императорскую семью. Ходили слухи, что император придет не один, а со старшим сыном, цесаревичем Алексеем. Поэтому дресс-код на трибунах был «надень все лучшее сразу». Каждая из зрительниц мечтала, что именно ее взглядом в толпе найдет цесаревич и случится та самая сказка.

Но я успела глянуть на трибуны лишь мельком и, естественно, никого из императорской семьи увидеть не смогла. Меня сразу проводили в подтрибунное помещение, в специальную комнату, на которой красовалась наспех сделанная табличка «Команда Огня».

– Хочешь очаровать цесаревича, Кейти? – фыркнул Александр, наблюдая, как сестра красится.

Кейт посмотрела на него.

– Не думаю, что его императорское высочество будет в восторге от посторонних в супружеской спальне.

Сергей и Владимир одновременно подняли головы и уставились на Кейт, широко открыв глаза. А я-то считала свое предположение безумием, но выходит, моя догадка оказалась правдивой: что-то в мире Дашкова действительно было неправильно, раз существовали такие проклятия, как у этих двоих.

– Ребята, – неуверенно позвала я. – Я хотела кое-что сказать. Я не могу объяснить все... точнее, вообще ничего не могу объяснить. Но мне нужно, чтобы мы выиграли этот этап. Мне нужно поговорить с императором, а команда победителей будет приглашена на прием, на котором он будет. Я понимаю, что это звучит безумно и что я не могу требовать от вас невозможного, но прошу: сделайте, пожалуйста, все, что от вас зависит, чтобы победить. Это действительно вопрос жизни и смерти.

Ребята переглянулись, и Александр пожал плечами.

– Мы давно решили, что будем делать все, что от нас зависит, чтобы победить, поэтому можешь не волноваться. – При этом он посмотрел на Воронцова, который, кажется, уже перестал с нами сражаться и просто принял правила игры.

Даже он хмуро кивнул, хоть и ничего не сказал.

О том, что этап начался, мы поняли по шуму, который донесся с трибун. Раздался грохот, толпа как будто затопала.

– Это представляют императора, – сказала Кейт. – Он приехал.

На ее губах заиграла легкая и даже мечтательная улыбка. Мне вдруг подумалось, что Кейт как никто другой грезит о сказке, потому что ей она недоступна совсем.

– Итак, команда! – В помещение ворвалась Каренина. – Распорядитель велел донести до вас регламент этого этапа. Во-первых, мне приказано вас уведомить о том, что на арене действуют особые правила безопасности. И большая просьба: применять магию только непосредственно во время турнира.

Значит, все-таки турнир. Что-то мне это все не нравилось.

– Вас будут вызывать на арену по одному. Имя противника вы не будете знать до тех пор, пока не выйдете к зрителям. Остальным участникам команды запрещено ступать на арену и следить за ходом испытаний. Вы не должны знать ни счет, ни то, как справились ваши сокомандники. И отдельно я должна рассказать вам о правилах самой дуэли. Запрещается калечить противника и запрещается пытаться его убить. Естественно, от случайностей вас никто защитить не сможет, но постарайтесь, пожалуйста, чтобы ваши намерения были более чем благородны. Поверьте мне: если что-то случится, суд все равно докопается до правды.

На этой оптимистичной ноте Каренина упорхнула, а я подумала, что если удастся добраться до императора и уговорить его вернуть наш мир, то надо будет попросить запретить любые соревнования вообще, чтобы такого слова в нашем мире, в принципе больше не существовало. Сразу столько проблем решится.

– Интересно, как будут распределять участников? – задумчиво спросил Сергей.

– Максимально зрелищно, – мрачно отозвалась Кейт. – Сильных, скорее всего, будут ставить с сильными. Вопрос только, кого из нас считают сильными магами.

Меня вдруг осенило, и по коже прошелся мороз.

– Ребята, у нас проблема.

Судя по выражению лица Александра, он думал примерно о том же.

Участников вызывают на турнир по одному. Но если Кейт или Александр покинут эту комнату, то на Играх появится первая жертва.

– Так, не паникуйте, – сказала я. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Но единственное, что лезло в голову, – это найти Аронова и попросить помощи у него. Он наверняка что-то смог бы придумать. Но когда я попыталась выйти из комнаты, то наткнулась на широкую спину стража-привратника.

Теперь паниковать начала уже Кейт – ее руки мелко задрожали. Она посмотрела на брата. Тот ободряюще ей улыбнулся и взял за руку.

– «В выдуманном мире магия может работать как угодно», – пробормотала я себе под нос.

– Чего? – не понял Сергей, стоявший рядом.

Думать надо было быстро. План, пришедший в голову, был далеко не идеальный и вполне мог провалиться, но другого не было.

– Значит, так. Скорее всего, капитанов будут вызывать последними, обычно самые зрелищные моменты оставляют на финал. А мы все же остаемся в топе, несмотря на то что выбыли из второй игры раньше, чем все остальные. Поэтому, вероятно, меня не вызовут вначале. Как только вызовут Кейт и Александра, я устрою пожар. Скорее всего, это сорвет испытание, но...

– Но, Ярина, ты же хотела поговорить с императором. Ты сказала, это важно, – произнесла Кейт.

– Не настолько важно, чтобы рисковать вашими жизнями. Я устрою пожар. И всех выведут. Скорее всего, этап отменят или, во всяком случае, пересмотрят как-то правила. Может быть, нам удастся поговорить с Ароновым, и он что-нибудь придумает. Других идей у меня просто нет, и это единственное, что может нам помочь.

В воздухе прямо искрило от напряжения, пока мы ждали, когда за нами придут. Наконец дверь открылась, и вошел стражник.

Мы затаили дыхание.

– Ярина Огнева, – сказал он.

Кейт вздрогнула, я ощутила, как похолодели руки. Я быстро повернулась к команде и сказала:

– У вас будет восемь минут. Я успею. Я смогу.

Вряд ли они мне поверили. Я и сама не была уверена, что смогу устроить заварушку на таком расстоянии от ребят и что вообще смогу после боя проследить за тем, кого вызовут следующим.

Стражник настойчиво приглашал меня к выходу, и ничего не оставалось, как последовать за ним. Всю дорогу меня мучил один вопрос: почему я первая? По всем законам логики и зрелищности я должна идти в конце, капитаны всегда идут в конце. Но у Дашкова на этот счет, видимо, был другой план.

Когда я оказалась на арене, в первое мгновение меня оглушили аплодисменты, а глаза заслезились от яркого света прожекторов, которые светили на поле. Я поискала взглядом императорскую ложу, но, конечно, ничего не смогла толком рассмотреть. Зато отлично рассмотрела Аспера, который стоял напротив. Что ж. Первая дуэль получится зрелищной. Но короткой.

– Дамы и господа! – пронесся над стадионом усиленный магией голос Дашкова. – Третий этап ежегодных Игр Стихий открывают самые яркие капитаны команд этого года: Аспер Дашков, капитан команды воды, и Ярина Огнева, капитан команды огня!

Под шум аплодисментов и крики толпы я стояла на сцене. Руки были ледяные и мокрые от волнения. Аспер смотрел на меня с явным предвкушением, которое сквозило в его привычной усмешке. Когда прозвучал сигнал, я достала усилитель. Что там говорил Аронов? Защитная стойка и атакующая...

Я выбрала атакующую, но сорвавшаяся с кончика палочки жалкая искра в мгновение ока захлебнулась и погасла в ледяном порыве, который Аспер послал в ответ.

Затем он начал играть.

Тонкие и острые осколки льда свистели в воздухе, царапая кожу, которой сумели коснуться. Я отпрыгнула, и водяной кнут с хлестким звуком ударил по земле там, где я была всего мгновение назад.

На лице Аспера появилась довольная и жестокая улыбка кота, который забавляется с мышью. Ловко и грациозно орудуя хлыстом, он заставил меня бежать вдоль арены. Земля под ногами покрывалась льдом, и я поскальзывалась, уворачиваясь от ударов.

Вокруг клубился холодный туман, в котором я терялась.

Я чувствовала на себе взгляды тысяч зрителей, слышала их улюлюканье, когда Аспер демонстрировал очередной эффектный трюк. Сомнений не было никаких: он мог уничтожить меня в первую же минуту боя. Но разве это было интересно?

Наивная глупая девчонка, вообразившая, что может победить Ледяного Принца!

Лишь одна мысль заставляла меня снова и снова вставать. Не обращать внимания на боль и холод. «Я должна помочь Вишневым».

В очередной раз совсем рядом просвистел хлыст, но на этот раз ударил мне по ногам. Я взвыла от боли, упав на землю, и выругалась. Толпа на трибунах закричала.

– Да будьте вы все прокляты...

Я крепче сжала янтарную палочку.

– В. Выдуманном. Мире. – Каждое слово давалось с трудом, хотелось скулить от боли. – Магия. Может. Работать. КАК УГОДНО!

Следующий огонь, что вырвался из моего усилителя, уже не был искрой.

Это было пламя.

Плотный раскаленный шар с громким шипением встретил ледяной поток Аспера и... обратил его в клубы пара.

Усмешка сошла с лица парня.

Одним неуловимым движением он вызвал из земли гейзер ледяной воды, и я тут же повторила трюк, призвав столб пламени. Огонь разрезал воду пополам и трибуны утонули в паре.

Я вошла во вкус.

Магия стала продолжением злости и ярости. Теперь я направляла ее сознательно. Не заботясь о законах мира и о выдумке, будто огонь – слабая сила.

Я сплела из пламени щит, и новая порция ледяных игл разбилась о него с сухим треском. Послала волну жара в землю под ногами – и лед растаял.

– Ты забыл! – Я взмахнула усилителем наискось. – Я владею огнем... единственной стихией, которой ты боишься!

Напоминание о слабости, о прошедшем кошмаре, стало для Аспера красной тряпкой. Вокруг меня прямо из воздуха появилось кольцо воды и начало неумолимо сжиматься.

Но пламя, льющееся из раскалившегося докрасна янтаря, не давало кольцу сомкнуться.

В какой-то момент наши взгляды встретились. В глазах Аспера уже не было насмешки. Только удивление и... страх. Тщательно скрываемый, уже обузданный – но все же страх.

И не только перед огнем. Почему-то казалось, и то, что мышка вдруг решила дать отпор, напугало Аспера не меньше.

И даже шум трибун утих.

Вот это настоящая магическая дуэль!

– Довольно игр! – прошипел Аспер так, что слышала только я.

Он больше не пытался играть или загонять меня в угол, он стремился причинить как можно больше боли.

Тончайшая, почти невидимая струйка ледяной воды вонзилась мне в плечо. От холода мышцы свело судорогой. Я вскрикнула и едва устояла.

Новый удар пришелся по ногам. Их сковал лед, и я застонала от адской боли. Не спасли даже утепленные ботинки.

Это было наказание. Издевательство. Аспер методично, с холодной жестокостью, демонстрировал свое превосходство, заставляя меня корчиться от пронизывающей леденящей боли.

Каждый мой стон вызывал у него лишь злое удовлетворение. Наверное, Аспер готов был меня убить. А может, и собирался. Это осознание вдруг вывело меня из оцепенения и заставило подняться. «Соберись, Ярина! Он убьет тебя на глазах у всего Петербурга, а потом отправится праздновать победу!»

Внутри поднялось что-то жуткое. Не страх, не отчаяние. Чистая, нерафинированная ненависть. К Асперу, безумцу без души, получающему удовольствие от чужой боли. К его брату, настолько слабому, что вынужденному бежать от реальности в другой мир. К себе, за то, что ввязалась в эту историю и заговорила с незнакомцем в самолете.

Она заполнила все. Вены, желудок, горло. Покалывала кончики пальцев, готовая вот-вот с них сорваться. Ненависть сожгла и страх, и сомнения и... человечность?

Моя рука с усилителем поднялась сама собой, повинуюсь не разуму, а этому всепоглощающему чувству. Я даже не целилась.

Я просто выплеснула огонь наружу.

Это был взрыв. Ослепительная, ревущая волна пламени сорвалась с кончика палочки и устремилась вперед с такой силой, что отбросила меня назад. Она ударила в Аспера, лишь чудом успевшего выставить ледяной щит. И, если бы он этого не сделал, наверное, убила бы.

Огненный шар, раскаленный добела, прочертил в воздухе дугу и со свистом понесся прямо туда, где я раньше тщетно пыталась разглядеть почетного гостя.

В возвышающуюся над ареной императорскую ложу.

– НЕТ! – услышала я до боли знакомый голос.

Где-то сбоку мелькнула фигура Светлова.

В этот же миг защитное поле, ограждающее зрителей от случайных выбросов магии, вдруг сверкнуло и почему-то погасло.

Светлов кинулся наперерез огненному шару, и дальнейшее я видела словно в замедленной съемке. Вот на лице императора появляется удивление, вот его собой закрывает Михаил, и огненный шар врезается в него, заставляя осесть на землю.

– Нет, – прошептала я. – Нет!

Бросилась к нему, перемахнула через ограждение, и ни один стражник не решился меня остановить.

– Откуда ты здесь взялся?! Ты же должен быть с командой под трибуной! – прокричала я, опускаясь на колени рядом с Михаилом. На его груди зияла страшная выжженная рана. – Что ты здесь делал?!

Михаил открыл глаза и с трудом сфокусировал на мне взгляд. В уголке его губ появилась капля крови.

– Искорка, – он слабо улыбнулся, – знаешь... я был не прав. Жить ради тебя было приятно. А умереть ради императора... честь.

– Не говори глупостей, – чувствуя, как подкатывают слезы, произнесла я. – Ты не умрешь. Сейчас приедут врачи, или кто здесь людей лечит... и тебе помогут, спасут!

Я попыталась зажать рану, но как можно зажать ожог, прошедший через внутренности? У меня из груди вырвались рыдания, и Светлов, вложив последние силы в этот жест, взял меня за руку.

– Искорка... – Его голос становился все тише. – Мне очень больно. Прости... но тебе лучше не смотреть на то, что я сейчас сделаю.

– Держись, слышишь? Не смей сдаваться! Ты не можешь умереть, ты не можешь оставить меня одну в этом проклятом мире!

Я чувствовала, будто говорю какими-то фразами из дурацких фильмов. Светлов из последних сил сжал мою руку.

А потом... Потом я увидела, как его кожа покрывается инеем. И до самой последней секунды, пока не застыл его взгляд, я чувствовала,

как холод, который охватывал его тело, пробирает изнутри и меня.

Я уже видела этот кошмар, который сейчас воплощался наяву. В хрустальном шаре, полученном из рук Дмитрия. Предсказание всегда сбывается. Иногда совсем не так, как мы того ожидаем.

Я подняла голову и сквозь слезы различила силуэт Аспера.

– Ты обещал, – сквозь зубы почти простонала я. – Ты обещал, что его не тронешь!

Аспер неторопливо подошел, опустился на колени возле мертвого Михаила, наклонился так, чтобы не слышали окружающие, и с улыбкой произнес:

– Я не нарушал слово, Ярина. Иммунитет защищал его от меня, а не от тебя. Ты еще не поняла? Меня невозможно обыграть. Я всегда получаю то, что хочу. А самая сладкая боль – та, что вы причиняете себе сами.

Глава тринадцатая

Во время похорон шел дождь. Я впервые в жизни оказалась на кладбище. Как-то так получилось, что в реальной жизни мне ни разу не доводилось бывать в подобном месте. Дождь шел стеной, посетители раскрыли над головами зонты, но они не спасали. Папа тоже держал надо мной зонтик. Впрочем, я не обращала на него никакого внимания.

Пришли все. Моя команда. Соседи по коммуналке, которых я раньше никогда не видела. Мама. И папа. Преподаватели и однокурсники Светлова. Алексей Аронов.

Дашковых не было. И хорошо, потому что, если бы у Дмитрия хватило наглости сюда заявиться, я вцепилась бы когтями в его лицо. Никогда в жизни мне не хотелось убить человека, но сейчас я, казалось, была готова на все.

У Светлова не было родителей и других близких родственников. И я до дрожи боялась, что именно мне велят бросить на его гроб первый комок земли. Но из толпы гостей вдруг вышел мужчина, в котором я узнала императора.

Стража дежурила неподалеку на случай, если что-то пойдет не так. Но в этом не было необходимости – никто не собирался покушаться на государя.

Все пришли попрощаться.

– Его родители, – произнес император, неотрывно глядя на свежую могилу, – были моими хорошими друзьями. Я видел, как он рос. Жаль, что... такая яркая жизнь оборвалась.

Его голос сорвался, и мужчина с шумом сглотнул.

– Покойся с миром, маг воды Михаил.

Мама сжала мое плечо. Последние три дня она была сама не своя. Я не могла находиться в комнате Михаила, и пришлось вернуться домой. К моему удивлению, мама не стала препятствовать и даже помогла перенести вещи. Должно быть, на мне и впрямь не было лица. Я не рассказала родителям о роли Аспера. О том, что он сказал после того, как Светлов умер. Что бы они сказали, узнав, что я виновата в гибели Михаила?

Все время, пока император говорил, в ушах звучали слова Алексея. Он пришел через сутки после гибели Михаила, чтобы выразить соболезнования и сказать, что Игры отменили.

– Алексей Иванович, – спросила я, – если у меня получится добиться от Дашкова, чтобы он вернул привычный мир, Михаил будет в нем жив?

Аронов посмотрел на меня с сочувствием, но ответ был неутешительный:

– Я не знаю, Ярина. Не имею никакого понятия.

И он просто ушел, оставив меня с этой неразрешенной дилеммой. Попробовать все вернуть – но чем тогда я буду отличаться от Дмитрия Дашкова? И в то же время жить в проклятом мире, без единственного человека, который этот мир скрашивал, мне тоже не хотелось.

Наконец могилу начали засыпать землей. Я не стала смотреть, развернулась и направилась прочь.

– Ярина! – Меня догнал император. Два стража следовали за нами, держась на почтительном расстоянии, но я чувствовала, что они не сводят с меня глаз.

– Ваше величество, – пробормотала я, и поняла, что понятия не имею, как следует обращаться к правящей особе.

– Примите мои соболезнования, Ярина. Михаил говорил о вас. И он вас очень... ценил. Ценил вашу дружбу.

Я смутилась. Тыльной стороной ладони вытерла слезы и сказала:

– Он ни разу не говорил, что знаком с вами.

– Да. – Император улыбнулся. – Он хороший мальчик и высоко ценил доверие, которое я ему оказывал. Его родители были моими близкими друзьями, когда мы учились в школе.

Я не собиралась этого говорить, но слова против воли сорвались с губ:

– И что, ему ничего за это не будет?

– Простите, не понимаю вас...

– Асперу. Он же это подстроил. Вам не кажется странным, что щит спал именно в этот момент? Да, Михаил поступил благородно, но... Аспер это сделал! И он просто будет жить дальше?! Он будет, а Миша нет?!

– Ярина... Я понимаю, как вам больно. Поверьте, мне больно не меньше. Но мы не можем искать виноватых в несчастном случае.

Такое, к сожалению, случается.

– Да бросьте! Меня только ленивый не предупредил о том, что такое чаще всего случается именно с теми, кто переходит дорогу Асперу. Вам не кажется, что это уже переходит все границы? Посмотрите, сколько людей погибло на Играх Стихий! И посмотрите, сколько из них погибло по вине этого парня!

– Что ж, если вам станет легче, я обещаю, что изучу этот вопрос.

– Простите, – выдохнула я. – Я не хотела вам грубить. Просто... не знаю. Он был моим другом. Мы дружили с самого детства, и столько лет прожили рядом... И он был... он был влюблен в меня, я не могла ответить ему взаимностью, а когда хоть что-то почувствовала, он погиб. И это так несправедливо!

Я все же не сдержалась и всхлипнула.

Константин осторожно и как-то по-отечески погладил меня по голове.

– Вам нужно держаться. Михаил погиб героем.

– Спасибо. – Я с трудом заставила себя улыбнуться. – Спасибо за поддержку.

– Если я могу для вас что-то сделать – не стесняйтесь.

– Можно мне будет с вами поговорить? – Я подняла голову и посмотрела ему в глаза. – Простите, я не уверена, что сейчас смогу выдержать разговор, но... я хотела кое-что с вами обсудить, кое-что рассказать. И... мне было бы очень важно поговорить хотя бы несколько минут.

Император будто ждал этого вопроса. Он полез во внутренний карман камзола и извлек небольшой чистый лист с монограммой императорского дома.

– Конечно. Вот. Напишите на этом листе записку и отдайте в канцелярию, мне передадут. И вам назначат аудиенцию.

– Спасибо. – Я вцепилась в этот кусок бумаги, как в спасательный круг, до побелевших костяшек.

Император ушел, ко мне тут же подошли родители, и на их лицах читался почти благоговейный ужас.

– Ярина, что хотел его величество? – спросила мама.

– Просто выразить соболезнования, – отмахнулась я. – Он дружил с родителями Михаила, и, видимо, Михаил обо мне ему рассказывал.

Папа посмотрел с сочувствием, но ничего не сказал. Медленно мы шли домой. Родители предлагали воспользоваться драконом, но я хотела прогуляться.

Я вымокла до нитки, но холод хоть немного отвлекал от разрывающей изнутри боли. Порой я будто забывала о том, что произошло. Ловила себя на мысли, когда видела что-то интересное: «надо рассказать Михаилу». Вспоминала, что рассказывать больше некому – и едва не срывалась в очередной приступ рыданий, от которых уже болело горло.

Когда мы дошли до дома, единственное, чего мне хотелось – это упасть в постель и забыться. Мама заваривала успокаивающий чай, и он немного помогал заснуть без кошмаров. Но едва я закрывала глаза, как слышала слова Аспера. Снова и снова.

Ведь это я его убила. Моя магия убила его. Если бы я не пыталась играть с Аспером во взрослые игры, если бы я не была такой наивной душой, Светлов сейчас был бы жив. Он бы вообще не пошел на Игры, если бы я не была такой душой.

Но плану поспать не было суждено сбыться: в квартире нас уже ждал невысокий полноватый мужчина в дорогом костюме и странном, немного несурразном, атласном изумрудном галстуке.

– Ярина Огнева? – деловито спросил он.

– Да, это я. А вы, простите, кто?

– Меня зовут Григорий Ростов. Я поверенный Михаила Светлова. Мне поручено ознакомить вас с завещанием покойного.

– Завещанием? – эхом откликнулась я.

Какое странное слово.

– Все верно, все верно, – кивнул Григорий. – Михаил Светлов, господин Светлов, мой клиент, оставил завещание. И согласно его условиям, в день похорон я должен огласить его наследнику. Ну а так как вы – единственная наследница покойного, то, соответственно, завещание я вынужден огласить вам. Прежде всего примите, пожалуйста, мои соболезнования. Это ужасная утрата. Такой молодой человек, талантливый маг... Я давно говорю, что эти Игры нужно закрыть к чертям. Не должны дети соревноваться в магических умениях. На это и существуют школы, чтобы обуздать магию. В общем...

Он тяжело вздохнул.

– Что ж, если вы не возражаете, я вас с завещанием ознакомлю. Вот, пожалуйста.

Он протянул мне листок, и я с трудом, из-за выступивших слез, вчиталась. Но смысл написанного дошел далеко не сразу. Я перечитала еще трижды и подняла голову:

– Что это значит?

– А... там все написано. Имущество господина Светлова переходит вам. Конкретно – данная квартира, в которой мы находимся, и определенная сумма денег. Э... общий объем средств указан на второй странице. Вы сможете получить наследство не... э... менее чем спустя две недели после похорон, в том случае, если не объявятся наследники более высокого приоритета согласно законам Российской империи.

Квартира. Деньги... Этой суммы хватило бы, чтобы купить дом прямо на Невском. Почему он жил здесь? Почему делал вид, что снимает комнату, стоял в очереди в душ, варил кофе на замызганной кухоньке?

Ответ напрашивался сам собой. Он делал это, чтобы быть рядом со мной.

Я бросила завещание на стол и развернулась к выходу.

– Ярина! – крикнула мне вслед мама.

Но я ее не слушала. Через несколько минут я уже неслась по Дворцовой набережной напрямик к Зимнему дворцу.

* * *

– Неужели ты хотел добиться именно этого?

Дмитрий задумчиво посмотрел на вино в бокале и промолчал.

Но Алексей Аронов не унимался:

– Тебе ее совсем не жалко? Девчонка и так страдает от собственной памяти, а ты позволил лишить ее парня. Признай уже! Твой брат – монстр. И ничего общего с тем хорошим мальчиком Алешей, каким он был в обычной реальности, у него нет.

– Если мне когда-нибудь понадобится совет, – холодно отозвался Дмитрий, – я непременно его спрошу. Ты зачем явился? Чтобы читать мне нотации? Ярина Огнева, безусловно, невинная жертва. Но при

любых перемен есть сопутствующие потери. Что касается ее так называемого парня... то его никто не заставлял бросаться грудью на защиту императора. Он сам сделал свой выбор. Конечно, выбор героический, и Российская империя этого не забудет, но тем не менее это был его выбор, и он вполне мог остаться в живых.

– Хорошо бы ты сам верил в то, о чем говоришь.

В парадных залах Зимнего дворца пылали тысячи свечей. Их свет дробился в хрустальных подвесках люстр и отражался в золоченых рамах портретов.

Воздух был густым от аромата дорогих духов, воска и дождливой свежести, проникающей с улицы. Офицеры в расшитых мундирах и дамы в бальных платьях, усыпанных жемчугом и камнями, плавно скользили по паркету, их смех и легкая музыка растворялись в величественном шепоте приемной. На столах, уставленных фарфором, искрилось шампанское, а в серебряных блюдах дымились изысканные закуски.

Дмитрий Дашков стоял у высокого окна, отделенный от веселья прозрачной стеной собственного равнодушия. Он наблюдал за толпой, но не видел ее. В ушах еще звучали недавние дебаты в парламенте – крики о запрете Игр, о сломанных судьбах, требования справедливости.

А здесь, в трех шагах от кабинета, где решались судьбы империи, элита веселилась, словно ничего не произошло. Смерть мальчика на арене стала для них всего лишь пикантной темой для светской беседы между бокалом и танцем. Им было важно лишь одно: чтобы скандал не омрачил их удовольствий и не затронул их кошельков.

Все как обычно.

Он сделал глоток вина, ощущая его холодную горечь. Именно так все и должно быть.

Шум для толпы – чтобы она думала, будто ее голос что-то значит. А настоящие решения принимаются здесь, в тишине, под звуки менуэта.

Пусть газеты и политики кричат об Играх. Пока они спорят, никто не заметит, как меняются правила наследования магических артефактов или как перераспределяются ключевые посты в министерствах.

Дмитрий Дашков вернул брата. Вернет и абсолютную власть над Ветром Перемен.

Он поставил бокал на поднос проходившего слуги. Пусть празднуют. Завтра он снова будет делать историю, пока они будут обсуждать вчерашний бал.

Дмитрий медленно перевел взгляд с толпы на брата. Аспер стоял в стороне, прислонившись к косяку двери, и наблюдал за весельем с тем же пустым, безразличным выражением, которое не покидало его лица с момента возвращения из мертвых. В нем не было ни тени того мальчишки-озорника, который когда-то смешил Дмитрия до слез. Все, что осталось, – это холодная, бездушная оболочка, наделенная ужасающей силой.

По спине Дмитрия пробежал легкий, но отчетливый холодок. Не страх за себя – он верил в свою неуязвимость. Это был примитивный, животный страх перед сущностью того, что он сотворил.

Он резко отвел глаза, глотая остаток вина. Нет. Нельзя. Нельзя даже думать об этом. Страх – это слабость. Сомнения – роскошь, которую он не может себе позволить. Он взял новый бокал и сжал так, что хрусталь чуть не лопнул.

Главное – Алеша жив. Его сердце бьется. Он дышит. Он здесь. Все остальное – детали. Побочные эффекты. Цена, которую Дмитрий заранее был готов заплатить и за которую теперь должны платить и другие.

Он вырвал своего младшего брата из когтей смерти, и никакая цена не была для этого слишком высокой. Ни страхи, ни сомнения, ни даже призрачный ужас, который он сейчас ощущал, глядя в пустые глаза единственного родного человека.

* * *

Идиллию бала разорвал грохот – тяжелые дубовые двери парадного зала с такой силой распахнулись, что дрогнули хрустальные подвески люстр. Музыка оборвалась на высокой ноте, за ней наступила тишина, нарушаемая лишь шумом дождя снаружи и приглушенными раскатами грома.

Это была Ярина.

В черном траурном платье и милой шляпке с вуалью.

Дмитрия поразили ее глаза. Широко открытые, горящие такой невыносимой смесью боли, ярости и отчаяния. В них было страшно смотреть. Ее взгляд метнулся по залу, пронзил толпу и остановился на нем.

– ТЫ! – Ее голос, хриплый от крика и слез, прокатился по замершему залу, заставив некоторых особо чувствительных дам вздрогнуть.

Она пошла к нему, не обращая внимания на испуганно расступающихся гостей, оставляя за собой мокрые следы на паркете.

– Верни его! Верни все как было! Верни мир, в котором Михаил Светлов жив! Ты слышишь меня? Верни его!

Она остановилась в нескольких шагах от Дмитрия, ее тело мелко дрожало от холода и нахлынувших эмоций. Слезы, смешиваясь с дождевой водой, текли по ее щекам, но она даже не пыталась их вытереть. Весь ее вид, вся ее искаженная болью фигура кричали об одном: о черте, за которой уже не осталось ни страха, ни осторожности, ни даже надежды.

– Он не должен был умирать! – Ее голос сорвался на полувсхлип, но тут же снова набрал силу. – Ты украл мой мир! Подсунул вместо него эту пародию! Верни мне мою реальность, слышишь?! Я больше не могу оставаться в этой! Я больше не могу!

Он не шелохнулся.

Оценивающе окинул взглядом ее дрожащую фигурку, мокрые волосы, потеки туши на щеках. И это был взгляд взрослого, холодно наблюдающего за истерикой непослушного ребенка.

– Замолчи. – Его голос прозвучал негромко. – Ты забыла, где находишься и с кем говоришь? Твой «мир»?

Он произнес это слово с откровенным, язвительным пренебрежением.

– Твой мир был ошибкой. Неудачным черновиком. Я дал тебе и всем вам нечто лучшее. Упорядоченное. Сильное. А ты – глупая девочка, ноющая о каком-то мальчишке. Он был всего лишь куском хлеба, который я бросил тебе в утешение, а ты возомнила себя героиней трагедии? Ты думаешь, у тебя есть право что-то требовать? Твой Михаил Светлов сделал свой выбор – бросился под огонь как идиот, играя в героя. Это его решение, а не мое.

Он выдержал паузу, чтобы до нее дошел смысл каждого его слова. Это последний раз, когда он говорит с Яриной Огневой. По правде говоря, ему следовало ее просто убить еще тогда, когда он понял, что у нее сохранилась память.

– А теперь убирайся. Пока я не велел страже вышвырнуть тебя отсюда. Привыкай жить в мире, который тебе дан. Это – единственная реальность, которая у тебя есть. Но и ее ты лишишься, если еще хоть раз позволишь себе подобную выходку. Знай свое место! Я – князь Дашков, повелитель Ветра Перемен. И не тебе, безродная бездарная девчонка, ставить мне ультиматумы!

– Тогда...

В глазах Ярины в самом настоящем смысле взметнулось пламя. Она направила руку в сторону Аспера, и тот мгновенно побледнел.

– Позволь рассказать тебе еще кое-что. У магии огня есть очень интересное свойство.

Ее голос дрожал от злости и напряжения.

– Оказывается, магия огня может заставить жидкость вскипеть. А ты знал, что кровь – это жидкость? И смерть от закипающей крови... намного мучительнее смерти в пожаре.

Аспер закричал. Его сердце горело изнутри, по жилам текла раскаленная лава.

Дашков бросился к Ярине, но она успела первой: выскочила на балкон, распахнула двустворчатые двери и повернулась к еще недавно ликовавшей, с наслаждением обсуждавшей кровавые подробности Игр толпе.

– Ты прав, – прошептала она. – Это моя новая реальность.

За ее спиной вспыхивали очаги пожаров. В мгновение ока весь город окрасился во все оттенки алого. Пламя сжирало дома и шпили. Бликами рисовало на поверхности рек и каналов приговор.

– И в этой реальности, – медленно произнесла Ярина, – твой Петербург будет гореть.

Конец первой книги.